

Кристина Юраш

Дефектная жена

Ты поздно раскаялся, дракон!

Кристина Юраш

**Дефектная жена. Ты
поздно раскаялся дракон!**

«Автор»

2026

Юраш К. Ю.

Дефектная жена. Ты поздно раскаялся дракон! / К. Ю. Юраш —
«Автор», 2026

Меня чуть не убило платье, а муж-дракон впервые увидел меня без макияжа и принял решение искать новую жену. Когда кругом красавицы с магическими фильтрами в магических платьях с иллюзиями идеальных фигур, сложно принять жену с аллергией на любую магию. Ещё вчера я терпела, мучилась. Ради мужа. А сегодня я лежу с магическими ожогами в спальне, внизу проходит званый ужин и смотрины будущей невесты. Никто не мог гарантировать, что я не передам магическую аллергию нашему будущему наследнику-дракону. Поэтому этажом ниже уже выбирали женщину, которая сможет занять моё место. Вот только именно на смотринах новой невесты выяснилось: моя магическая аллергия — вовсе не бесполезный дефект. Она позволяла мне делать то, чего не могли лучшие маги королевства. Моя ценность изменилась настолько стремительно, что глава тайной канцелярии посмотрел на моего мужа и совершенно спокойно предложил:— Уступите мне жену, которую всё равно собирались оставить. Я готов её купить. Любая сумма.

© Юраш К. Ю., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ	6
Глава 1	9
Глава 2	10
Глава 3	12
Глава 4	14
Глава 5	16
Глава 6	17
Глава 7	18
Глава 8	20
Глава 9	21
Глава 10	22
Глава 11	23
Глава 12	24
Глава 13	26
Глава 14	27
Глава 15	29
Глава 16	30
Глава 17	32
Глава 18	33
Глава 19	34
Глава 20	35
Глава 21	37
Глава 22	39
Глава 23	41
Глава 24	42
Глава 25	43
Глава 26	44
Глава 27	45
Глава 28	47
Глава 29	49
Глава 30	50
Глава 31	51
Глава 32	52
Глава 33	54
Глава 34	55
Глава 35	56
Глава 36	57
Глава 37	59
Глава 38	61
Глава 39	62
Глава 40	64
Глава 41	66
Глава 42	68
Глава 43	70
Глава 44	72
Глава 45	74

Глава 46	76
Глава 47	77
Глава 48	78
Глава 49	79
Глава 50	81
Глава 51	83
Глава 52	85
Глава 53	86
Глава 54	88
Глава 55	89
Глава 56	91
Глава 57	93
Глава 58	94
Глава 59	95
Глава 60	96
Глава 61	98
Глава 62	99
Глава 63	100
Глава 64	102
Глава 65	103
Глава 66	105
Глава 67	106
Глава 68	108
Глава 69	109
Глава 70	111
Глава 71	113
Глава 72	114
Глава 73	116
Глава 74	117
Глава 75	119
Конец ознакомительного фрагмента.	120

Кристина Юраш

Дефектная жена. Ты поздно раскаялся дракон!

ПРОЛОГ

— Прекрати кривляться и задыхаться, Лотесса! Мне уже стыдно перед гостями за собственную жену. Это обычное платье. Оно не может причинять тебе боль. Оно не может, как ты говоришь, «выжигать тебя изнутри», — процедил мой муж, герцог Бельтран, не переставая улыбаться кому-то у меня за плечом.

Он даже не посмотрел на меня, хотя я держалась за край стола уже не ради приличий. Если бы пальцы разжались, я бы, наверное, сползла прямо под белоснежную скатерть между его сапогами и чужими дорогими туфлями.

Серебристо-белый лиф казался раскалённым изнутри. Сначала мне показалось, что корсет просто затянули слишком туго. Потом начало жечь под грудью, там, где верхний край лифа сильнее всего давил на тело, затем огонь разошёлся по спине и бокам. Теперь горело всё сразу, словно между кожей и тканью кто-то насыпал раскалённую металлическую стружку, затянул шнуровку и заставил меня улыбаться, пока эта стружка медленно вплавлялась в тело.

Боль была такой сильной, что я уже не могла понять, где заканчивается платье и начинается обожжённая кожа.

Бельтран чуть повернул бокал, принимая чьё-то приветствие, и, не меняя выражения лица, добавил тише, чтобы услышала только я:

— Хватит прикидываться вечно больной. Твоё нытьё уже начинает раздражать. Почему у всех жёны как жёны, а моя вечно ноет? Может, и правда пора тебя заменить? Сама посмотри, сколько вокруг женщин, способных пережить один вечер без истерики.

Мимо нас как раз прошли две ослепительно красивые женщины. Их кожа была белоснежной, без единого изъяна, волосы сверкали в свете люстр. Впрочем, в зале почти все выглядели так. Магия научилась исправлять недостатки, подчёркивать достоинства, скрывать морщины и придавать лицу ту совершенную гладкость, которой природа обычно не давала никому.

Бельтран проводил женщин взглядом и едва слышно усмехнулся.

— Одна моя жена вечно выглядит так, словно у меня нет денег, чтобы сделать её красивой. И в кои-то веки я уговорил тебя надеть нормальное платье и выглядеть, как подобает герцогине, ты тут же решила устроить истерику. Как мне это ещё называть?

Пальцы сами сильнее вцепились в резной край стола. На мгновение боль от дерева под ногтями даже помогла: она была обычной, понятной, и от неё можно было отдёргнуть руку. От платья отдёргнуться было некуда.

Музыканты у дальней стены продолжали играть, будто ничего не происходило. В хрустале дрожал свет люстр, кто-то смеялся возле колонн, звенели бокалы, по залу скользили женщины в золотых, изумрудных и лиловых платьях. Магические узоры перетекали по их юбкам, вспыхивали на драгоценностях, придавали коже фарфоровую гладкость, волосам — блеск, глазам — глубину.

Ещё утром я, наверное, смогла бы признать, что всё это красиво. Сейчас лица гостей расплывались, свет распадался на мутные пятна, а серебряные нити на моём собственном платье становились всё ярче.

Я осторожно попыталась вдохнуть глубже. Грудь поднялась и остановилась где-то на половине вдоха. Воздуха не хватило. Я попробовала ещё раз и услышала собственный тихий, неприятный свист.

Я ещё надеялась, что достаточно будет заставить мужа наконец посмотреть на меня. Через несколько минут это увидит уже весь зал.

— Бельтран... — Имя мужа вырвалось вместе с остатком воздуха, и я потянулась к его рукаву, потому что говорить громче уже не могла.

У Бельтрана едва заметно напряглась челюсть. Он наконец скосил на меня глаза, но улыбка для гостей осталась на месте.

Я знала это лицо слишком хорошо, чтобы обманываться его светской улыбкой. Бельтран был красив той спокойной, породистой красотой, которая особенно хорошо смотрелась рядом с дорогим мундиром и герцогским титулом: резкие скулы, твёрдый рот, длинные тёмные волосы, собранные сзади и тяжёлыми прядями лежавшие на воротнике. Когда-то мне нравилось смотреть, как эти пряди выбиваются к вечеру и делают его чуть менее безупречным. Сейчас безупречность раздражала сильнее всего.

— Не здесь, Лотесса. Если ты вдруг решила умирать, то будь так любезна выбрать другое место, а не приём в честь тысячелетия моего герцогства, — предупредил он тихо, и в этом шёпоте сквозило раздражение. — Не порти мне и гостям вечер.

Он тут же изменился в лице, когда к нам подошли гости.

— ... я рад, что мои слова наконец-то подтвердились. У вашего внука действительно редкий дар, — кивнул он в ответ на благодарность. — Его сложно распознать с первого взгляда. Я сразу сказал вам, что дар проснётся позже. И то, что ребёнок без магии пока ещё не означает позор семьи.

— Вы просто спасли нашу семью, — расцвели в улыбке подошедшие гости. — Сейчас мы наняли лучших учителей. Вы куда квалифицированнойней лекарей.

Бельтран довольно улыбнулся.

— Я знаю, — кивнул он.

Я заставила себя разжать пальцы на столе и выпрямиться, хотя от этого лиф сильнее врезался под рёбра. Мне нужно было только добраться до спальни, расстегнуть проклятую ткань и понять, что со мной происходит.

— Мне нужно снять платье, — сказала я так ровно, как смогла, и от собственного голоса стало страшнее: он звучал тоньше обычного, будто горло уже тоже сдавило.

Теперь Бельтран посмотрел на меня. Всего на секунду его взгляд задержался на лице, скользнул по плечам и остановился на серебристо-белом лифе, который ещё утром приводил портниху в восторг.

«Последняя столичная работа», «защитные чары», «особое сияние», «вы будете самой прекрасной женщиной на балу» — она повторяла это, поправляя складки на юбке. Я тогда промолчала, хотя уже знала, что от большинства зачарованных вещей у меня болит голова или начинается чесаться кожа. Это платье было важным. Бельтран слишком много раз напомнил мне об этом за последние дни.

Я сглотнула, и горло болезненно дёрнулось.

— Сейчас, пожалуйста, — попросила я, стараясь не хватать его снова. — Я не могу в нём оставаться.

Улыбка Бельтрана не дрогнула, потому что всё ещё предназначалась гостям. Только пальцы, державшие бокал, сильнее сжались на тонкой ножке.

— Через полчаса, — отрезал он, почти не разжимая губ. — Потерпишь до конца приветствий. Потом можешь вернуться в спальню и хоть до утра там сидеть, если тебе так хочется.

От одной мысли о получасе меня затошнило. Я покачала головой и сразу пожалела об этом: зал качнулся вместе со мной, а серебряная вышивка на груди будто сдвинулась по коже.

— Я не выдержу полчаса, — выдохнула я, уже не пытаясь скрывать, как тяжело даётся каждое слово.

Бельтран наконец повернулся ко мне всем корпусом. Со стороны это, вероятно, выглядело как внимание мужа к жене, но голос у него стал почти неслышным.

— Выдержишь. Ты понимаешь, кто сегодня здесь?

Глава 1

Я понимала слишком хорошо. В нашем зале собрался почти весь двор, половина высшей знати и несколько иностранных послов. Но больше всего последние три дня говорили о человеке, чьё появление заставляло даже самых громких сплетников понижать голос: Анхальт Хейс, дракон, глава тайной канцелярии.

Я видела его раньше только на газетных портретах. На них он всегда выглядел одинаково: тёмный мундир, спокойное лицо и взгляд человека, который замечает то, что другие предпочли бы спрятать.

Сейчас Анхальт стоял у дальней колонны и разговаривал с одним из королевских советников. Между нами двигались гости, блестели бокалы, мелькали чужие плечи, и всё же мне было неприятно сознавать, что стоит ему повернуть голову — и он увидит, как герцогиня Мантейфель цепляется за стол, потому что больше не может нормально вдохнуть.

Я снова втянула воздух ртом. Получился короткий свистящий вдох, и на этот раз Бельтран его услышал.

— Мне всё равно, кто здесь, — сказала я, чувствуя, как от нехватки воздуха немеют губы.

Лицо мужа изменилось совсем немного, но я слишком хорошо его знала, чтобы не заметить. Улыбка стала жёстче, а взгляд — холоднее.

— А мне нет. Не порть мне этот вечер из-за очередного недомогания, — произнёс он и снова посмотрел поверх моего плеча, словно разговор уже был окончен. — Не хватало, чтобы все решили, что моя жена напилась до истерики. Веди себя достойно. Хотя бы полчаса.

Слово «очередного» задело сильнее, чем должно было. Я проглотила ответ, потому что сейчас мне нужна была не ссора. Мне нужно было, чтобы он поверил хотя бы на десять минут.

— Я прошу только разрешить мне подняться наверх. Скажи, что мне стало плохо, — попросила я, удерживая взгляд на его лице.

Бельтран коротко усмехнулся и чуть качнул бокалом в сторону зала.

— И оставить меня объяснять всем этим людям, почему хозяйка дома сбежала с собственного приёма? Нет, Лотесса. Ты останешься здесь и будешь улыбаться гостям, как положено. Не забывай о своих обязанностях герцогини.

Жар под тканью поднялся к плечам. Мне пришлось снова опереться ладонью о стол, и ближайшая вилка тихо звякнула о тарелку. Несколько гостей повернули головы. Бельтран заметил это раньше меня.

— Мне действительно плохо, — произнесла я совсем тихо.

Вместо того чтобы приблизиться, муж раздражённо выдохнул через нос.

— Тебе всегда плохо. Причёску сделали — чешется и жжёт. Украшение надела — душит. Платье, кроме того уродливого, которое ты обычно носишь, — колется. Десерт съела — живот болит. Сколько можно, Лотесса?

Глава 2

Он перечислял мои жалобы тем же тоном, каким можно было бы перечислять опоздания слуги или разбитую посуду, и с каждым словом мне становилось всё яснее, кем я выгляжу в его глазах. Именно так он видел мои последние месяцы — как список мелких неудобств, испортивших ему жену.

Я смотрела на его лицо и чувствовала стыд за собственную надежду. Я всё ещё верила, что достаточно будет показать ему, насколько мне больно, и он перестанет злиться. Что под раздражением остался тот простой предел, после которого муж всё-таки выберет меня, а не удачный вечер.

— Потому что мне действительно плохо, — выдохнула я. Воздух закончился раньше фразы, и последние слова прозвучали почти шёпотом.

Бельтран нахмурился, словно даже моя слабость была ещё одним способом вывести его из терпения, но на этот раз ничего не ответил. Просто отвёл глаза.

Я заставила себя оторвать руку от стола и протянула её к нему.

— Посмотри на меня, Бельтран. Пожалуйста, не на гостей — на меня.

— Я смотрю, — раздражённо возразил он, хотя взгляд уже скользнул мимо моего лица к людям за спиной.

От отчаяния я схватила его за запястье. Это получилось резче, чем я собиралась. Несколько человек рядом обернулись, и Бельтран мгновенно накрыл мою руку своей, превращая мой рывок в почти нежный жест мужа. Только большой палец больно вдавился между костяшками.

— Убери руку. Ты уже привлекаешь внимание, — потребовал он, чуть наклонившись ко мне.

В этот момент мимо проходила знакомая пара, и лицо мужа изменилось с такой лёгкостью, что мне стало почти дурно уже не от платья.

— О, барон! Вы сегодня в ударе! — Бельтран приветственно поднял бокал, продолжая больно удерживать мою руку. — Ваша супруга выглядит просто великолепно. Я рад, что вы приехали!

Барон что-то ответил, его жена улыбнулась, и они прошли дальше. Бельтран тут же снова посмотрел на меня, словно между двумя его лицами не было никакого противоречия.

Я не разжала пальцев. Мне было всё равно, что подумают люди рядом, если он наконец позволит мне уйти.

— Позволь мне снять платье, — попросила я, стараясь удержать голос.

Давление его пальцев усилилось.

— Перестань устраивать сцену, Лотесса. Я и без тебя на нервах из-за этого приёма.

— Оно жжёт, — повторила я, потому что других слов уже не оставалось.

Бельтран посмотрел на мой рукав так, словно я предлагала ему поверить в детскую страшилку.

— Ткань не может жечь. Вот, смотри. Обычная ткань. — Он демонстративно провёл ладонью по серебряной вышивке. — Видишь? Моя рука не сгорела.

Я качнула головой, и даже это движение отозвалось болью под воротом.

— Это не ткань. Чары.

Бельтран всё ещё удерживал мою руку так, чтобы со стороны его жест можно было принять за поддержку.

— Платье проверяли трижды, Лотесса. Трижды. Ты прекрасно это знаешь. Я сам **проверял плетение. Оно стабильно.** Когда ты ещё на примерке сказала, что оно колется, его

специально надела твоя горничная. С ней ничего не случилось. Ни с кем ничего не случилось. Только с тобой — как всегда.

И хуже всего — Бельтран говорил не наугад. В магии он разбирался лучше большинства придворных магов. Он мог по одному рисунку плетения определить школу чар, находил ошибки в защитных контурах и не раз первым замечал то, что пропускали дипломированные специалисты. И именно поэтому его уверенность сейчас пугала сильнее чужого недоверия: если ошибался Бельтран, мне больше не на кого было опереться.

Глава 3

Поэтому, когда муж говорил, что с платьем всё в порядке, какая-то часть меня верила ему больше, чем собственной коже.

В ту же секунду серебряная вышивка на рукаве вспыхнула ярче. Я увидела это совершенно отчётливо: тонкие нити словно ожили и медленно потянулись выше по предплечью. Следом под кожей прошла такая резкая волна огня, что колени подломились. Я удержалась только потому, что всё ещё цеплялась за Бельтрана.

Вскрик получился тихим, почти беззвучным. Муж нахмурился и впервые за весь разговор посмотрел прямо мне в лицо.

— Лотесса... — начал он, и от одного изменения его голоса во мне снова поднялась надежда.

Сейчас он поймёт. Он должен был понять. Если кто и мог понять, что со мной происходит что-то неправильное, то Бельтран. Иногда мне казалось, он замечал магию раньше, чем видел людей.

Но сейчас перед ним была я.

Даже если в последние месяцы его раздражало моё здоровье, даже если ему надоели лекари и мои отказы от зачарованных вещей, я всё ещё была его женой.

Мне нужно было всего несколько минут наверху и помощь со шнуровкой.

Я прижала свободную ладонь к груди, будто это могло заставить её раскрыться для полноценного вдоха.

— Пожалуйста, — повторила я.

Бельтран посмотрел мне в глаза, а потом оглянулся на гостей. Он слышал свистящее дыхание, чувствовал, как дрожат мои пальцы на его запястье, видел, что я едва стою, и всё равно первым делом проверил, кто заметил нашу ссору.

— Улыбнись, — тихо приказал он, возвращая на лицо светское выражение.

Я на секунду решила, что ослышалась.

— Что? — переспросила я, не понимая, как это слово вообще могло относиться к происходящему.

Бельтран чуть сильнее сжал мою руку и, не сводя глаз с приближающейся пары гостей, повторил:

— Все уже смотрят. Улыбнись, Лотесса. Ты герцогиня Мантейфель. Соответствуй хотя бы сегодня.

И в этот момент я наконец перестала искать ему оправдание. Он уже видел, насколько мне плохо. Просто считал мой позор перед гостями опаснее моей боли.

Бельтран поднял руку и поправил край моего рукава, будто хотел привести жену в порядок перед чужими глазами. Его пальцы легли прямо на серебряную вышивку, и боль взорвалась от запястья до плеча.

Я вскрикнула уже вслух и дёрнулась так резко, что бокал выпал из моей руки. Хрусталь разбился о пол, брызнув осколками под стол. Музыка не оборвалась сразу: сначала стихли ближайшие разговоры, затем сбились скрипки, и только потом огромный зал начал замолкать.

В наступившей тишине моё дыхание стало слышно слишком отчётливо — хриплое, ровное, унижительное.

Бельтран отступил на полшага и посмотрел на осколки. Его лицо побледнело от злости.

— Ну вот. Именно этого я и хотел избежать, — проговорил он сквозь зубы, словно разбитый бокал окончательно доказал мою вину.

Мне хотелось ответить, но язык стал тяжёлым. Я попыталась отойти от него, сделать хотя бы один шаг к выходу, и колени задрожали. Перед глазами поплыли чёрные пятна.

— Мне нужно... вверх... — выговорила я, почти не чувствуя пальцев, зато платье ощущала каждой точкой тела.

Оно больше не казалось одеждой: ткань будто стала частью боли, прилипла к коже и тянула её за собой при каждом движении. Через несколько секунд терпеть эту боль молча я уже не смогла.

Глава 4

Я схватилась за ворот и рванула застёжку. Она не поддалась, а Бельтран перехватил обе мои руки прежде, чем я успела попробовать снова.

— Ты что творишь? — Его голос впервые прорезал зал без попытки скрыть раздражение. Он прижал мои кисти ниже, не позволяя дотянуться до застёжки. — Ты с ума сошла раздеваться при всех? Ты вообще понимаешь, что делаешь? Убери руки от платья.

Ворот давил на горло, каждый новый вдох становился мельче, и я уже не думала о гостях.

— Сними его с меня, — попросила я, пытаюсь вывернуть кисти из его рук.

Бельтран удержал крепче.

— Прекрати. Ты сейчас окончательно опозоришь нас обоих.

Я снова потянулась к вороту, насколько позволяла его хватка.

— Сними его с меня! — крикнула я, впервые уже не заботясь о том, кто услышит.

По залу прошёл шёпот. Совсем рядом кто-то поспешно отставил бокал, зашелестели юбки, гости начали оборачиваться. И только теперь Бельтран по-настоящему побледнел. Не когда у меня подкашивались ноги. Не когда я не могла вдохнуть. А когда на нас посмотрел весь зал.

— Немедленно успокойся, — процедил он, пытаюсь снова понизить голос. — Ты превращаешь приём в балаган.

Я вцепилась в ворот пальцами, которые почти не слушались.

— Я задыхаюсь.

Бельтран схватил меня за руки и с силой отвёл их от застёжки.

— Ты прекрасно дышишь. Не надо выдумывать то, чего нет.

Я посмотрела ему в глаза, всё ещё надеясь увидеть хотя бы сомнение.

— Бельтран... — позвала я уже без просьбы, потому что не знала, чем ещё можно заставить его увидеть меня.

Он ответил медленно, почти терпеливо, словно объяснял очевидное ребёнку:

— Ты дышишь, Лотесса. Если бы ты действительно задыхалась, ты бы не устраивала мне сцену на весь зал.

После этих слов мне больше не нужно было угадывать, верит он мне или нет. Не верил. Совсем.

За моей спиной раздался негромкий мужской голос:

— Герцог.

Бельтран сразу выпрямился и выпустил одну мою руку. Я проследила за его взглядом и увидела подходящего к нам Анхальта Хейса.

Вблизи глава тайной канцелярии казался выше, чем на газетных портретах. Тёмный мундир сидел на нём без единой складки, лицо оставалось спокойным, и именно это спокойствие сильнее подчёркивало тишину вокруг. Он не посмотрел на разбитый бокал и не стал оглядывать гостей. Его взгляд сразу остановился на мне, задержался на лице, а затем опустился к рукаву, где серебряная вышивка всё ещё едва заметно мерцала.

Только вблизи я поняла, насколько газетные портреты ему льстили и одновременно врали. Волосы у Анхальта оказались не бледными, как на дешёвой печати, а густыми, длинными, тёплого светлого оттенка; несколько прядей свободно лежали на плечах тёмного мундира. Тёмные брови делали лицо резче, почти хищнее, а спокойный взгляд совсем не смягчал правильных черт.

Он казался холстом, на котором женщины рисовали свои самые заветные мечты.

Но красивым его хотелось назвать лишь до тех пор, пока он не смотрел прямо на тебя.

Анхальт остановился достаточно близко, чтобы слышать моё дыхание.

— Ваша жена просит снять с неё платье? — спросил он Бельтрана, продолжая смотреть на меня.

Муж коротко усмехнулся, будто перед ним наконец оказался человек, которому можно объяснить неловкость.

— Моя жена иногда страдает припадками. То ей платье душно, то причёска жжёт. Простите, что сегодня вышла такая неловкость. — Он сделал крошечную паузу и с той же светской улыбкой добавил: — Как вам закуски?

Глава 5

Щёки обдало жаром. Он сказал это при Анхальте так же просто, как минуту назад перечислял мои жалобы мне самой. Теперь это было уже не нашей ссорой. Муж только что вынес мою боль на середину зала, назвал её припадком и тут же предложил собеседнику закуски.

Анхальт не улыбнулся. Его взгляд снова прошёл по моему лицу, и от этого внимательного молчания мне стало почти стыднее, чем от слов мужа.

— Быть может, стоит позвать лекаря? — спросил глава тайной канцелярии, но смотрел при этом не на Бельтрана, а на меня.

Муж медленно повернул к нему голову. Пальцы на моём запястье разжались окончательно, однако в его голосе появилась та холодная вежливость, которой он пользовался, когда злился настолько, что не хотел давать человеку удовольствие это заметить.

— Вы предполагаете, что я не способен разобраться с собственной женой, которая до ужаса не хотела на этот бал и сейчас готова сделать всё, чтобы меня опозорить?

Анхальт сделал ещё шаг, не вступая в спор и не отводя от меня взгляда.

— Я предполагаю, что ваша жена сейчас упадёт. Она едва стоит на ногах.

Я поняла, что он прав, на секунду раньше, чем пол под ногами качнулся. Свет люстр вытянулся длинными белыми полосами, лица гостей поплыли вверх, а пальцы, которыми я снова пыталась найти край стола, схватили пустой воздух.

Потом стало неожиданно легко. Боль отступила куда-то далеко вместе с музыкой, шёпотом и жжением под платьем. Остался только холод, быстро поднимающийся от рук к плечам.

Я не ударилась о пол. Чьи-то руки успели подхватить меня раньше, и по тому, что Бельтран всё ещё стоял передо мной, я успела понять: это был не он.

Перед тем как темнота закрыла зал, я в последний раз увидела лицо мужа. Впервые за весь вечер Бельтран больше не улыбался.

— Режьте, — распорядился незнакомый мужчина совсем близко, и я услышала, как рядом зашуршала ткань.

— Это платье стоило... — начал Бельтран, но незнакомец перебил его прежде, чем муж успел назвать сумму:

— Герцог, если вас сейчас волнует платье, выйдите. Мне будет проще работать без человека, который собирается защищать от ножниц собственность, уже вплавившуюся в его жену.

Я попыталась открыть глаза, но веки не послушались. Темнота оставалась плотной, и от неё невозможно было понять, где я нахожусь и сколько времени прошло с того момента, как пол исчез из-под ног.

Зато боль никуда не исчезла. Стоило попытаться пошевелиться, как платье потянуло кожу на груди, спине и руках, и я замерла, боясь сделать новый вдох глубже необходимого. Воздуха теперь хватало, но горло всё ещё сжималось в ожидании того страшного свиста, который Бельтран слышал и всё равно называл нормальным дыханием.

Кто-то взял меня за руку возле локтя. Прикосновение оказалось сухим и деловым, пальцы не пытались ни успокоить, ни удержать меня, а через мгновение возле запястья раздался металлический щелчок. Только тогда я поняла, что мужчина не держал мою руку — он разрезал рукав.

Дорогая ткань сопротивлялась ножницам. Каждый короткий треск отдавался в коже так, словно резали не платье, а меня. Следующее движение ножниц должно было показать, насколько глубоко чары успели войти в моё тело.

Глава 6

Я невольно напрягала пальцы, ожидая следующего движения. Потом ткань разошлась, под неё проник прохладный воздух, и я закричала.

Боль оказалась такой резкой, что зрение вернулось вместе с ней. Свет ударил в глаза, сначала белым пятном, затем из него проступили высокий потолок, край ширмы и седоватый мужчина в очках, склонившийся над моей рукой.

Доктора Хескета я видела раньше несколько раз. Обычно Бельтран приглашал другого лекаря — более модного и гораздо охотнее объяснявшего мои жалобы «женской впечатлительностью».

Сейчас Хескет не смотрел на меня. Он застыл над разрезанным рукавом, удерживая ножницы в одной руке, а другой осторожно отводя ткань от предплечья. Я никогда не видела у лекаря такого выражения лица.

В нём не было ни привычного профессионального спокойствия, ни той снисходительной скуки, с которой меня осматривали последние месяцы.

— Что? — выдохнул Бельтран, и я повернула голову на его голос.

Он стоял с другой стороны кушетки, стоявшей в гостевой комнате, достаточно близко, чтобы протянуть руку и коснуться меня. Наконец-то рядом. Только теперь на его лице не осталось ни светской улыбки, ни раздражения из-за испорченного приёма.

Бокала тоже не было. Бельтран смотрел на мою руку, и пальцы его правой руки медленно сжимались, словно ему требовалось за что-то держаться, но поблизости ничего не оказалось.

— Что там? Говорите! Не надо играть в загадки! — потребовал он уже жёстче, сделав шаг к Хескету, однако доктор не ответил.

Хескет осторожно раздвинул края разрезанного рукава.

Я повернула голову следом за его руками и увидела то, из-за чего он молчал. Под серебряными нитями кожа больше не выглядела кожей: по предплечью тянулись тонкие багровые полосы, в точности повторявшие рисунок вышивки.

Сначала мне показалось, что узор просто отпечатался на теле от жара и слишком тесной ткани, но одна из серебряных нитей уходила прямо в воспалённую кожу. Её конец не лежал сверху и не прилип к ожогу — он исчезал внутри.

Желудок сжался. Я вспомнила, как несколько минут назад Бельтран демонстративно провёл ладонью по моему рукаву, показывая, что ткань не способна жечь. Он сам проверял платье. Его трижды проверяли другие. Горничная надевала его на себя, защитное плетение оставалось стабильным, и никто не нашёл ничего опасного.

Бельтран тоже это помнил. Он наклонился над моей рукой, всматриваясь в серебряный рисунок с той сосредоточенностью, которую я слишком хорошо знала. Так он рассматривал магические схемы, когда находил в них ошибку раньше специалистов, часами работавших над расчётами. Только сейчас привычной уверенности на его лице не было.

Хескет провёл пальцем вдоль багровой полосы, не касаясь воспалённой кожи. Бельтран проследил за движением и тихо произнёс:

— Невозможно. Я сам проверял плетение. Оно стабильно. В нём не было ни одного повреждённого узла.

Доктор наконец поднял на него глаза. Несколько секунд он изучал Бельтрана поверх очков, а потом неожиданно спокойно согласился:

Глава 7

— Вы правы, герцог. Судя по тому, что осталось от плетения, с самим платьем всё в порядке.

Мне почему-то захотелось рассмеяться. Даже сейчас Бельтран оказался прав. Он стоял возле кушетки бледный, впервые за весь вечер не пытаясь убедить меня, что я всё придумала, а человек, разрезавший платье на моей руке, подтверждал именно его слова.

Наверное, выражение моего лица всё-таки изменилось, потому что Хескет быстро посмотрел на меня, затем снова на руку и осторожно отогнул ещё один кусок ткани.

Серебряная нить натянулась вместе с ним, и меня обожгло так сильно, что пальцы судорожно сжались на краю кушетки.

— Не двигайтесь, герцогиня, — резко предупредил Хескет, сразу прекратив тянуть ткань. Он подался ближе, поправил очки и уже тише добавил: — Я понимаю, что больно. Поэтому и прошу не двигаться. Здесь нельзя просто сорвать платье.

Бельтран резко перевёл взгляд на доктора.

— Почему?

Хескет не стал отвечать сразу. Он подцепил кончиком инструмента одну из серебряных нитей и чуть приподнял её. Я видела, как она выходила из вышивки, ложилась на воспалённую кожу и дальше исчезала под ней, словно моя рука каким-то невозможным образом продолжала рисунок платья.

— Потому что платье её не обожгло, — произнёс Хескет, не отрывая взгляда от нити. — Ваше плетение действительно стабильно. Только оно больше не находится исключительно на ткани.

Бельтран перестал сжимать пальцы. Его рука повисла вдоль тела совершенно неподвижно, а взгляд прошёл от серебряной нити к моему лицу.

Ещё совсем недавно этими же глазами он смотрел на меня в зале и терпеливо объяснял, что я прекрасно дышу. Теперь раздражение исчезло. Бельтран смотрел на серебряную нить, уходившую под мою кожу, и впервые за весь вечер я увидела в его глазах страх.

Хескет медленно отпустил нить, чтобы она не потянула кожу, и закончил уже без прежней сухости:

— Чары проникли внутрь. А так быть не должно!

Я посмотрела на собственное предплечье. Серебряный узор был красивым, когда портниха показывала его утром: тонкие ветви расходились по ткани, вспыхивали при движении и должны были заставить мою кожу казаться светлее.

Теперь те же ветви продолжались под кожей багровыми дорожками.

Доктор Хескет снова подцепил серебряную нить щипцами, но на этот раз она не натянулась. Свет пробежал по ней от моей кожи к ткани и вдруг погас. Серебряный узор на срезанном краю рукава потемнел на несколько пальцев, словно кто-то выжег из него чары.

Доктор нахмурился и провёл инструментом по мёртвому участку плетения.

— Странно, — произнес он себе под нос.

— Что? — Бельтран сразу наклонился ближе, словно пытаясь рассмотреть это «странно».

— Контур разрушился, — поднял глаза доктор. И тут же нахмурился сильнее. — Ничего не понимаю.

— Вы могли его просто разрезать, — отмахнулся Бельтран. — Именно поэтому магию накладывают на готовое платье, а не только на ткань.

Хескет посмотрел на ножницы, потом снова на погасшую вышивку.

— Возможно вы правы, — вздохнул доктор. — Сейчас это наименьшая из наших проблем.

Муж опустился и взял с пола срезанный кусок, прижимая его к своей руке.

— Я держу его. Ничего не происходит! — произнёс Бельтран, отнимая лоскут платья от своей кожи.

На ней не осталось ни следа, ни отпечатка.

— На вас чары действительно не действуют, — задумчиво произнёс доктор Хескет. Он бережно снял лоскут щипцами. — Как и на горничную. Как, вероятно, не действуют на любого другого человека. А с вашей супругой происходит то, чего происходить не должно.

— Значит, воздействие направлено именно на неё? — Бельтран резко поднял голову. — Это было сделано намеренно?

Глава 8

Не дожидаясь ответа, герцог крикнул слугам:

— Быстро вызовите мне эту портниху! Немедленно! Я убью её своими руками.

— Погодите, — вздохнул доктор. — Давайте сначала освободим вашу супругу. Она и так очень пострадала. Потом уже будете убивать.

Бельтран побледнел ещё сильнее и придвинулся к кушетке. Его рука дёрнулась ко мне, но остановилась над разрезанным рукавом: впервые за весь вечер он, кажется, не знал, куда можно прикоснуться, не причинив мне ещё больше боли.

Хескет посмотрел на остатки платья, затем на Бельтрана и произнёс с той неприятной точностью, которой, вероятно, и заслужил свою репутацию:

— Ещё немного — и вы бы снимали с неё не платье.

Доктор перевёл взгляд на меня, а пальцы у моего локтя стали осторожнее.

— Вы бы снимали его вместе с кожей.

После этих слов я перестала следить за тем, что делали с платьем.

Ножницы ещё несколько раз хрустнули возле плеча, кто-то принёс простыню, Бельтран потребовал не тянуть ткань там, где серебряные нити уже ушли под кожу, и доктор Хескет раздражённо ответил, что прекрасно видит, куда они ушли.

Я лежала, вцепившись пальцами в край кушетки, и ждала только одного: когда доктор наконец скажет, насколько всё плохо.

Вопрос о портнихе больше не казался важным. Даже боль отступила куда-то за ожидание, хотя каждый новый участок освобождённой кожи горел от воздуха.

Мне хотелось услышать простое и понятное: это пройдёт. Или хотя бы: вы будете жить.

Доктор Хескет ничего такого не говорил. Он методично снимал с меня остатки платья, складывал срезанные куски подальше от кушетки и время от времени останавливался, чтобы рассмотреть очередную багровую полосу.

Бельтран тоже замолчал. Он больше не требовал привести портниху и не пытался спорить с доктором, но стоял так близко, что я видела его всякий раз, когда поворачивала голову.

Обычно муж терпеть не мог чужую медлительность. Сейчас он следил за руками Хескета и только один раз вмешался, когда доктор потянул серебряную нить возле моего плеча.

— Не тяните её, — резко потребовал Бельтран, наклоняясь ближе к моей руке. — Она уходит под кожу. Если плетение сохранило связь с основным контуром, вы потянете весь узел следом.

Хескет остановился и посмотрел на него поверх очков, а затем осторожно отпустил нить.

— Поэтому я и режу по одному участку, герцог. Но благодарю за помощь. Если захотите ещё немного помочь, не мешайте мне.

В другое время Бельтран обязательно ответил бы. Я даже ждала знакомого холодного тона, после которого слуги начинали двигаться быстрее, а гости вспоминали, что им срочно понадобилось оказаться в другом конце комнаты.

Но муж лишь выпрямился и отступил от кушетки.

От этого стало тревожно. Неужели всё так плохо?

Глава 9

Я помнила только резкую боль, пронзившую тело, и собственный крик перед тем, как потеряла сознание.

Я не помнила, когда меня перенесли в спальню и уложили на кровать. В следующий раз я открыла глаза уже в своей постели и некоторое время просто смотрела на балдахин, пытаясь понять, почему привычное мерцание защитных чар над кроватью стало нестерпимо ярким.

Тонкие золотистые линии пробегали по ткани, замыкались возле резных столбиков и снова начинали движение. Я видела их сотни раз и раньше почти не замечала, но теперь от каждого всполоха начинало неприятно покалывать лицо.

Я закрыла глаза, и почти сразу услышала голос Хескета.

— Когда это всё началось? — спросил доктор.

Он говорил негромко, но находился где-то совсем рядом. Я не сразу поняла, что вопрос предназначался не мне.

— Она жаловалась ещё с примерки. Но тогда платье просто кололось. Я... я не придавал этому значения, — голос Бельтрана прозвучал со стороны окна.

— Нет, вы меня неправильно поняли, ваше сиятельство. Меня не интересует сегодняшний эпизод. Меня интересует, когда начались первые реакции на магию?

Наступила пауза.

Я ждала ответа мужа и почему-то вспомнила, как несколько часов назад он перечислял мои жалобы перед гостями: причёска жжёт, украшение душит, платье колет, десерт вызывает боль. Тогда каждое слово звучало обвинением.

Теперь Хескет спрашивал о том же самом, и я впервые услышала в этих мелочах не собственную испорченность, а что-то, что могло иметь значение.

— Несколько месяцев назад, — наконец ответил Бельтран. Голос его стал ближе, словно он отошёл от окна. — Сначала я думал, что дело в отдельных чарах. Проверял украшения, одежду. Ничего. Плетения были исправны.

— А еда?

— Она жаловалась на боли после некоторых блюд.

Хескет чем-то тихо звякнул возле кровати. Я приоткрыла глаза и увидела его за столиком у изголовья. Доктор раскладывал инструменты, не глядя на Бельтрана, а муж стоял напротив него, положив ладонь на спинку кресла. Пальцы сжимали дерево сильнее, чем требовалось.

— Зачарованных блюд? Ну, десертов, например. Тех, которые привыкли украшать магией? — уточнил Хескет, повернув к нему голову.

Бельтран нахмурился.

— Не только. Я не записывал всё, что она ела. Но она что-то говорила как раз про десерты.

— Жаль. Так бы у нас была полная картина, — вздохнул доктор Хескет.

— Вы полагаете, это связано? — встревоженно произнёс Бельтран.

Хескет не ответил сразу. Он подошёл к кровати, и я закрыла глаза прежде, чем доктор успел заметить, что я очнулась.

Мне хотелось позвать его и спросить, что со мной, но слабость всё ещё прижимала к постели, а ещё сильнее удерживал страх услышать ответ.

Пока они считали меня без сознания, у меня оставался шанс услышать правду без прикрас. Я боялась, что, заметив моё пробуждение, доктор ограничится успокоительными словами о нескольких днях постельного режима, а о чём-то серьёзном расскажет только мужу.

— Причёски, украшения, одежда, еда, — медленно перечислил Хескет. — И каждый раз в вещах или продуктах была активная магия?

Глава 10

— В большинстве случаев, — ответил Бельтран уже без раздражения. — Но это ничего не доказывает. Магия сейчас есть практически во всём приличном доме. Вы только представьте, чтобы в моём доме её не было? Вы что? Держите меня за провинциального аристократа, который не может себе позволить приличное зачарование?

— Именно поэтому вы и не увидели закономерность, — устало произнес доктор.

Кресло тихо скрипнуло. Я представила, как Бельтран повернулся к доктору, и почти услышала выражение его лица в последовавшей паузе.

— Я прекрасно разбираюсь в магии, Хескет, — произнёс он холоднее. — Если бы на мою жену систематически воздействовали повреждённые чары, я бы это заметил. Если чары были направлены исключительно на неё, то это уже другой разговор.

— А я и не говорю о повреждённых чарах. И даже не говорю о покушении, — спокойно возразил доктор. — Судя по тому, что вы рассказали, они как раз были совершенно исправны.

Я открыла глаза. Хескет стоял ко мне боком, поэтому не заметил движения век. Бельтран заметил бы, если бы смотрел на меня, но сейчас всё его внимание было приковано к доктору.

— Тогда что вы говорите? — в голосе мужа послышалось раздражение. Он терпеть не мог тех, кто пытался учить его магии и объяснять ему магические правила.

— Что проблема, вероятно, никогда не была в чарах, — доктор Хескет спокойно пропустил мимо ушей чужое раздражение.

Пальцы мужа медленно разжались на спинке кресла.

— Объясните.

Хескет снял очки и протёр их краем платка, словно собирался говорить о чём-то настолько обыденном, что спешить не имело смысла.

— Организм вашей супруги реагирует на активную магию как на угрозу. Чем сильнее воздействие и чем дольше контакт, тем тяжелее реакция. Сегодня вы получили особенно наглядный пример, потому что платье находилось на ней несколько часов с момента примерки и до момента, пока мы его сняли. И плетение соприкасалось с кожей по всей поверхности.

Мне стало холодно, хотя поверх одеяла лежал ещё и плед. Я пошевелила пальцами под ним и сразу почувствовала стянутость кожи на предплечье. Багровые полосы никуда не делись. Я могла не видеть их, но знала, где именно они проходили.

Бельтран молчал достаточно долго, чтобы Хескет снова надел очки.

— Как это называется? — спросил муж, и теперь в его голосе не осталось прежней уверенности.

— Магическая аллергия. Полное отторжение магии, — ответил доктор. — Очень редкий случай. На моей практике таких ещё не было. Но мой учитель рассказывал о ребёнке, который столкнулся с ней. Мальчик был крестьянином, поэтому с магией сталкивался редко. Однажды отец привёз ему сладости из города. Началось примерно то же самое. Его чудом удалось спасти.

Я повторила эти слова про себя. Они звучали почти нелепо рядом с тем, что происходило несколько часов назад.

Аллергией можно было назвать красные пятна от нового крема или зуд после чужих духов. Моё платье пыталось врасти в меня вместе с чарами, а доктор произносил диагноз так спокойно, словно наконец нашёл название вещи, которая существовала и без него.

Бельтран, напротив, сразу зацепился за слово.

— Нет, нет и ещё раз нет! — возразил Бельтран. — Это исключено! В её брачной метрике и речи не было о магической аллергии. Я слышал про непереносимость некоторых видов чар, но не так, чтобы на все подряд. Я уверен, что вы ошибаетесь!

Глава 11

Хескет поднял на него взгляд.

— Пока я бы исходил из худшего варианта: на любую активную, пока не доказано обратное. Никаких зачарованных платьев, белья, украшений и косметики. Еду тоже придётся проверять. Всё, на что наложены чары для вкуса, сохранности, цвета или иных свойств, исключить.

С каждым новым запретом спальня вокруг меня становилась чужой.

Я знала, что на шторах стояла защита от выцветания, на ковре — от пыли, на зеркале — чары, смягчавшие свет по утрам. Даже балдахин над моей головой был зачарован, чтобы зимой сохранять тепло, а летом прохладу.

До сегодняшнего вечера магия казалась настолько привычной частью дома, что я не замечала её, пока Хескет не начал перечислять вещи, которых мне теперь нельзя было касаться.

Доктор поднял голову к балдахину, и его лицо сразу изменилось.

— Это тоже убрать, — потребовал Хескет, указывая на мерцающий рисунок над кроватью. — И все защитные чары в комнате снять. Или заменить. Не знаю, что для вас будет проще.

— Защита на доме не соприкасается с ней напрямую, — возразил Бельтран, но уже не тем тоном, каким спорил на балу. Он посмотрел на золотистые линии над моей головой и почти сразу добавил: — Хотя после сегодняшнего я не стану утверждать, что понимаю предел реакции.

В этих словах было что-то настолько непривычное, что я повернула голову. Бельтран редко признавал, что чего-то не знает.

Несколько часов назад он знал совершенно точно, что платье не может причинять мне боль, что я прекрасно дышу и что достаточно потерпеть ещё полчаса. Теперь он смотрел на балдахин так, словно тот мог в любой момент наброситься на меня.

— Наконец-то разумная мысль, — одобрил Хескет и подошёл к кровати. Его взгляд сразу остановился на моём лице. — А теперь можете открыть глаза, герцогиня. Вы слишком внимательно слушаете для женщины без сознания. Я думаю, что вы обязаны знать о том, что происходит с вами и вашим телом.

Мне стало неловко, будто меня поймали за подслушиванием в собственной спальне. Я всё-таки открыла глаза и попыталась приподняться, но Хескет тут же положил ладонь мне на плечо, не позволяя напрягаться.

— Я буду жить? — спросила я прежде, чем успела придумать более достойную формулировку.

Вот чего я ждала всё это время. Не названия болезни, не списка запрещённых вещей и даже не объяснения, почему магия вдруг решила превратить моё платье в орудие пытки. Мне нужно было знать, проснусь ли я завтра.

Лицо Хескета смягчилось.

— После сегодняшнего — да, если вы дадите мне закончить лечение и не полезете завтра в зачарованный гардероб. Но теперь вам придётся быть осторожной. Нам пока неизвестно, насколько тяжёлой может стать следующая реакция и что именно её усиливает. И я пока не понимаю, что происходит с самой магией во время вашей реакции. Поэтому до следующего осмотра никаких экспериментов.

Я выдохнула так медленно, что воздух защекотал пересохшее горло. Оказывается, всё это время я ждала именно этих двух букв — «да».

— К тому же есть подтверждение моих слов. Пока что предварительное. Я пытался залечить следы от платья магией, но вы закричали от боли. Понятное дело, пришлось прекратить. Результата лечения не было. Стало, скажем так, только хуже, — мягким голосом ответил доктор. — Поэтому в вашем случае лучшим лекарством будет отсутствие магии.

Глава 12

От облегчения хотелось закрыть глаза и больше ни о чём не думать, но Бельтран уже придвинулся к кровати.

Он остановился рядом, посмотрел на меня и впервые с момента бала будто не знал, что сказать.

Его взгляд задержался на моём лице, затем опустился к руке, лежавшей поверх одеяла. На запястье виднелся край багрового узора. Бельтран протянул ладонь, но не коснулся меня, словно после платья даже собственные пальцы считал ещё одной вещью, которую сначала следовало проверить.

Я слишком хорошо знала эти руки. Крупные ладони, длинные сильные пальцы, которыми Бельтран когда-то без труда застёгивал на моей шее украшения и привычно придерживал меня за талию на лестницах. Сейчас одна из этих рук замерла над одеялом, и от нескольких сантиметров между его пальцами и моей кожей стало тяжелее, чем от прикосновения.

— Это можно вылечить? Сколько будет стоить лечение? — спросил он у Хескета, не отводя от меня глаз.

Доктор убрал руку с моего плеча и выпрямился.

— Я не обещаю того, чего не знаю. Сначала нужно понять, на какие виды магии она реагирует и насколько сильно. Пока считайте, что лечение — это отсутствие контакта. И вообще... Не хочу вас обнадеживать, но магическая аллергия — это не болезнь, а врождённая особенность организма. И она может проснуться в любом возрасте.

— До этого она прекрасно носила платья, пропитанные магией! На нашей свадьбе на ней было такое платье! На нём было столько магии, — спорил Бельтран.

— Я же сказал, это может открыться в любой момент. Наверняка леди и до этого испытывала дискомфорт от прикосновения к магии, — задумчиво произнёс доктор. — Просто всё это списывалось на неудобный корсет, ткань, усталость, нервы.

— То есть она теперь вообще не сможет пользоваться чарами? — спросил Бельтран, а его голос изменился.

— Я сказал не это. Я сказал, что сейчас мы ничего не проверяем на женщине, с которой несколько часов назад едва не сняли кожу вместе с платьем.

Бельтран дёрнул щекой. Я ожидала, что он ответит на резкость, но он снова промолчал. Его взгляд вернулся к моей руке, и на мгновение мне показалось, что сейчас он всё-таки возьмёт меня за пальцы. Я даже не знала, хочу ли этого. После бала в памяти слишком отчётливо оставалось другое прикосновение — его ладонь на серебряной вышивке и вспышка боли, от которой я выронила бокал.

Он не прикоснулся.

В коридоре послышались быстрые шаги, а затем дверь приоткрылась. Один из слуг остановился на пороге, явно не решаясь войти после всех распоряжений Хескета, и сообщил Бельтрану что-то вполголоса. Я расслышала только имя Анхальта.

— Что ему нужно? — спросил Бельтран, отойдя от кровати к двери.

Слуга ответил тише, и муж раздражённо провёл ладонью по лицу.

— Передайте господину Хейсу, что герцогиня пришла в сознание и угрозы её жизни сейчас нет. Всё остальное он может выяснить у гостей, раз уж половина зала видела достаточно.

Я вспомнила руки, подхватившие меня перед самым падением, и тёмный мундир перед тем, как погас свет. Анхальт действительно видел достаточно. Возможно, больше, чем мне хотелось бы. Теперь он узнавал у свидетелей, почему герцогиня Мантейфель едва не умерла посреди собственного приёма, и от одной мысли о том, сколько людей будут завтра пересказывать эту историю, внутри неприятно сжалось.

Бельтран уже собирался закрыть дверь, когда Хескет окликнул его:

Глава 13

— Герцог, ещё одно.

Муж обернулся. Хескет несколько секунд смотрел на него так, словно решал, стоит ли продолжать при мне, а затем всё-таки заговорил:

— Я бы рекомендовал сообщить вашему семейному лекарю. Ему понадобится полная история болезней герцогини, особенно если вы планировали детей.

Слова про детей заставили меня перестать думать об Анхальте. Я посмотрела на Бельтрана и впервые увидела, как страх на его лице изменился. Он не исчез, но стал другим — собранным, почти деловым.

Муж вернулся от двери на несколько шагов, и я узнала это выражение: так он слушал управляющего, когда речь заходила о земле, договорах или делах герцогства.

— Почему это важно для детей? — спросил Бельтран, остановившись напротив Хескета. Доктор пожал плечами.

— Потому что мы не знаем, как поведёт себя эта особенность. Сможет ли она выносить ребёнка? Не унаследует ли он её аллергии?

— У нас должны быть драконы, — произнёс муж после короткой паузы. Его взгляд скользнул ко мне, но почти сразу вернулся к доктору. — Наследники моего рода. Если мать не переносит магию, может ли это передаваться ребёнку? Особенно дракону? Мне не нужны драконы с аллергией на самих себя.

Я лежала в нескольких шагах от них и вдруг очень ясно почувствовала край одеяла под пальцами. Ткань была мягкой, обычной, без серебряных нитей, но я всё равно сжала её, проверяя, не начнёт ли она жечь.

Несколько минут назад я спросила, буду ли жить.

Бельтран не спросил этого ни разу.

Он спрашивал, можно ли меня вылечить, смогу ли я пользоваться чарами, а теперь — родятся ли от меня здоровые драконы.

Каждый вопрос был разумным.

Наверное, именно поэтому от них становилось хуже. Я знала, что для герцога наследники были не прихотью, а продолжением рода, и до сегодняшнего дня сама воспринимала будущих детей как часть нашей жизни, которая когда-нибудь наступит.

Но сейчас я лежала после обморока с багровыми следами на коже и впервые слышала, как муж оценивал мою болезнь не только по тому, что она сделала со мной.

Доктор Хескет снял очки и устало потёр переносицу.

— Не знаю, герцог. И никто сейчас не знает. Если эта особенность передаётся по наследству, риск есть. Но я не знаю ни одного исследования, которое подтвердило бы это для драконов. Я не стану придумывать ответ только потому, что вам хочется получить его сегодня.

Бельтран медленно кивнул. Он не спорил и не требовал назвать вероятность, хотя я видела, как напряглась его челюсть. На меня он больше не смотрел.

От этого оказалось проще отвернуться первой.

Я закрыла глаза, сославшись на слабость, когда Хескет снова подошёл проверить пульс.

Доктор велел мне отдыхать, Бельтран распорядился немедленно снять чары в спальне и проверить всё, что принесут мне утром, а потом голоса начали удаляться. К утру стало ясно: диагноз изменит не только мой гардероб.

Глава 14

Я не пыталась разобрать остаток разговора. Ответ на единственный вопрос, который действительно боялась задать, я уже получила: жить буду.

Только вместе с этим выяснилось, что прежняя жизнь закончилась гораздо раньше, чем я успела это заметить.

Проснувшись я от непривычного ощущения пустоты.

Некоторое время я лежала неподвижно, прислушиваясь к комнате, и только потом поняла, чего не хватало. Над кроватью больше не мерцали золотистые линии, на зеркале не дрожал мягкий свет, даже воздух казался другим без едва ощутимого тепла защитных чар. Балдахин сняли целиком, оставив над головой голую резную раму.

Я осторожно повернулась на бок. Рука всё ещё болела, но уже не горела. На стуле возле кровати лежала одежда, приготовленная для меня на утро.

Я сначала решила, что служанка просто не успела принести платье.

Потом рассмотрела то, что лежало на спинке стула.

Ни серебряной вышивки. Ни зачарованных нитей. Ни кружев, сохраняющих форму, ни мерцающих камней на поясе. Простая ткань, простой крой, ни единого отблеска магии — платье, которое ещё вчера я сочла бы одеждой бедной родственницы или служанки, случайно попавшей в герцогскую спальню.

Теперь это было моё платье.

Платье оказалось удобным, и именно это почему-то обидело меня сильнее всего.

Я несколько минут рассматривала его, лежавшее на краю кровати, прежде чем решилась сесть.

После вчерашнего любое движение хотелось сначала проверить на безопасность. Я медленно спустила ноги на пол, дождалась, пока перестанет кружиться голова, и только потом потянулась к ткани.

Самый обычный хлопок, мягкий после стирки, скользнул между пальцами без знакомого покалывания. Не появился даже лёгкий зуд, который раньше начинался ещё во время примерок и который портниха неизменно объясняла новой тканью, непривычным кружевом или слишком чувствительной кожей.

Я привыкла терпеть такие мелочи, потому что они действительно казались мелочами. Если красивое платье немного кололось, волосы после сложной укладки чесались, а от серёжек к вечеру начинала болеть голова, это не выглядело поводом переворачивать собственную жизнь.

Особенно когда окружающие носили те же ткани, пользовались теми же чарами и ничего не чувствовали.

Теперь мне впервые предложили одежду, в которой не было магии вообще.

Я надела платье сама, не позвав служанку. Оно свободно прошло через голову, легло на плечи и осталось просто платьем: не приподняло грудь, не стянуло талию, не заставило юбку лежать красивыми складками и даже не попыталось скрыть последствия ночи, проведённой после обморока. Зато, расправляя рукава, я могла касаться ткани голыми пальцами и не ждать, когда под ними начнёт гореть кожа.

Осторожно вдохнув, я заполнила лёгкие до конца и только тогда поняла, что ждала боли.

Вчера после каждого вдоха казалось, будто платье затягивается на груди ещё сильнее; сейчас ткань едва ощутимо двигалась вместе со мной.

Я вдохнула ещё раз, глубже, прислушиваясь к рёбрам, животу, горлу, и с неприятным опозданием поняла, насколько давно привыкла проверять собственное тело после самых обыч-

ных вещей. Впервые я подумала, что, возможно, всё это время проблема была не в моей «излишней чувствительности», а в том, чем меня окружали каждый день.

Глава 15

На столике у окна уже стоял завтрак: каша, хлеб, масло, варёное яйцо и такой бледный чай, что сквозь него почти просвечивало дно чашки. Ни фруктов, сохранявших свежесть благодаря чарам, ни маленьких пирожных, которые обычно подавали по утрам, ни даже любимого клубничного джема.

Вчера подобный завтрак показался бы мне наказанием за дурной вкус. Сегодня я съела половину каши, кусок хлеба и некоторое время сидела над тарелкой, ожидая привычной тяжести под рёбрами.

Живот не заболел.

Я осторожно допила чай и съела яйцо.

Прошло ещё несколько минут, но меня не затошнило, не захотелось расстегнуть платье и лечь, переживая очередной приступ непонятного недомогания.

Даже слабость ощущалась иначе — как естественное последствие вчерашней боли, бессонной ночи и обморока, а не как очередная загадочная поломка организма, который в последние месяцы словно решил ненавидеть всё, что мне нравилось.

Последние месяцы я всё чаще пропускала завтрак перед важными приёмами именно поэтому. Бельтран сердился, когда я ковыряла еду вилкой, а потом сердился, когда мне всё-таки становилось плохо. Я перебирала блюда, меняла продукты, отказывалась от сладкого, возвращалась к нему, потому что иногда никакой реакции не было, и постепенно сама начала подозревать, что слишком внимательно прислушиваюсь к каждому неприятному ощущению.

Теперь передо мной стояла почти пустая тарелка, а живот впервые за долгое время не требовал расплаты за съеденное.

Выходило, я действительно ела не то. Только дело было не в яйцах, сливках, ягодах или муке.

Дело было в магии.

Я отодвинула тарелку и заметила собственное отражение в зеркале. Вчера доктор Хескет велел убрать с него чары, и высокая золочёная рама осталась прежней, но стекло больше не отливало мягким жемчужным светом, который делал кожу свежее, глаза ярче, а утро — менее беспощадным к женщине, плохо спавшей ночью.

Я подошла ближе и несколько секунд просто смотрела на себя.

За три года я успела отвыкнуть от этого лица, хотя оно всё время оставалось моим.

Волосы после сна лежали неровно, на щеке сохранился след от подушки, возле носа проступили веснушки, а под глазами залегли тени. Без привычного бальзама губы казались почти бесцветными.

Ничего уродливого или пугающего в отражении не было. На меня смотрела вполне обычная молодая женщина, и проблема заключалась именно в том, насколько обычной она выглядела в мире, где состоятельной женщине совершенно не требовалось мириться с обычностью.

На вчерашнем приёме гости сверкали безупречной кожей, густыми волосами и глазами, цвет которых можно было сделать глубже одним прикосновением заклинания.

Магия сглаживала мелкие морщинки, скрывала усталость, придавала коже нужный оттенок и удерживала причёску там, где ни одна шпилька не справилась бы до конца вечера. Никому не приходило в голову считать это чем-то необычным. И теперь мне предстояло узнать, сколько от моего привычного лица на самом деле принадлежало мне.

Глава 16

Здесь чарами пользовались примерно с той же естественностью, с какой в моём прежнем мире пользовались косметикой.

Пользовалась и я, хотя в последние месяцы всё реже. От зачарованной пудры чесалось лицо, после средств для волос начинала болеть голова, а однажды новый состав для губ заставил их распухнуть настолько, что пришлось отменить визит.

Каждый раз находилось разумное объяснение: плохая партия, неподходящий компонент, слишком сильные чары. Нужно было всего лишь заменить средство.

Теперь заменять было не на что.

Я собрала волосы руками, приподняла их, пытаясь представить привычную причёску, и отпустила. Пряди тут же рассыпались по плечам, а зеркало честно показало результат без малейшей попытки помочь мне сохранить достоинство.

Слова доктора Хескета о врождённой особенности организма внезапно получили ещё одно объяснение, о котором я не могла рассказать ни ему, ни Бельтрану.

Три года назад я очнулась в теле Лотессы, оставив где-то настолько далеко прежнюю жизнь, что давно перестала всерьёз надеяться найти дорогу обратно.

Первые недели я пыталась убедить себя, что происходящее мне снится, потом пришлось учиться жить с чужим именем, чужим домом и памятью о мире, в котором одежда не могла впаиваться чарами под кожу.

Бельтрана я встретила уже здесь, когда успела немного освоиться в новой жизни. Ухаживал он недолго: примерно через месяц сделал мне предложение. Тогда эта стремительность казалась почти романтической.

Со временем граница между мной и Лотессой почти исчезла. Невозможно три года просыпаться с одним лицом, отвечать на одно имя, знать расположение вещей в собственной спальне и продолжать каждое утро считать тело чужим.

Но кое-что я принесла сюда с собой: привычки, сравнения и память о мире, где магии не существовало.

Там со мной ничего подобного не происходило. Здесь сначала чесалась кожа, потом начала болеть голова, затем появились проблемы с едой, а вчера платье едва не пришлось снимать вместе с кожей.

Если Хескет был прав и магическая аллергия действительно являлась врождённой особенностью, оставался вопрос, чьей именно особенностью она была — Лотессы или женщины, которая однажды очнулась в её теле.

Я могла представить, что душа человека из мира без магии оказалась неспособна спокойно существовать там, где магия была в еде, одежде, мебели и косметике, но проверить эту догадку было невозможно.

Рассказать доктору правду означало бы сначала убедить его, что три года назад настоящая хозяйка этого тела куда-то исчезла.

Пришлось оставить загадку без ответа и вернуться к более насущной проблеме — женщине в зеркале, которой отныне предстояло конкурировать с придворными красавицами без единственного средства, которым пользовались они все.

Дверь открылась без стука.

Я обернулась и увидела Бельтрана в сопровождении двух слуг: один нёс небольшую лестницу, второй держал длинный футляр с инструментами.

Муж не потратил время на приветствие. Взгляд быстро прошёлся по комнате, задержался на снятом балдахине и только потом остановился на мне.

Этого мгновения хватило, чтобы я заметила перемену в его лице.

Бельтран посмотрел на простое платье, поднял взгляд к волосам, которые я так и не смогла уложить, задержался на лице и отвёл глаза к кровати. Вчера багровые следы на моей руке удерживали его внимание гораздо дольше.

Глава 17

Я сделала вид, что ничего не заметила, и спросила, зачем понадобились инструменты. Бельтран уже шёл к изголовью, поэтому ответил, рассматривая резную стойку:

— Доктор Хескет велел убрать защиту с полога. Слуги сняли ткань и основной контур, но мне не понравилось, как легли остаточные линии. — пояснил муж. Он провёл ладонью вдоль дерева и, нахмурившись, добавил: — Правильно не понравилось. Здесь ещё есть магия.

Между его пальцами вспыхнула тонкая золотистая линия. Я невольно отступила, и Бельтран заметил движение раньше, чем я успела остановиться. Золотой свет тут же погас: муж убрал руку от стойки и коротко приказал мне не подходить, после чего велел слуге поставить лестницу у изголовья.

Он поднялся всего на две ступени и коснулся верхней перекладины. Я не видела ничего, кроме тёмного дерева и его пальцев, медленно двигавшихся вдоль резьбы, зато выражение его лица знала слишком хорошо.

Именно так Бельтран рассматривал сложные плетения, когда переставал замечать окружающих и видел только структуру магии.

— Остаточный контур не сняли вместе с тканью, — произнёс он, остановив пальцы возле угла перекладины. — Плетение слабое, но оно всё ещё работает.

Я не успела спросить, насколько это опасно. Под его пальцами снова вспыхнула золотистая линия, и почти одновременно у меня закололо щёки. Ощущение было слабым, несравнимым со вчерашней болью, но я слишком хорошо знала, во что оно способно превратиться, поэтому сразу прижала ладонь к лицу.

Бельтран резко повернулся ко мне. Сосредоточенность исчезла с его лица.

— Уже чувствуешь? — спросил он, глядя на мою руку у щеки, и в его голосе не осталось ни тени вчерашнего раздражения.

— Покалывает, — призналась я, не пытаясь убедить себя, что могу потерпеть.

Он тихо выругался, спустился с лестницы и сам распахнул дверь в коридор.

— Выйди отсюда, Лотесса. Я позову, когда здесь не останется ничего, что может на тебя действовать.

На этот раз мне не пришлось объяснять, что боль настоящая. Я вышла босиком в коридор и прислонилась плечом к стене. Покалывание начало слабеть почти сразу, а из спальни донёсся голос Бельтрана. Он отдавал слугам короткие распоряжения, затем дерево сухо треснуло, кто-то торопливо отодвинул лестницу, и через несколько минут дверь снова открылась.

Муж остался на пороге, не позволяя мне войти сразу.

— Подожди, — предупредил Бельтран. Он ещё раз посмотрел в комнату, словно мог увидеть опасность там, где для меня всё выглядело совершенно обычно, и только после этой проверки отступил в сторону. — Теперь попробуй.

Я переступила порог осторожно, ожидая знакомого покалывания. Ничего не произошло. Бельтран следил за моим лицом, пока я сделала ещё несколько шагов, и лишь после этого отвернулся к разобранному пологу. Несколько резных деталей лежали на полу, верхняя перекладина была частично снята, а золотистая линия исчезла. Но главным было другое: впервые после вчерашнего Бельтран ждал моего ответа, а не заранее знал его за меня.

Глава 18

— Лучше? — спросил муж, но в этот раз вопрос звучал не как требование подтвердить его правоту. Он ждал ответа, не сводя глаз с моего лица.

Я провела ладонью по щеке и кивнула.

— Ничего не чувствую.

Этого ему оказалось достаточно. Бельтран сразу повернулся к одному из слуг и велел привести управляющего и повара. Слуга неосторожно уточнил, нужны ли они прямо сейчас, и по лицу мужа понял ответ раньше, чем тот успел заговорить.

— Если моя жена вчера едва не осталась без кожи, а сегодня выяснилось, что в её спальне сохранились чары, я не собираюсь ждать удобного часа для повара, — спокойно произнёс Бельтран. — Сейчас означает сейчас. Пусть бросает всё и идёт сюда.

Слуга исчез так быстро, что мне почти стало его жаль.

Через несколько минут перед Бельтраном уже стояли управляющий и заметно побледневший повар.

Муж заставил последнего перечислить способы, которыми на кухне сохраняли продукты и улучшали готовые блюда, однако на третьем пункте прервал.

Чем больше я слушала, тем яснее становилось, что вчерашний завтрак, от которого мне бывало плохо, мог содержать магию в нескольких совершенно разных местах ещё до того, как попадал на мою тарелку.

— С сегодняшнего дня для герцогини готовят отдельно, — распорядился Бельтран, и повар машинально открыл рот, но муж поднял руку, не позволив ему начать оправдываться. — Без магического сохранения продуктов, улучшения вкуса, температуры, цвета и всего остального, без чего вы, как выяснилось, разучились варить обычную кашу. Отдельные продукты и посуда. Если вы не можете гарантировать отсутствие чар, эта еда к моей жене не попадёт.

— Но большая часть продуктов попадает к нам уже будучи обработанной магией, — робко уточнил повар.

— Тогда ищите других поставщиков! Почему я должен решать за вас мелкие проблемы! — произнес Бельтран с легким раздражением.

После этого он повернулся к управляющему.

— Проверь не только спальню. Проверь ванную, средства, украшения. Всё, что вызывает сомнения, — нести мне. Я проверю лично. Надеюсь, приказ понятен. Магии вокруг неё быть не должно.

Я слушала его, чувствуя совершенно неуместную благодарность.

Ещё вчера мне требовалось от Бельтрана гораздо меньше. Я просила разрешить уйти с приёма и снять платье, которое причиняло мне боль. Он отказал, потому что не видел причины мне верить.

Сегодня одного моего «покалывает» оказалось достаточно, чтобы он разобрал полог, выгнал меня из опасной комнаты и начал перестраивать быт всего дома.

Разница заключалась в диагнозе доктора Хескета.

Теперь моей боли разрешалось существовать.

Наверное, я должна была злиться сильнее. Для того чтобы муж поверил моим ощущениям, понадобились багровые полосы под кожей и доктор, объяснивший ему, что со мной происходит.

И всё же после месяцев, когда любое недомогание становилось очередным доказательством моей капризности, было почти невозможно не почувствовать облегчения оттого, что Бельтран наконец встал между мной и тем, что причиняло боль. Только благодарность оказалась опасной: стоило мне почувствовать её, как вчерашний вечер снова потребовал ответа.

Глава 19

Когда управляющий с поваром ушли, муж ещё раз проверил разобранную стойку кровати. Я смотрела, как его пальцы медленно проходят по дереву, и благодарность становилась всё неудобнее.

Она не отменяла вчерашнего. Но и вчерашнее не отменяло того, что сейчас он лично искал в моей спальне магию, которой я даже не могла увидеть.

— Спасибо, — всё-таки произнесла я, когда он закончил проверку.

Бельтран обернулся, и по тому, как слегка сдвинулись его брови, я поняла, что благодарности он не ожидал.

— За что именно ты меня благодаришь? — спросил он, оглядывая разобранную кровать так, будто пытался найти в ней ответ.

Я показала на стойку и дверь, за которой только что скрылись слуги.

— За то, что поверил. И за всё это.

Что-то изменилось в его лице. Бельтран отвёл взгляд к остаткам полога и провёл большим пальцем по резьбе.

— Доктор Хескет сказал исключить магию. Я её исключаю, — произнёс он с той деловой сухостью, которой обычно прикрывал вещи, обсуждать которые не хотел.

Мне следовало на этом остановиться, но именно тогда он снова посмотрел на меня.

Его взгляд задержался на распущенных волосах, прошёл по лицу и опустился к простому платью, которое не делало талию уже, грудь выше, а кожу светлее. Пауза была короткой, почти безупречно скрытой. За три года брака я всё равно её заметила.

Бельтран отвернулся к кровати.

От этого движения благодарность, которую я только что испытывала, стала почти унижительной.

Я посмотрела в зеркало. Рядом с мужем моё отражение казалось ещё проще, потому что Бельтрану магия почти не требовалась, чтобы привлечь внимание. Драконья кровь была щедра к мужчинам его рода.

Высокий, тёмноволосый, с правильными чертами лица, он выглядел так, как выглядел всегда. Мне же предстояло отказаться от всего, что прежде позволяло соответствовать ему и женщинам нашего круга.

— Настолько всё... плохо? — спросила я, продолжая смотреть на него через зеркало.

Бельтран встретился со мной взглядом в отражении и сразу понял, о чём речь. Это выдало его лучше любого ответа.

— Лотесса, ты вчера едва не умерла, — произнёс он после короткой паузы и подошёл ближе, словно расстояние могло сделать следующие слова убедительнее. — Сейчас меньше всего меня интересует твоя внешность.

Я знала, что хотела услышать. Я хотела услышать, что я по-прежнему красива для него. Но я не услышала этих слов. Значит, это было не так.

Теперь мне было понятно, почему он отводил взгляд от моего лица, моей причёски, моего платья. Он привык, что его окружают красивые женщины и красивые вещи, а его жена вдруг стала обычной.

— Забавно. Вчера моя внешность интересовала тебя значительно больше моего самочувствия, — вздохнула я, понимая, что вывод напрашивается сам.

Бельтран напрягся. Совсем немного: пальцы легли на край снятой перекладины, а взгляд стал жёстче. Я слишком хорошо знала этот признак. Он уже защищался, хотя я ещё не успела обвинить его прямо.

Глава 20

— Вчера я не знал, что происходит, — сухо ответил он. — Сегодня знаю.

— Вчера ты знал, что мне больно, — едва слышно произнесла я.

Он посмотрел на меня так, будто хотел немедленно возразить, но слова не последовали. Я впервые за весь разговор увидела на его лице не раздражение и не привычную уверенность человека, способного объяснить устройство любого плетения, а короткую заминку.

Этого оказалось недостаточно.

— Я просила тебя отпустить меня, — напомнила я. Говорить спокойно было труднее, чем хотелось: перед глазами слишком ясно возникла его рука на моём локте и зал, полный людей, перед которыми мне полагалось улыбаться. — Я не просила определить вид чар. Не просила поставить диагноз. Мне нужно было просто снять платье.

Бельтран отпустил перекладину и прошёл к окну. Он не сбежал из разговора, но увеличил расстояние между нами, а это означало почти то же самое.

— Платье проверяли трижды, Лотесса, — произнёс он, глядя во двор. — Я сам разбираю плетение. Его надевала твоя горничная, когда ты заявила о неприятном покалывании. И с ней ничего не произошло. Даже Хескет подтвердил, что чары были исправны.

— Всё это я уже слышала вчера, — возразила я.

Муж резко повернулся.

— Потому что это имеет значение. Я не оставил тебя в опасном платье, зная, что оно опасно. У меня не было ни одной причины предполагать такую реакцию.

Я почувствовала, как пальцы сами сжались на юбке. Ткань была мягкой, безопасной и совершенно простой; именно за неё я и держалась, пока слушала человека, который снова очень убедительно объяснял, почему поступил разумно.

— Кроме меня, — сказала я. — Я и мои слова были причиной предположить, что что-то не так.

Бельтран замолчал.

Вчера в зале он говорил, что я прекрасно дышу. Сегодня ему хватило одного моего слова о покалывании, чтобы остановить работу и вывести меня из комнаты. Я ждала, что он сам увидит эту разницу, но его взгляд ушёл к зеркалу, потом к разобранной кровати, словно среди этих предметов можно было найти безопасный ответ.

— Платье должны были проверить лучше, — наконец произнёс он. — Не только само плетение. Нужно было учитывать твои предыдущие жалобы и проверить, как чары взаимодействуют именно с тобой. Этого не сделали.

Портниха. Проверка. Плетение. Кто угодно и что угодно, только не мужчина, который держал меня за руку, пока я просила отпустить.

Я подошла к столику и поправила чашку, хотя она стояла совершенно ровно. От холодного фарфора пальцам стало легче.

— Значит, виновато платье?

Бельтран нахмурился и шагнул от окна в мою сторону.

— Я не сказал, что оно виновато. Я сказал, что его проверили недостаточно тщательно.

Он снова уходил туда, где чувствовал себя уверенно: к магии, проверкам, ошибкам специалистов и причинам, которые можно найти и устранить. Я посмотрела на его руки.

Сегодня этими руками он разобрал полог моей кровати, потому что мне стало неприятно от слабого остаточного заклинания. Вчера те же пальцы удерживали меня на месте, когда я пыталась уйти.

— А ты? — наконец спросила я.

Бельтран остановился.

Мне пришлось пояснить, хотя именно этого я больше всего не хотела.

— Ты вчера тоже был недостаточно тщательно проверен? — едва слышно произнесла я, и мои губы дрогнули в нервной улыбке, которая не имела ничего общего с весельем.

Его лицо изменилось. Не сильно, но теперь я точно знала, что он понял.

— Лотесса...

Глава 21

— Не надо, — поморщилась я и отпустила чашку, чтобы случайно не сдвинуть её и не выдать дрожь в пальцах. — Я уже поняла. Ты — один из лучших экспертов, когда речь заходит о магии. Ты способен найти ошибку в любом заклинании. Ты можешь понять, где настоящий редкий дар, а где попытки его имитировать.

Я сделала горькую паузу.

— Ты прав. Платье следовало лучше проверить.

Он сделал ещё один шаг ко мне, но я отступила к зеркалу. Расстояние между нами осталось прежним.

— Я не мог знать, что оно сделает с тобой! — в его голосе слышался нажим, словно муж хотел заставить меня принять его правду беспрекословно.

— А я не требовала, чтобы ты знал. Я просила помочь мне его снять, — ответила я, хотя раньше бы предпочла не продолжать такой разговор.

После этих слов в комнате стало слышно, как слуга что-то передвигает в соседней гардеробной. Там выполняли приказ Бельтрана: искали магию, которая могла причинить мне вред. Ещё вчера мне пришлось бы доказывать каждому из этих людей, что вред вообще существует.

Бельтран медленно провёл ладонью по лицу.

— Что ты хочешь от меня услышать? — спросил он с усталым раздражением.

Вот теперь боль оказалась совсем другой. Не похожей на вчерашнюю, не требующей врача и ножниц. Я смотрела на мужа и понимала, что могла подсказать ему нужные слова. Могла потребовать извинений, объяснить, за что именно он должен попросить прощения, и, возможно, получить их.

Только тогда это были бы мои слова, произнесённые его голосом.

— Уже ничего, — спешно ответила я и увидела, как его челюсть напряглась.

Бельтран явно хотел продолжить спор. Я знала эту его манеру: если существовала проблема, её следовало разобрать, найти ошибку и исправить.

Именно поэтому сегодня кухня уже перестраивалась под мои нужды, спальню очищали от магии, а слуги наверняка боялись принести мне даже зачарованную заколку.

Но вчерашний вечер не был повреждённым плетением.

Его нельзя было снять со стойки кровати и выбросить.

— Я устала, — сказала я, и на этот раз это не было способом закончить неудобный разговор. После нескольких минут на ногах слабость действительно вернулась; спина ныла, а ноги начали казаться тяжёлыми. — Я хочу прилечь.

Раздражение на лице Бельтрана исчезло так быстро, словно я напомнила ему о единственной части происходящего, которую он умел исправлять.

Он сразу отступил, освобождая дорогу к кровати, и потянулся к двери, собираясь позвать служанку.

— Не нужно, — остановила я его. — С этим платьем я справлюсь сама.

Его рука задержалась на дверной ручке. Бельтран посмотрел сначала на меня, потом на кровать, которую лично проверил, и всё-таки кивнул.

— Если почувствуешь хоть что-нибудь необычное, не жди, пока станет хуже. Позови меня или доктора Хескета сразу. Я пока предложил ему пожить у нас. Пока не выяснится всё по поводу твоей болезни.

Вчера он велел мне улыбаться.

Сегодня просил сообщать даже о слабом покалывании.

Я могла бы принять эту перемену за извинение, если бы не знала теперь, насколько сильно хотелось его получить.

Бельтран поцеловал меня в щеку, как целовал обычно, вышел, оставив дверь прикрытой, а я некоторое время стояла перед зеркалом. В отражении оставался вопрос, на который Бельтран так и не ответил: что он увидел, когда посмотрел на меня без чар?

Глава 22

Простое платье висело на мне безупречно плохо: не подчёркивало достоинств, не скрывало недостатков и не превращало герцогиню в женщину, которую хотелось выставить рядом с собой перед гостями.

Зато оно не причиняло боли. И мне пришлось признать, что сейчас этого достаточно.

Я разделась и легла под обычное одеяло. После снятых чар спальня ощущалась почти непривычно: исчез запах чайных роз, который я так любила, воздух не казался мягче и теплее благодаря защитному контуру, ткань не сохраняла идеальную температуру. Мир вокруг внезапно стал проще, грубее и безопаснее.

Я закрыла глаза.

Физически мне действительно было лучше. Впервые за несколько месяцев я могла лежать в собственной постели, не пытаясь определить, от чего именно чешется кожа, почему болит голова и какое из съеденных блюд опять оказалось ошибкой.

Если бы вместе с чарами из комнаты можно было так же легко убрать вчерашний вечер, я, наверное, впервые за долгое время спокойно уснула бы.

Я пролежала так несколько часов, думая над тем, что случилось. И почему муж не попросил прощения.

Как вдруг я услышала, что снизу донеслась музыка.

Я не сразу обратила на неё внимание. Первые звуки были настолько приглушёнными, что я приняла их за шум из соседней комнаты, где слуги продолжали выполнять распоряжения Бельтрана. Потом вступили скрипки, к ним присоединились другие инструменты, и я открыла глаза.

Эту акустику дома я знала слишком хорошо. Музыка поднималась снизу только тогда, когда открывали большие залы.

Я села, придерживая одеяло у груди, и прислушалась. Сквозь перекрытия уже пробивались не только инструменты: до меня долетал гул множества голосов, иногда становившийся громче при открывавшихся дверях, женский смех и тот особенный шум большого дома, который возникает, когда слуги стараются одновременно обслужить слишком много гостей.

Никакой ошибки быть не могло.

Внизу шёл приём.

Но вот что было странно. Я знала расписание всех приёмов наизусть, как и подобает хозяйке дома, а этого приёма не было в списках. Следующий приём должен был быть через неделю.

Я медленно опустила ноги на пол и посмотрела на простое платье, оставленное возле кровати.

Ещё утром оно казалось доказательством того, что Бельтран наконец поверил мне и готов перестроить ради моей безопасности весь дом.

Теперь из нижних залов доносилась музыка, а хозяйка этого дома сидела наверху с лицом, которое больше нельзя было исправить чарами.

Но самое обидное, что о приёме мне никто не сказал.

Музыка снизу не прекращалась уже почти четверть часа, и за это время мне удалось придумать для Бельтрана столько оправданий, что впору было брать с него плату за услуги.

Приём мог быть назначен заранее. Я могла просто о нем забыть.

Некоторые приглашения рассылались за недели, и отменить их после вчерашнего происшествия означало бы объяснять всему свету, почему герцогиню вынесли из собственного зала без сознания.

Среди гостей могли оказаться люди, приехавшие по делам.

Наконец, Бельтран вполне мог решить, что после ночи, проведённой с доктором у постели, мне полезнее не знать о происходящем внизу и спокойно отдыхать. Я почти убедила себя в этом — пока служанка не принесла ужин и не начала прятать от меня глаза.

Глава 23

Последнее объяснение даже было на него похоже.

С тех пор как доктор Хескет дал моей боли название, муж с пугающей основательностью устранял всё, что могло вызвать новый приступ. За несколько часов он успел разобрать полог над кроватью, перепугать повара, приказать проверить гардеробную и почти полностью лишить меня привычной еды.

От человека, способного перестроить половину дома вместо того, чтобы однажды произнести «я был неправ», вполне можно было ожидать и такого своеобразного проявления заботы.

Но если сегодняшний вечер действительно не имел ко мне никакого отношения, оставалось непонятным, почему никто не счёл нужным сказать хозяйке дома, что у неё в доме гости.

Меня бы вполне устроило хоть какое-то объяснение. «Дорогая. Я вынужден провести приём. Приехали гости, которых я не ждал. Нужно решить несколько важных вопросов. Я не стал тебя беспокоить. Отдыхай. Твоё присутствие там пока не понадобится. Самое важное для тебя сейчас — твоё здоровье!»

Это бы меня успокоило. Я понимала, что это необходимость, забота, внимание и любовь.

Мне сейчас её ужасно не хватало.

Я встала с кровати и сразу пожалела о резком движении. После вчерашнего слабость никуда не исчезла: ноги удержали меня, но перед глазами на несколько секунд потемнело, и пришлось опереться ладонью о столбик кровати.

Никакого жжения под кожей, никакой тошноты, знакомой по зачарованной еде, только обычная физическая слабость, с которой хотя бы можно было договориться. Я дождалась, пока комната перестанет медленно покачиваться, и потянулась за платьем.

Без помощи служанки я справилась быстрее, чем ожидала. Безопасная ткань свободно легла на тело, не пытаясь одновременно сделать меня стройнее, выше и привлекательнее, а простые застёжки не требовали магии или чужих рук.

Вчера подобная одежда показалась бы мне почти домашней; сегодня возможность надеть платье и не проверять через несколько минут, не появились ли на коже красные полосы, казалась роскошью.

Я застегнула последнюю пуговицу как раз тогда, когда в спальню вошла служанка с подносом. Девушка увидела меня возле зеркала и так резко остановилась, что ложечка звякнула о край чашки.

— Ваша светлость, господин герцог велел вам отдыхать, — проговорила она, прижимая поднос к животу так осторожно, словно моя способность стоять на ногах могла каким-то образом оказаться её служебным проступком.

— Доктор запретил мне вставать? — спросила я, наблюдая, как она торопливо отводит взгляд.

— Я не знаю насчёт слов доктора, поэтому врать не буду, — опустила глаза служанка.

Она поспешила поставить ужин на стол.

Еда оказалась такой же простой, как утром: хлеб, холодное мясо, огурцы и чай без единой попытки улучшить вкус чарами.

Ещё вчера я наверняка потребовала бы хотя бы нормального соуса. Сегодня при одном взгляде на безопасную тарелку внутри становилось спокойнее.

Музыка этажом ниже сменилась более быстрой мелодией, и служанка невольно прислушалась. Этого движения оказалось достаточно, чтобы я перестала делать вид, будто интересуюсь только ужином. Я задала самый безобидный вопрос из возможных, но служанка испугалась так, будто я спросила совсем о другом.

Глава 24

— Много гостей приехало? — спросила я, садясь возле стола.

Девушка разгладила салфетку рядом с тарелкой, хотя та лежала совершенно ровно.

— Я не считала, ваша светлость. Господин герцог распорядился вас не беспокоить.

Она почему-то опустила глаза в пол, словно я начну её расспрашивать. Мне показалось, что она что-то скрывает.

Я взяла чашку, но пить не стала. Из коридора доносились торопливые шаги слуг, а снизу, когда открывались двери большого зала, голоса на несколько секунд становились громче.

Дом жил привычной жизнью во время приёма; непривычным было только моё отсутствие в этой жизни.

— А предупредить меня о том, что сегодня будут гости, тоже означало бы побеспокоить? — спросила я, продолжая держать чашку обеими руками.

Служанка замерла возле подноса. На её лице появилось то осторожное выражение, которое слуги обычно принимали, когда господа пытались втянуть их в семейную ссору и требовалось каким-то чудом остаться верными сразу обоим сторонам.

— Мне велели принести вам ужин и проследить, чтобы всё было без чар, ваша светлость, — произнесла она после короткой паузы и, явно надеясь прекратить разговор, добавила: — Господин герцог сам проверил продукты.

Эта подробность попала точно туда, куда не следовало. Я посмотрела на хлеб, который Бельтран счёл достаточно важным, чтобы проверить лично, и снова почувствовала неприятное раздвоение между благодарностью и обидой.

Мою еду он проверил. Меня предупредить о приёме забыл.

Я всё-таки отпила чай. Он успел немного остыть и был совершенно безвкусным.

— А в честь чего приём? — спросила я уже спокойнее.

Служанка вспыхнула и так старательно занялась пустым подносом.

— Ну... Я... я... Обычный приём... Его светлость просил вам не говорить, — тут же произнесла она. — Чтобы вас не тревожить.

Дверь открылась прежде, чем я успела решить, продолжать ли допрос.

Бельтран вошёл в спальню и остановился возле порога. Судя по одежде, он поднялся ко мне прямо из зала: тёмный сюртук сидел безупречно, волосы были убраны назад, на шейном платке поблёскивала знакомая булавка.

Никаких излишне торжественных деталей ему не требовалось, чтобы рядом с ним моё простое платье внезапно стало выглядеть ещё проще.

Первым делом муж посмотрел на меня, затем перевёл взгляд на служанку и нахмурился.

— Я просил, чтобы герцогиня отдыхала, — произнёс он негромко, однако девушка мгновенно выпрямилась.

— Но она сама спросила про приём, — пролепетала служанка, радуясь, что у нее исчезла необходимость объясняться со мной.

Бельтран задержал взгляд на подносе, словно проверяя даже отсюда, не пробралась ли в чашку запрещённая магия, после чего отпустил служанку.

Девушка присела в торопливом реверансе и исчезла за дверью с такой скоростью, что мне захотелось пожелать ей удачи: судя по происходящему в доме, сегодня она могла пригодиться всем нам.

Когда дверь закрылась, Бельтран прошёл к столу и коснулся пальцами края тарелки.

— Еда нормальная? Ничего не почувствовала?

Глава 25

Ещё вчера этот вопрос заставил бы меня рассмеяться. Бельтран, который месяцами слушал мои жалобы на тошноту после еды и предлагал меньше придирааться к повару, теперь интересовался реакцией на кусок хлеба.

— Пока ничего, — ответила я и, прежде чем он успел превратить разговор в очередную проверку моего состояния, спросила:

— Почему ты не сказал мне о приёме?

Пальцы Бельтрана остались на краю тарелки. Он поднял на меня глаза без малейшего удивления, словно ожидал вопроса и заранее решил, что ничего сложного в ответе нет.

— Потому что тебе нужно отдыхать. Я принимаю нескольких человек, и твоё присутствие сегодня не требуется.

Из нижнего зала донёсся женский смех, достаточно громкий, чтобы добраться даже сюда. Я посмотрела на дверь, потом снова на мужа.

— Судя по музыке, эти несколько человек неплохо организовались.

Бельтран чуть заметно поморщился.

— Лотесса, не начинай. После вчерашнего я не собираюсь снова выводить тебя к гостям только потому, что ты считаешь своим долгом присутствовать на каждом ужине.

Он говорил так, будто защищал меня от собственной безрассудности, и в этом была неприятная доля правды.

Ещё утром я едва дошла от кровати до зеркала, а после короткого разговора с доктором Хескетом пришлось снова лечь. Разумная жена действительно осталась бы наверху, особенно если муж сам предлагал избавить её от необходимости улыбаться гостям.

Только разумной жене обычно сообщали, что гостей пригласили.

— Я ничего не считаю своим долгом, — произнесла я, поставив чашку на блюдце. — Мне интересно, почему о приёме в собственном доме я узнала по музыке.

Бельтран отошёл от стола и остановился возле окна. Он всегда начинал двигаться по комнате, когда разговор переставал подчиняться его логике.

Раньше эта привычка казалась мне признаком раздражения. Теперь я видела в ней попытку занять пространство, в котором можно было не смотреть прямо на меня.

— Потому что вчера тебя вынесли из зала без сознания, а сегодня ты должна лежать в постели, — ответил он, глядя во двор. — Я не видел смысла обсуждать с тобой обычный деловой приём.

— Ты называешь деловым приёмом вечер с музыкой и дамами?

На этот раз Бельтран обернулся. Взгляд скользнул по моему лицу и задержался на распущенных волосах. Утром я могла ещё убедить себя, что замечаю лишнее после вчерашней ссоры, но теперь это движение было слишком знакомым: он оценивал, насколько мой вид соответствует тому, что ждало его внизу.

Я почувствовала, как ладонь сильнее сжала край стола.

— Дело не только в моём здоровье, да? — спросила я, чувствуя, что ответ на вопрос мне не понравится.

Бельтран устало выдохнул и провёл пальцами по манжете.

— Тебе обязательно превращать заботу о тебе в оскорбление?

Глава 26

— Мне пока достаточно понять, где заканчивается забота и начинается то, о чём ты предпочитаешь не говорить, — выдохнула я.

Его лицо стало жёстче. Он подошёл ближе, и между нами осталось всего несколько шагов, но впервые за три года брака эта близость не успокаивала. Вчера он стоял почти так же близко, когда удерживал меня перед гостями и убеждал улыбаться, а сегодня собирался объяснить, почему безопаснее оставить жену наверху.

— Хорошо, — произнёс Бельтран тише. — Ты хочешь услышать это прямо. После вчерашнего весь город будет обсуждать твой обморок. Если ты сегодня появишься перед теми же людьми бледная, без привычной причёски, в домашнем платье и едва способная провести час на ногах, разговоров станет ещё больше. Я предпочёл избавить от них и тебя, и себя.

От упоминания домашнего платья мне захотелось посмотреть вниз, но я заставила себя удержать его взгляд.

Платье не было домашним. Оно просто не делало ничего из того, к чему мы оба привыкли: не вытягивало силуэт, не меняло оттенок ткани при свете, не поддерживало форму юбки. Без чар оно выглядело настолько скромно, что Бельтран даже не заметил разницы между безопасной одеждой герцогини и тем, в чём, по его мнению, следовало прятаться от гостей.

— Значит, я слишком плохо выгляжу, чтобы сидеть рядом с тобой? — дрогнувшим голосом спросила я.

Бельтран нахмурился и сразу возразил:

— Я говорю не о том, насколько ты красива. Ты выглядишь больной.

— Утром ты отворачивался от моего лица, когда я ещё лежала в собственной спальне. Там тоже присутствовало общество, репутацию перед которым следовало беречь? — резко спросила я.

Его рот сжался. Я знала этот жест и знала, что сейчас последует объяснение, в котором всё окажется разумным: моё состояние, гости, слухи, необходимость думать о последствиях.

Бельтран умел разбирать любую проблему так же, как магическое плетение, пока не оставалось понятной причины, правильного действия и ни одного места для чужой боли.

Он не подвёл.

— Ты сама знаешь, как выглядят женщины твоего круга, — произнёс муж после паузы, подбирая слова уже осторожнее. — Никто не ожидает, что после такого приступа ты немедленно вернёшься к прежнему виду. Но именно поэтому нет необходимости выходить сегодня в зал. Через несколько дней мы поймём, какие безопасные средства тебе можно использовать, закажем подходящую одежду и решим проблему без нового риска.

Я слушала его и впервые понимала, насколько просто в его голове выглядело происходящее.

Моё лицо было очередной задачей. Сегодня его следовало спрятать, завтра найти безопасный способ улучшить, а потом вернуть герцогиню туда, где она снова не станет портить картину рядом с мужем.

— А если безопасных средств не существует? — осторожно спросила я.

Бельтран не ответил сразу. Взгляд снова прошёл по моему лицу, и именно эта задержка ранила сильнее любых слов. Вчера я могла пользоваться теми же чарами, что и другие женщины, и считалась достаточно красивой для его зала. Сегодня перед ним стояла я без них, а он уже мысленно искал способ исправить результат.

— Тогда приспособимся, — наконец произнёс он, но голос прозвучал слишком ровно.

— Как? Будешь приглашать гостей этажом ниже?

Глава 27

Раздражение вернулось в его лицо.

— Не передёргивай. Сегодня ты остаёшься здесь потому, что больна, устала и выглядишь соответственно своему состоянию. Я не позволю тебе через сутки после приступа спуститься в зал, чтобы доказать мне какую-то мысль.

Последняя фраза была уже не объяснением. Бельтран принял решение и привычно ожидал, что на этом разговор закончится.

Раньше, скорее всего, так и случилось бы.

Я посмотрела на его руку, лежавшую на спинке кресла. Этой же рукой утром он останавливал слуг, сам снимал остаточные чары с полога и проверял комнату, пока не убедился, что мне безопасно вернуться.

Я всё ещё была благодарна ему за это. И оттого происходящее становилось только больнее. Бельтран действительно не хотел, чтобы мне снова было больно. Он просто хотел, чтобы безопасная, бледная и слишком обыкновенная жена переживала последствия своей болезни там, где её никто не увидит.

— Хорошо, — сказала я, не отводя взгляда.

Он насторожился. Видимо, слишком легко полученное согласие вызвало больше подозрений, чем весь предыдущий спор.

— Ты останешься наверху? — уточнил Бельтран, и в его голосе прозвучала та спокойная властность, которой он пользовался, когда считал вопрос решённым.

— Ты именно этого от меня требуешь?

Муж выдержал мой взгляд и подтвердил уже без попытки смягчить смысл:

— Сегодня — да. Отдохни, Лотесса. Завтра мы спокойно решим, как жить дальше.

Мне не понравилось это «мы». Особенно после того, как первое решение о моей новой жизни он уже принял без меня. Но ещё больше мне не понравилось «как жить дальше». Словно этот вопрос стоял остро прямо сейчас.

Бельтран подошёл к двери, но перед тем как выйти, остановился и оглянулся.

На мгновение его лицо изменилось, будто он хотел вернуться или сказать что-то менее разумное, чем всё, что говорил до сих пор.

Вместо этого муж напомнил, чтобы при малейшем жжении, зуде или тошноте я немедленно послала за ним или доктором Хескетом.

В этом весь Бельтран. Оставить меня за дверями собственного приёма он мог совершенно спокойно, но мысль о том, что у меня снова заболит живот, заставляла его задерживаться на пороге.

Я дождалась, пока дверь закроется, и вернулась к ужину.

Еда успела остыть. Я съела немного мяса и хлеба, выпила чай и с некоторым злорадством отметила, что желудок по-прежнему чувствовал себя прекрасно.

Получалось, мой организм охотно соглашался на безвкусный ужин и категорически отказывался от красивой жизни. В моём прежнем мире подобную иронию я бы оценила.

Здесь она оставляла меня в простом платье на втором этаже, пока внизу женщины, способные пользоваться чарами, танцевали рядом с моим мужем.

Я попыталась читать, но музыка просачивалась сквозь пол и мешала сосредоточиться. Через две страницы обнаружилось, что я не помню даже имени героя, хотя встречала его в каждом втором абзаце. Пришлось закрыть книгу.

Бельтран мог быть прав хотя бы в одном: мне действительно следовало отдыхать. После разговора ноги снова стали тяжёлыми, а виски неприятно тянуло. Я легла поверх покрывала и

почти убедила себя, что до утра больше не стану думать о происходящем внизу. Я уже закрыла глаза, когда за дверью прозвучали слова, после которых отдыхать стало невозможно.

Глава 28

Именно тогда за дверью остановились две служанки.

Я узнала одну по голосу. Девушка утром помогала выносить из гардеробной зачарованные вещи и жаловалась напарнице, что теперь боится прикасаться даже к моим чулкам. Сейчас она говорила значительно тише, поэтому первые слова я не разобрала.

— ...в голубой комнате всё приготовили, — донеслось из коридора, когда женщины подошли ближе. — Только не понимаю, зачем её туда селить.

Вторая служанка ответила приглушённым смехом:

— А куда ещё? Если всё решится, ей потом всё равно понадобится комната поближе.

Кровать тихо скрипнула, когда я приподнялась на локте. Голоса находились прямо за дверью, и я уже собиралась окликнуть девушек, но первая успела прошептать сердито:

— Ты уже новую хозяйку поселила, пока прежняя наверху лежит. Если услышат, обеих выгонят.

Шаги стихли.

Вторая девушка что-то ответила совсем тихо, затем обе быстро пошли дальше по коридору.

Я медленно села.

Слова «новая хозяйка» были настолько нелепыми, что первым желанием оказалось рассмеяться.

В этом доме была одна хозяйка, и несколько часов магической аллергии не могли изменить титулы, брак и фамилию.

Служанки обожали превращать половину услышанной фразы в трагедию, а затем обсуждать её на кухне как установленный факт. Голубая комната могла понадобиться кому угодно из гостей. Какая-нибудь пожилая родственница могла остаться на ночь. Дочь знакомых могла приехать с компаньонкой.

Даже «если всё решится» не обязательно имело отношение к Бельтрану.

Я перечисляла объяснения одно за другим, но взгляд всё равно возвращался к двери.

Вчера Бельтран не поверил мне, потому что факты, известные ему, противоречили моим словам. Платье проверили. Горничная его надела. Чары работали правильно. Он сделал вывод, что ошибаюсь я.

Если я сейчас услышу две фразы за дверью и немедленно решу, что муж ищет мне замену, чем буду лучше?

Эта мысль подействовала лучше любого успокоения. Я встала, позвонила служанке и дождалась её возле стола.

Девушка пришла быстро, но при виде меня насторожилась. Я не стала спрашивать ни о «новой хозяйке», ни о голубой комнате.

Вместо этого попросила перечислить сегодняшних гостей. Несколько фамилий оказались мне хорошо знакомы, несколько я слышала только от Бельтрана, а имя Анхальта Хейса заставило пальцы невольно задержаться на спинке кресла.

После вчерашнего я не ожидала снова увидеть его в нашем доме так скоро.

— Хейс тоже на приёме? — спросила я, и служанка пояснила, что глава тайной канцелярии приехал не на ужин: он разыскивал одного из гостей и уже некоторое время разбирался с какими-то бумагами в малой гостиной.

Это объяснение неожиданно успокоило. Анхальт появился здесь по собственному делу, не имевшему отношения ни ко мне, ни к странному вечеру Бельтрана.

Вчера он вмешался только потому, что увидел женщину, которая вот-вот упадёт; сегодня продолжал заниматься своей работой. По крайней мере одна часть происходящего имела совершенно нормальное объяснение.

Я попросила назвать женщин.

Служанка начала перечислять семьи, и фамилия Довнар заставила меня остановить её. Господина Довнара я помнила: он несколько раз приезжал к Бельтрану и однажды сидел с нами за ужином. Его дочь в доме прежде не бывала.

— Как её зовут? — спросила я, наблюдая, как девушка снова опускает глаза.

— Дора, ваша светлость, — ответила служанка и сразу потянулась поправить уже зажжённую свечу.

Имя ничего мне не говорило.

— Почему она приехала вместе с отцом? Они же не собирались её выводить в свет раньше дебюта, насколько я помню. Ей восемнадцать, а сезон балов начнется только через два месяца...

Глава 29

Пламя свечи качнулось от слишком резкого движения руки. Девушка убрала пальцы и призналась, что не знает, но по её лицу было видно: какую-то версию она слышала.

Я могла приказать ей рассказать. В этом доме моего распоряжения всё ещё было достаточно, чтобы служанка забыла о собственной осторожности.

Однако выжимать кухонные сплетни из перепуганной девушки не хотелось. Если мне действительно требовалась правда, она находилась этажом ниже.

— Можешь идти, — отпустила я её и, когда служанка уже взялась за ручку двери, всё-таки добавила: — Если господин герцог спросит, я поужинала и чувствую себя хорошо.

Девушка оглянулась с заметным облегчением. Я не солгала ни единым словом, но впервые за весь день почувствовала, что воспользовалась своим положением хозяйки дома, а не больной женщины, которую следовало вовремя кормить и держать подальше от чар.

После её ухода я подошла к зеркалу.

Женщина в отражении по-прежнему не стала красивее. За время разговора волосы окончательно потеряли даже ту форму, которую я пыталась им придать, а простое платье рядом с золочёной рамой выглядело почти вызывающе скромным. Если спуститься в нём к гостям, Бельтран получит именно то, чего боялся: люди увидят его жену без привычных чар и наверняка заметят разницу.

Утром одна мысль об этом причиняла почти физическую боль. Теперь за дверью моей спальни уже успели обсудить «новую хозяйку», и страх показаться недостаточно красивой начал уступать другому страху — позволить всем остальным узнать, что происходит в моей семье, раньше меня.

Я расчесала волосы и собрала их настолько аккуратно, насколько позволяли обычные шпильки. Привычная причёска без магической поддержки не получилась: несколько прядей сразу выбились у висков, а волосы на затылке лежали слишком мягко. Я поправила их ещё раз, увидела тот же результат и отложила расчёску.

Вчера я бы не вышла так даже к завтраку с мужем.

Сегодня мне было важнее узнать, зачем Дора Довнар сидит внизу.

Я покинула спальню и прикрыла дверь, стараясь не шуметь.

В коридоре никого не оказалось. Издалека доносились голоса слуг, а музыка звучала уже тише: судя по времени, гостей скоро должны были приглашать к ужину.

До лестницы я дошла без труда, но после первых ступеней слабость напомнила, что Бельтран не всё придумал ради удобства.

Пришлось крепче взяться за перила и спускаться медленнее. Под ладонью дерево было прохладным и совершенно обычным.

Я ловила себя на том, что теперь проверяю отсутствие магии почти во всём, к чему прикасаюсь.

На площадке между этажами я остановилась перевести дыхание. Вернуться ещё можно было.

Бельтран приказал мне оставаться наверху, и я прекрасно знала, какой будет его реакция, если он обнаружит меня возле зала. Раньше одного этого знания хватило бы, чтобы я развернулась.

Глава 30

Но раньше он не отдавал моё место другой женщине. По крайней мере, я ещё надеялась, что не отдавал.

Я свернула к боковой лестнице, которой пользовались слуги. Так можно было попасть к столовой, не проходя через главный зал. Чем ниже я спускалась, тем сильнее менялся дом: запах простой еды из моей спальни уступил ароматам жареного мяса и пряностей, в воздухе появилась смесь духов, воска и цветов, а приглушённые наверху голоса превратились в знакомый гул приёма.

На первом этаже пришлось пропустить двух лакеев с подносами.

Я отступила в нишу и вдруг почувствовала себя в собственном доме посторонней, которая вынуждена прятаться от слуг, чтобы выяснить, кто сидит за её столом.

Это ощущение оказалось настолько неприятным, что я перестала красться.

Я вышла из ниши и направилась к столовой обычным шагом. Первый встретившийся лакей едва не выронил поднос. Второй успел поклониться, но его взгляд метнулся в сторону зала, словно он уже прикидывал, сколько секунд понадобится, чтобы предупредить герцога.

Я остановила его прежде, чем он сделал выбор.

— Не нужно никого звать. Я только посмотрю, всё ли готово к ужину, — сказала я достаточно спокойно, чтобы распоряжение звучало привычно.

Лакей поклонился ещё ниже и отступил.

Двери столовой были открыты. За длинным столом пока никого не было, и слуги заканчивали последние приготовления: поправляли приборы, зажигали свечи, расставляли блюда. Я знала этот стол настолько хорошо, что могла определить места почти всех постоянных гостей ещё до того, как увидела карточки.

Собственное место искать не требовалось.

Три года я сидела справа от Бельтрана. Иногда за столом собирались четыре человека, иногда двадцать, но мой стул оставался там же.

На одном подлокотнике была тонкая царапина, которую я однажды пыталась вывести воском, а потом перестала замечать. Бельтран любил перед началом ужина класть возле моего прибора короткие записки: имя особенно скучного гостя, предупреждение о теме, которую лучше не затрагивать, иногда язвительное замечание, после которого мне приходилось прятать улыбку за бокалом.

Сейчас возле знакомой царапины лежала карточка с чужим именем.

Я подошла ближе, потому что всё ещё надеялась неправильно прочитать несколько букв.

Дора Довнар.

Пальцы, которыми я держалась за спинку соседнего стула, онемели от слишком сильного нажима. Слуги продолжали двигаться вокруг меня, но их шаги и звон приборов вдруг начали раздражать своей обычностью. Никто не выглядел удивлённым.

Никто не спрашивал, почему место герцогини приготовлено для незамужней дочери одного из гостей. Значит, распоряжение было получено заранее и казалось всем достаточно законным, чтобы исполнить его без вопросов.

Я заставила себя разжать пальцы.

Карточка всё ещё ничего не доказывала. Бельтран мог изменить рассадку. Мог существовать деловой повод посадить Дору рядом с собой. Возможно, моё место вообще перестало считаться моим после того, как муж решил, что я не спущусь к ужину. И всё же на карточке у моего места стояло имя другой женщины.

Глава 31

Последнее объяснение было самым простым и почему-то самым болезненным.

Он не оставил мой стул пустым.

Если бы Бельтран действительно думал только о моём здоровье, можно было бы ожидать, что отсутствие жены останется заметным. Вместо этого пространство рядом с ним уже заняла другая женщина ещё до того, как гости сели за стол.

Я отступила от стула и только тогда заметила, что одна из служанок наблюдает за мной. Девушка сразу опустила глаза и занялась салфетками, но жар уже поднялся от груди к лицу. Через несколько минут о моём появлении будут знать на кухне, а ещё через полчаса — весь дом. Хозяйка спустилась тайком, увидела чужое имя на своём месте и ушла.

Нет, уходить я не собиралась.

Мне требовалось объяснение, но теперь я уже не хотела получать его после ужина в спальне, куда муж заранее меня убрал. Я хотела знать, что именно происходит внизу, прежде чем Бельтран успеет подобрать для меня очередную разумную версию.

Из малой гостиной донёсся мужской голос.

Я узнала Анхальта Хейса не сразу. Вчера он говорил со мной совсем иначе — коротко, жёстко, стараясь удержать в сознании, пока Бельтран спорил с ним и доктором. Сейчас его голос звучал спокойно и официально.

Он задавал кому-то вопросы о дате выдачи документа и подписи, затем попросил показать оригинал. Значит, служанка не ошиблась: Анхальт действительно занимался собственным расследованием и оказался здесь не ради семейных дел герцога.

Я собиралась пройти дальше, когда услышала голос Бельтрана.

Он находился в той же комнате.

Я остановилась у стены, не доходя нескольких шагов до приоткрытой двери. Отсюда собеседников не было видно, только полоску тёплого света на ковре. Подслушивать в собственном доме казалось унижительным, но вернуться наверх после карточки Доры Довнар я уже не могла.

Внутри зашелестела бумага. Анхальт что-то негромко уточнил у своего собеседника, и другой мужчина начал отвечать. Разговор действительно шёл о документах и не имел ко мне отношения. Я уже решила, что ошиблась дверью и Бельтран просто задержался рядом с Хейсом, когда муж обратился совсем к другому человеку.

— Господин Довнар, — произнёс Бельтран тем деловым тоном, которым обычно переходил к вопросу, уже обдуманному заранее. — Прежде чем мы продолжим, мне нужно увидеть документы вашей дочери.

Пальцы сами легли на холодную стену. В комнате отодвинули кресло, зашелестели бумаги, и муж продолжил прежде, чем я успела придумать хотя бы одно безопасное объяснение услышанному:

— Предъявите родословную Доры Довнар.

После просьбы Бельтрана предъявить родословную я должна была уйти. Именно за этим я и спустилась: убедиться, что карточка Доры Довнар возле прибора моего мужа не означает того, что успели нашептать служанки.

Теперь объяснение можно было получить только одним способом — войти в гостиную и спросить Бельтрана при всех, зачем ему понадобилась родословная незамужней женщины, пока его собственная жена сидела наверху.

Но ноги после лестницы всё ещё подрагивали, а за дверью уже зашелестела плотная бумага. Я осталась у стены, ненавидя и своё подслушивание, и надежду, из-за которой не могла заставить себя уйти.

Глава 32

— Полный экземпляр, ваша светлость. По обеим линиям до шестого колена, с подтверждениями браков и отдельной выпиской по магии крови, — сообщил господин Довнар с той охотой, с какой выполняют давно ожидаемую просьбу, и, судя по звуку, раскрыл папку. Затем он добавил с плохо скрытой гордостью: — Всё, как вы просили.

Пальцы, которыми я придерживала край двери, сжались сильнее.

«Как вы просили» означало, что Бельтран не решил из внезапной вежливости полюбоваться семейными документами гостя.

Он попросил подготовить их заранее.

Возможно, этому существовало вполне невинное объяснение; Бельтран разбирался в магии и родовых линиях лучше многих специалистов, к нему постоянно обращались за советом. Я нашла это объяснение мгновенно и сама же в него вцепилась, хотя карточка с именем Доры на моём месте за столом никуда от этого не исчезала.

Голос Бельтрана донёсся из комнаты отчётливо, и привычное спокойствие мужа заставило меня невольно придвинуться ближе к двери.

— Вы говорили, что в семье не было тяжёлых наследственных заболеваний. Меня интересуют обе линии, Довнар, а не только сильная магическая. Если мы обсуждаем возможных наследников, половина родословной не становится менее важной только потому, что не может пальцем зажечь свечу.

У меня онемели кончики пальцев.

Ещё вчера Бельтран стоял у моей постели и спрашивал доктора Хескета, могут ли наши будущие дети унаследовать магическую аллергию.

Я лежала перед ним с багровыми следами от чар на коже, а он пытался выяснить, не произведу ли я на свет драконов, которым будет плохо от собственной магии. Сегодня напротив него сидела здоровая девушка, и её семью расспрашивали о наследственных заболеваниях.

Даже теперь я попыталась придумать объяснение, не имеющее отношения ко мне.

Господин Довнар сам лишил меня этой возможности.

Он заговорил обстоятельно, явно наслаждаясь тем, что может предьявить достоинства дочери не хуже, чем родовые земли: женщины в семье отличались крепким здоровьем, хорошо переносили беременность, дети рождались сильными, ранних смертей почти не случалось. Отдельно он упомянул магическую кровь по отцовской линии, и от каждого нового достоинства Доры во рту становилось суше.

— Отец сейчас убедит вас, что я ни разу в жизни даже не чихнула, — вмешалась Дора с лёгким смехом. Её голос был молодым, приятным и совершенно спокойным.

Еще бы! Ей не приходилось стоять за дверью собственного дома и гадать, обсуждают ли её в качестве следующей жены:

— В двенадцать лет я простудилась. Мама до сих пор считает это пятном на семейной репутации.

Кто-то из гостей рассмеялся. Смех был коротким, светским, ничем не примечательным, но от него мне стало хуже, чем от перечисления болезней.

Происходящее не казалось этим людям чудовищным.

Они сидели в доме живой герцогини, пили её вино, готовились ужинать за её столом и с удовольствием обсуждали здоровье другой женщины.

Я перенесла вес на другую ногу и почувствовала, как край туфли натирает пятку. После двух дней в постели даже стоять оказалось утомительно, однако вернуться наверх я уже не могла. Мне нужно было услышать хоть что-нибудь, что вернёт происходящему нормальный

смысл. Нормальный смысл нашёлся через несколько секунд — и оказался хуже любого подозрения.

Глава 33

Бельтран словно почувствовал мою отчаянную потребность и почти дал мне желаемое.

— Мы ведём предварительный разговор, — напомнил он господину Довнару, когда тот заговорил о давних связях семей.

В голосе мужа появилась та сухая твёрдость, после которой собеседники обычно вспоминали, что Бельтран не любит, когда за него принимают решения.

— Я не давал вам обещаний и не позволял считать сегодняшнюю встречу договорённостью. Не заставляйте меня объяснять это второй раз, — добавил Бельтран.

Облегчение оказалось мгновенным и таким сильным, что мне пришлось прислониться плечом к стене.

Предварительный разговор.

Этих слов мне хватило, чтобы на несколько секунд стало легче. Муж всего лишь посадил другую женщину на моё место, заранее запросил её родословную и теперь выяснял, насколько здоровыми будут её дети, но я услышала, что он ещё ничего не обещал, и обрадовалась.

От стыда захотелось спрятать лицо.

Господин Довнар после предупреждения заговорил осторожнее. Он заверил Бельтрана, что прекрасно понимает необычность семейного положения и именно поэтому не настаивает на официальном характере встречи.

Последние слова повисли в комнате неприятной паузой, и её нарушил Анхальт.

До этого он, похоже, занимался собственными бумагами и не вмешивался в разговор. Теперь его голос прозвучал лениво, но после вчерашнего вечера я уже знала, насколько мало эта ленца говорит о его внимании.

— Семейное положение герцога настолько необычно, что для его обсуждения понадобилась родословная молодой женщины? — поинтересовался Анхальт. Вежливость вопроса плохо сочеталась с его содержанием. — Любопытно. Обычно живую жену считают довольно убедительной особенностью семейного положения.

В комнате стало тихо.

Я зажала губы, потому что совершенно не вовремя захотелось рассмеяться. Не от веселья — скорее от злого облегчения: хотя бы один человек за этой дверью слышал тот же абсурд, который слышала я.

Господин Довнар ответил не сразу. Когда он всё-таки заговорил, прежней довольной уверенности в голосе стало меньше.

— Мои семейные обстоятельства не имеют никакого отношения к делам главы тайной канцелярии. Поэтому с вашего позволения я продолжу, — сухо заметил Бельтран.

— Тогда вам повезло, — отозвался Анхальт всё с той же ленивой вежливостью. По звуку он закрыл папку. — Я приехал именно по делу и могу продолжать им заниматься, пока вы не начнёте нарушать законы. Постарайтесь не отвлекать меня вторым.

Смеха на этот раз не последовало.

Я представила господина Довнара, который ещё минуту назад с гордостью перечислял достоинства собственной крови, и впервые за весь вечер мне стало немного легче дышать.

Бельтран не поддержал Анхальта, но и спорить с ним не стал. Он вернул разговор туда, куда хотел сам, и от этого короткое облегчение исчезло.

Глава 34

— Осторожность необходима именно из-за положения моей жены, — произнёс муж. Его голос оставался ровным, почти деловым, словно речь шла о неожиданно обнаруженном недостатке семейного поместья. — До вчерашнего вечера мне не было известно, насколько серьёзно её состояние. Определённые симптомы существовали и раньше, но их природу от меня фактически скрывали.

Сначала я решила, что ослышалась.

Вчера Бельтран сам перечислил мои жалобы: зачарованная причёска жжёт кожу, украшения душат, платья колются, от некоторых десертов болит живот.

Он помнил их достаточно хорошо, чтобы использовать против меня как доказательство постоянных капризов. А теперь рассказывал посторонним людям, что болезнь от него скрывали.

Плечо, которым я опиралась о стену, напряглось. Я перестала замечать натёртую пятку и усталость после лестницы; вместо них осталось только неприятное давление ногтей на ладонь.

Один из гостей напомнил, что магическая аллергия могла проявиться внезапно и сама герцогиня до вчерашнего дня не знала диагноза. Я почти благодарно повернула голову к двери, хотя понятия не имела, кто это сказал.

Бельтран ответил сразу:

— Диагноза она не знала. Однако жалобы были. Если бы мне объяснили, что за ними может стоять реальная опасность, вчерашнего не произошло бы.

Я закрыла глаза.

Он говорил так, будто существовал ещё кто-то, обязанный объяснить ему мои слова. Врач, слуга, придворный маг — кто угодно, кроме женщины, которая несколько раз говорила мужу, что ей больно.

Особенно ясно вспомнилось его вчерашнее: «Ты прекрасно дышишь». Я тогда уже почти не могла стоять, а Бельтран смотрел на меня и всё равно решил, что знает правду о моём теле лучше меня.

Дора первой вернула разговор к себе.

— Мне очень жаль герцогиню, — произнесла она тише, и в её голосе не было ничего, за что я могла бы её возненавидеть. От этого становилось только хуже. — Я не представляю, как можно жить, когда самые обычные чары причиняют боль. Я бы, наверное, боялась даже собственного платья.

— Надеюсь, вам никогда не придётся это проверять, — мягко ответил Бельтран.

Всего лишь вежливость. Я понимала это и всё равно почувствовала, как к лицу приливает жар.

Вчера он увидел меня без чар и отвернулся. Сегодня приказал остаться наверху, потому что после болезни я выглядела недостаточно хорошо для приёма. А внизу сидела девушка, которая не могла представить жизни без магии и которая выглядела безупречно.

Господин Довнар, будто ему мало было перечисленных достоинств, с довольством добавил, что о внешности дочери говорить вообще излишне. Красота почти натуральная. Только чуть-чуть подчеркнутая по последней моде.

— Если даже убрать всю магию, вы не найдете различий, — заметил господин Довнар с гордостью.

Дора мягко упрекнула отца в пристрастности, и несколько гостей снова засмеялись.

Я больше не хотела слышать.

Не потому, что получила ответ. Я боялась получить следующий.

Ещё немного — и кто-нибудь спросит Бельтрана, считает ли он Дору красивой.

Глава 35

Или он сам начнёт сравнивать то, что сидит перед ним, с тем, что оставил наверху. Я уже знала достаточно: он действительно рассматривал другую женщину.

Пусть пока «предварительно», пусть ничего ей не обещал, но сама возможность новой жены обсуждалась в моём доме до того, как Бельтран нашёл в себе мужество обсудить её со мной.

Я осторожно отступила от двери.

Из гостиной снова донёсся шелест бумаги, а голос Доры стал ближе, словно девушка поднялась со своего места.

— Вот родословная, которую вы просили, ваша светлость, — сообщила она Бельтрану. По лёгкому напряжению в голосе я поняла, что прежний разговор смутил и её. — Отец заставил перепроверить все заверения дважды. Он сказал, что при таких обстоятельствах одной ошибки будет достаточно, чтобы нас сочли мошенниками.

Я уже собиралась сделать следующий шаг, когда в комнате неожиданно стихло движение.

— Подождите, госпожа Довнар, — остановил её Анхальт.

Ленца исчезла из его голоса настолько резко, что я сама замерла в коридоре.

Господин Довнар спросил, что привлекло внимание главы канцелярии, и теперь в его тоне слышалось раздражение человека, которому слишком долго мешают демонстрировать безупречный товар.

Анхальт не стал отвечать сразу. Несколько секунд из гостиной доносилось только едва слышное потрескивание магических светильников, а потом он попросил:

— Держите документ под светом. Печать слишком тщательно оформлена для бумаги, которую, по вашим словам, просто перепроверили перед поездкой.

Я перестала отступать.

Это уже не имело отношения к Бельтрану и его поискам новой жены. Именно поэтому я могла бы уйти с чистой совестью, но в голосе Анхальта появилось то же сосредоточенное спокойствие, с которым вчера он заметил моё падение раньше людей, стоявших ближе.

Я сместилась к дверной щели, стараясь не коснуться створки, и впервые увидела часть гостиной.

Дора стояла возле стола.

Она действительно была очень красива, и признать это оказалось проще, чем я ожидала. Светлые волосы были уложены в сложную высокую причёску, кожа выглядела ровной и будто подсвеченной изнутри, а большие глаза казались ярче благодаря тонким чарам. По платью при каждом движении пробегало золотистое мерцание, собиралось у талии, скользило к плечам и мягко высвечивало лицо.

До вчерашнего вечера я тоже носила подобные плетения.

Теперь даже с расстояния от их сияния по предплечьям прошло неприятное покалывание. Я невольно отодвинулась от проёма на несколько сантиметров, и ощущение ослабло.

Магия Доры была далеко и не могла причинить мне настоящую боль, однако собственная кожа уже не позволяла забыть, что для меня всё это закончилось.

Рядом с девушкой стоял Бельтран. Он смотрел не на её лицо, а на родословную, которую Дора держала обеими руками. По краям плотного листа тянулись светящиеся линии, соединяя имена и родовые гербы. Родословная Доры была не просто бумагой: она светила активной магией прямо передо мной.

Глава 36

Муж чуть склонил голову, изучая плетение. Я слишком хорошо знала это выражение его лица: так он смотрел на сложные чары, когда переставал замечать разговоры вокруг и начинал мысленно разбирать узор на отдельные элементы.

Именно с такой уверенностью он вчера проверил моё платье и решил, что стабильное плетение не может причинять мне боль.

Анхальт находился по другую сторону стола. Перед ним лежала открытая папка — видимо, та самая, ради которой он приехал, — но теперь глава канцелярии к ней даже не прикасался. Он смотрел на нижний край родословной.

При дневном свете Анхальт выглядел иначе, чем на балу. Светлые волосы, свободно падавшие ниже плеч, слишком заметно выделялись на фоне чёрного мундира, зато лицо оставалось таким же собранным. Он слегка наклонился к документу, опершись ладонью о край стола, и я невольно отметила, насколько крупнее и сильнее казалась эта рука рядом с тонким листом. Странная деталь для человека, который предпочитал давить не силой, а несколькими тихими словами.

Я проследила за его взглядом и увидела под гербом Довнаров крошечный знак. Сначала он показался мне частью общего узора, однако линии вокруг были симметричны, а этот завиток нарушал рисунок: маленькая замкнутая петля с короткой чертой внутри.

Бельтран тоже заметил, куда смотрит Анхальт. Он провёл пальцем над бумагой, не касаясь магического контура, и несколько секунд изучал печать.

— Родовая защита, заверение регистратора и фиксация изменений выглядят стандартно, — произнёс муж, но документ Доре не вернул. В его голосе уже не осталось прежнего интереса к семейному разговору; магическая загадка забрала внимание целиком. — Что именно вам не нравится?

Анхальт положил ладонь на свою папку и закрыл её. Этот простой жест почему-то настрожил меня сильнее, чем если бы он объявил печать поддельной.

— Я ещё не решил, не нравится ли мне что-нибудь, — ответил он Бельтрану, не отводя глаз от бумаги. — Но когда документ старается выглядеть безупречнее владельца, я предпочитаю познакомиться с ним поближе.

Дора растерянно посмотрела на отца, а господин Довнар сразу шагнул к столу. Его лицо я видела только в профиль, зато рука, которой он поправил манжету, двигалась уже не так уверенно.

— Документ оформляли в столице, господин Хейс. У вас не может быть претензий к заверению королевского регистратора, — возразил он, стараясь говорить твёрдо, но слишком быстро добавил: — Если вас смущает дополнительный знак, это всего лишь отметка проверки.

Анхальт наконец поднял на него глаза.

— Я не говорил, какой знак меня смущает.

Пальцы господина Довнара остановились на манжете.

Мне стало трудно отвести взгляд от маленькой петли под печатью. Ещё минуту назад я собиралась уйти, спасая остатки достоинства, а теперь наблюдала, как глава тайной канцелярии медленно обходит стол и останавливается возле Доры.

Он не потянулся к родословной. Вместо этого указал девушке на магический светильник.

— Поднимите лист немного выше, госпожа Довнар, — попросил Анхальт уже без насмешки. Его спокойствие заставило Дору послушаться быстрее, чем приказ. — И постарайтесь не закрывать нижнюю печать пальцами.

Под светом защитные линии вспыхнули ярче. Маленький знак тоже проявился отчётливее, и теперь я могла различить, что он действительно не соединён с основным узором так, как остальные элементы.

Анхальт смотрел на него слишком долго для человека, которому просто стало любопытно.

Глава 37

И именно в этот момент он поднял глаза к двери.

Я не успела отступить.

Наши взгляды встретились через узкую щель. Сначала он посмотрел на моё лицо, затем быстро скользнул глазами по простому платью и задержался на руке, которой я держалась за дверной косяк. Ни удивления, ни вопроса на его лице не появилось. Он лишь чуть изменил положение, встав так, что оказался между дверью и частью гостей, и снова обратился к документу.

Анхальт меня увидел и не выдал.

От этого стало не легче. Теперь у моего унижения появился ещё один свидетель — тот самый человек, который вчера подхватил меня на глазах у Бельтрана.

Я могла уйти, пока муж не заметил меня. Уже собиралась это сделать, когда господин Довнар, желая вернуть себе утраченную уверенность, снова заговорил:

— Мы подготовили документы именно потому, что понимаем положение герцога. Когда обсуждается женщина, которая в будущем может стать матерью наследников такого рода, сомнений в её происхождении и здоровье быть не должно.

Кровь так резко прилила к лицу, что мне захотелось прикрыть щёки ладонями.

Я смотрела на Бельтрана и ждала, что он поправит Довнара. Хотя бы сейчас. Скажет, что у него есть жена, что слова о будущей матери его наследников преждевременны, что обсуждать мою замену при посторонних он не позволит.

Бельтран промолчал.

Он перевёл взгляд с родословной на Дору, и я увидела то сравнение, которое он ни разу не произнёс вслух.

Дора стояла перед ним сияющая, безупречно причёсанная, с ровной кожей и зачарованным платьем, которое делало красивое лицо ещё красивее. Её семья принесла подтверждения здоровья и магии в крови до шестого колена.

Меня Бельтран оставил наверху, потому что без магии я выглядела слишком обыкновенно для его гостей.

Вчера, увидев моё настоящее отражение, он отвёл глаза.

Но от Доры он глаз не отводил.

Ревность, которая мучила меня с того момента, как я увидела чужое имя возле его прибора, вдруг показалась почти роскошью. Для ревности нужно было хотя бы считать себя соперницей.

Я же стояла за дверью собственного зала, спрятанная мужем от общества, пока другую женщину показывали ему вместе с родословной и справкой о здоровье.

И хуже всего было помнить, как несколько минут назад я обрадовалась его словам о предварительном разговоре.

Мне всё ещё хотелось, чтобы он выбрал меня.

После вчерашнего бала, после вопроса о больных наследниках, после сегодняшнего приказа не показываться гостям я продолжала ждать, что Бельтран хотя бы перед посторонними назовёт меня своей женой так, чтобы всем стало ясно: место занято.

Но муж этого не сделал.

Я отступила от двери, потому что оставаться стало унизительнее, чем уйти. Каблук зацепился за край ковра, и я ухватилась за косяк, чтобы не потерять равновесие. Пальцы сжали гладкое дерево, а под ногтем указательного пальца вдруг кольнуло серебром.

Я замерла.

Боль была слишком знакомой.

Она появилась не там, где ноготь впился в ладонь, а глубже, под кожей, и медленно потянулась по пальцу к запястью. Вчера именно так начиналось странное ощущение перед тем, как чары на моём платье стали разрушаться.

Глава 38

Я разжала руку и увидела тонкую серебряную линию.

Анхальт заметил её почти одновременно со мной. Его взгляд резко переместился от родословной к моему запястью, и сосредоточенность на его лице сменилась настороженностью. Он уже знал, что со мной произошло вчера, и потому не стал искать другое объяснение.

Я хотела отойти подальше от двери, но серебряная боль усилилась. Она поднялась выше запястья, и вместе с ней отозвались чары в комнате.

Случилось то, чего я никак не ожидала.

Мерцание на платье Доры дрогнуло.

Девушка почувствовала это первой. Она опустила глаза, когда золотистый свет на юбке вспыхнул ярче обычного, а затем словно провалился внутрь ткани.

Анхальт шагнул к ней и остановил движение руки, которой она уже собиралась опустить родословную.

— Не убирайте документ, госпожа Довнар, — приказал он негромко, следя уже не за девушкой, а за светящимися линиями на бумаге. — Что бы сейчас ни происходило, я хочу это увидеть.

Дора застыла. Золотое сияние продолжало уходить с её платья снизу вверх, оставляя после себя обычную ткань. Когда чары погасли на талии и добрались до плеч, кто-то из гостей шумно втянул воздух, но я почти не слышала его за собственным пульсом. Я не видела ее лица, но по выражению, которое появилось на лице Бельтрана я поняла, что что-то не так.

Бельтран резко повернул голову к двери.

Я поняла, что он увидел меня, по тому, как изменилось его лицо. На мгновение в нём появилось то же выражение, с которым вчера он обнаружил серебряные нити под моей кожей, — мгновенный расчёт опасности, вытеснивший всё остальное.

Однако подойти ко мне он не успел.

Родословная в руках Доры вспыхнула.

Анхальт мгновенно развернулся обратно к документу. Маленький знак под печатью налился серебристым светом, а защитное плетение вокруг него задрожало так сильно, что Дора едва удержала лист.

— Не отпускайте, — жёстко потребовал Анхальт, удерживая её взглядом на месте.

Сияние сорвалось с бумаги.

Сначала погасли магические линии между именами. Затем несколько строк под гербом Довнаров поплыли, словно чернила вдруг стали жидкими. Дора вскрикнула и дёрнула родословную к себе, но Анхальт уже смотрел на проступающие буквы, а Бельтран остановился на полпути ко мне.

Прямо у них на глазах родословная Доры Довнар переписывала сама себя.

Глава 39

Я смотрела, как родословная Доры переписывает сама себя, и боялась пошевелиться.

Серебряная боль ещё тянулась от запястья к локтю, хотя самое сильное жжение уже отступило. Вместе с ним исчезало и мерцание на бумаге. Светящиеся линии бледнели, открывая под собой другие буквы, другие имена, а маленький знак возле печати, который несколько минут назад привлёк внимание Анхальта, истончился и пропал совсем.

Мне хотелось убедить себя, что я здесь ни при чём. Я даже нашла бы десяток разумных объяснений, если бы одновременно не видела платье Доры.

Сначала погасла вышивка на лифе, потом ткань потеряла глубокий жемчужный блеск. Исчезла едва заметная магия, заставлявшая складки лежать безупречно, и вслед за ней поплыло лицо девушки.

Не страшно, не уродливо — просто исчезло то совершенство, которым я любовалась из-за двери. Кожа оказалась чуть неровной, возле подбородка проступили несколько воспалённых точек, губы уменьшились и побледнели, а ресницы стали короче. Подбородок превратился в чуть скошенный, портя идеальный профиль.

Дора сдавленно вскрикнула и прикрыла щёку ладонью.

Госпожа Довнар бросилась к дочери, но остановилась на полпути, потому что чары уже сходили и с неё: седина проступала у корней тщательно уложенных волос, лицо становилось старше, а мягкое золотистое свечение на шее исчезло вместе с родовым узором на ожерелье.

Господин Довнар схватился за воротник, когда такой же знак погас на его одежде.

Вчера на их месте была я.

Эта мысль убила первое, почти постыдное удовлетворение раньше, чем я успела им насладиться. Дора не была виновата в том, что пользовалась чарами красоты. Я сама ещё позавчера не вышла бы к гостям без них и сегодня утром едва выдержала собственное отражение. Несколько прыщиков на лице не делали её обманщицей, как отсутствие привычного сияния не делало обманщицей меня.

Но родословная была другой.

Строки на ней продолжали меняться, и от этого зрелища во мне поднималось уже совсем другое чувство. Чары исчезали не только с лиц и одежды. Они что-то скрывали на бумаге, которую принесли моему мужу, чтобы он решал, подходит ли Дора для рождения его детей.

Господин Довнар рванулся к дочери и протянул руку к документу, но Анхальт успел перехватить его запястье прежде, чем пальцы коснулись листа.

— Даже не пытайтесь, — негромко предупредил он, удерживая мужчину без видимого усилия. Его взгляд при этом оставался на меняющейся родословной. — Флинг, мне нужна копия того, что было предъявлено герцогу, пока от первоначального варианта ещё что-нибудь осталось.

До этого я почти не замечала помощника Анхальта у дальней стены. Флинг двигался быстро и без суеты: поставил на край стола плоский копирующий кристалл, подложил под родословную чистый лист и начал снимать отпечаток, пока последние светящиеся строки ещё сохранились.

Бельтран наконец оторвался от документа и посмотрел на меня. Раздражение на его лице было настолько знакомым, что я заранее поняла, кого он сейчас сочтёт виноватой в происходящем.

— Лотесса, что ты сделала? — спросил он тихо, но в этой тишине уже чувствовалось усилие, с которым муж удерживал голос от повышения.

Я прижала больную руку к животу, потому что пальцы продолжали мелко дрожать.

— Я ничего не делала.

Но по тому, как Бельтран смотрел на погасшие чары, я поняла: он мне не поверил.

Глава 40

Бельтран перевёл взгляд с меня на Дору, потом на её родителей. В гостиной теперь слишком хорошо было видно, сколько магии носили на себе все трое, и это явно не помогало ему поверить моим словам.

— Несколько минут назад здесь всё было в порядке, — произнёс он, приблизившись ко мне на пару шагов. — Ты вошла, у тебя снова начался приступ, и чары исчезли. Не говори мне, что между этим нет связи.

Ещё вчера подобная уверенность заставила бы меня усомниться в собственных ощущениях. Он лучше меня разбирался в магии, видел закономерности, которых я не понимала, и столько лет мне было проще принять его объяснение, чем спорить.

Теперь я посмотрела на свою руку и впервые не стала искать для него более удобный ответ.

— Я не говорю, что связи нет. Я говорю, что не знаю, как это сделала.

Бельтран сжал челюсть, но ответить не успел. Анхальт отпустил господина Довнара только после того, как тот отступил от стола, и вмешался в наш разговор с той спокойной уверенностью, которая заставила ближайших гостей невольно замолчать.

— Она говорит правду хотя бы в одном: сознательного воздействия я не заметил. Но связь есть. — Он подошёл к Флингу и наклонился над копией, не касаясь оригинала. — И сейчас меня гораздо больше интересует, что именно исчезло вместе с чарами.

Госпожа Довнар наконец добралась до дочери и попыталась закрыть её собой от чужих взглядов.

— Вы выставили её на посмешище! — взвизгнула она. Голос женщины сорвался, когда она повернулась ко мне. — Что она вам сделала?

Дора вздрогнула сильнее от материнского крика, чем от собственного изменившегося отражения в стекле шкафа. Я увидела, как она снова подняла ладонь к лицу, и меня обожгло стыдом.

— Ничего, — ответила я, стараясь не смотреть на красные пятнышки возле её подбородка. Идеальная маска сползла. Но её лицо было обычным, человеческим, со своими недостатками. — И с её лицом ничего страшного не произошло.

Госпожа Довнар открыла рот, но Анхальт заговорил раньше. Он уже сравнивал два листа, и выражение его лица изменилось настолько незначительно, что я заметила это лишь потому, что следила за ним с момента появления серебряной боли.

— Ваша дочь действительно сейчас наименьшая из наших проблем, госпожа Довнар. Косметические чары законом не запрещены. А вот подделка родословной — запрещена.

Бельтран резко повернулся к столу.

— Какая подделка?

Анхальт не стал отвечать сразу. Он подвинул копию ближе к лампе и указал пальцем на середину листа, предоставляя Бельтрану увидеть самому.

Муж прочитал первую строку, вторую, потом вернулся глазами выше. Я знала этот взгляд. Так он изучал повреждённые плетения, проверял защиту дома, находил ошибки, которые другие не замечали. Только сейчас чем дольше Бельтран смотрел, тем меньше в его лице оставалось раздражения на меня.

— Здесь было другое имя, — произнёс он наконец, не отрываясь от копии. Его палец переместился ниже, к следующей ветви. — И эта линия была продолжена.

Флинг, всё ещё стоявший рядом с копирующим кристаллом, подтвердил наблюдение не обычным согласием, а сразу показал разницу:

— На предъявленном варианте эта ветвь соединялась с основной. Теперь соединения нет, ваша светлость. И дата рождения тоже изменилась. Вот эту женщину просто вычеркнули из родословной, оборвав ее ветвь. И вместо этого ветвь пошла вот от этой дамы. И вот от этого господина.

Глава 41

Господин Довнар побледнел так заметно, что даже мне стало ясно: по крайней мере часть происходящего не была для него неожиданностью.

— Документ проверяли перед отъездом, — торопливо заговорил он, приблизившись к столу ровно настолько, насколько позволял стоявший рядом Анхальт. — Я получил его уже заверенным. Если с ним что-то сделали, это произошло не у нас.

Бельтран медленно поднял голову. Его злость никуда не исчезла, только теперь получила другую цель.

— Вы принесли мне родословную своей дочери, чтобы я принимал решение о будущем моего дома. Не рассказывайте мне, где её подделали. Скажите, вы знали об этом или нет.

Дора отняла ладонь от лица и посмотрела на отца.

— Папа, о чём он говорит?

Господин Довнар не повернулся к дочери. Этого молчания оказалось достаточно, чтобы она отступила от него на шаг.

Я вдруг перестала замечать её прыщики.

Анхальт тоже следил уже не за Дорой. Он взял копию за край, повернул к свету нижнюю часть листа и задержался на печати, из-за которой ещё раньше подошёл к столу.

— Флинг, посмотри сюда, — позвал он помощника, не повышая голоса. — Не на герб. На форму внешнего контура. Только смотри внимательно. Очень внимательно.

Флинг наклонился рядом. Несколько секунд рассматривал знак, сощурившись, а потом его лицо изменилось.

— Похожа на королевскую... Даже магические плетения... видите след? — Флинг ткнул пальцем в бумагу. — Он здесь остался. Они... они поразительно похожи... Впервые вижу подделку такого невероятного качества!

— Именно похожа, — поправил Анхальт, а на его губах дрогнула улыбка.

Флинг снова склонился над документом.

— Внешний контур скопирован почти точно. Но внутренний знак немного неправильный. Если не присматриваться и не изучать ее дотошно, то... вылитая королевская печать. Надо сказать, что подделка — просто невероятного качества! Я такой еще не видел.

Я переводила взгляд с одного мужчины на другого. Для меня крошечная петля под гербом оставалась всего лишь петлёй.

— Что это значит? — спросил Бельтран.

Анхальт наконец оторвался от документа.

— Что кто-то очень хотел, чтобы эту печать приняли за королевскую.

Я не поняла, что это означает, зато господин Довнар понял. Его взгляд метнулся к двери.

— Я уже сказал: документ получил заверенным. Я не знаю, кто это сделал.

— Вот это мы и выясним, — спокойно ответил Анхальт.

Он протянул оба листа Флингу.

— Оригинал отдельно. Копию — отдельно. До моего разрешения документы не должны оказаться ни у семьи, ни у людей герцога. Я хочу знать, кто изготавливает такие подделки. И вы, господин Довнар, расскажете мне всё, что об этом знаете.

— Вы меня... арестовываете? — дрогнувшим голосом спросил господин Довнар, бледнея.

— А есть уже за что? — усмехнулся Анхальт. — Пока вы проходите по делу как свидетель. Всё остальное будет зависеть от того, что покажет расследование. Поэтому в ваших же интересах рассказать всё, что вы знаете об этой печати.

Последние слова заставили Бельтрана посмотреть на него уже без прежней сдержанности.

— Вы находитесь в моём доме, Хейс. Я имею право знать все, что касается этого дела!

— Именно поэтому я уточнил, кому не отдавать документы, — сухо ответил Анхальт, наблюдая, как Флинг убирает листы. — Если подделку подготовили для вас, я пока не знаю, кто из ваших людей имел к ней доступ. Поверенный, который проверял предварительные документы, помощник и так далее.

Несколько гостей отодвинулись от стола. Кто-то возле камина поставил бокал так осторожно, будто лишний звук мог привлечь внимание Анхальта, и только теперь я окончательно поняла: вечер Бельтрана закончился.

Приёма больше не было. Была комната, из которой глава тайной канцелярии пока никого не собирался выпускать.

Муж понял это одновременно со мной и снова посмотрел на моё простое платье.

— Лотесса, поднимись к себе, — потребовал он уже без прежней резкости, но тем самым тоном, которым привык отдавать распоряжения слугам и ждать исполнения. — Сейчас же.

Впервые за все время брака я не выполнила его просьбу и не двинулась с места.

Глава 42

Вчера я подчинилась бы. Даже сегодня утром, наверное, подчинилась бы тоже, потому что привыкла считать его приказ заботой раньше, чем успевала спросить себя, чего хочу сама.

Но за спиной Бельтрана стояла Дора, которую посадили на моё место. На столе только что лежала её родословная. А несколько минут назад мой муж обсуждал здоровье детей, которых она могла бы ему родить.

Я шагнула в гостиную окончательно, оставив дверной проём за спиной.

— Ты искал себе новую жену? Так, словно я уже умерла?

Бельтран не ожидал скандального вопроса. Я увидела это не по красивой паузе, которой не было, а по тому, как его рука, уже поднявшаяся в привычном жесте, будто он собирался направить меня к двери, медленно опустилась.

Вокруг нас были люди. Довнары, Анхальт, Флинг, гости, слуги у стен. Бельтран всегда умел помнить о свидетелях лучше меня, и сейчас его взгляд на мгновение скользнул по комнате прежде, чем вернуться ко мне.

Этого мгновения хватило.

Жар поднялся от груди к шее. Мне стало стыдно не за вопрос, а за то, что совсем недавно я цеплялась за слова «предварительный разговор» и пыталась убедить себя: если он ещё не выбрал Дору, значит, у нашего брака всё ещё есть шанс.

— Лотесса, давай не будем устраивать сцену при гостях. Мы обсудим это без посторонних, — произнёс Бельтран тише и сделал шаг ко мне, пытаясь вернуть разговор туда, где мог контролировать хотя бы его громкость. — Ты плохо себя чувствуешь, только что произошло неизвестное магическое воздействие, и я не позволю тебе устраивать разбирательство в таком состоянии.

Я отступила не от него, а к столу. Мне хотелось видеть то место, где лежала родословная, пока я говорила.

— Её посадили справа от тебя. На моё место, — мой голос дрогнул от обиды. — Ты попросил принести её родословную и спрашивал, здоровы ли женщины в семье. Что именно мы должны обсудить без посторонних — то, как далеко ты уже зашёл, или то, когда собирался сказать мне, что уже выбираешь себе новую жену за моей спиной?

Бельтран остановился. Я ждала отрицания и ненавидела себя за то, что всё ещё ждала.

Он мог сказать, что я неправильно поняла. Что Дора приехала не для этого. Что вопрос о наследниках не имел отношения к нашему браку.

Вместо этого муж потёр большим пальцем край перстня и заговорил с той тяжёлой сдержанностью, которая появлялась у него, когда он считал своё решение неприятным, но разумным:

— После слов доктора Хескета я обязан был понять, какие варианты вообще остаются у нашего дома. Он не смог сказать, передаётся ли твоя особенность детям. Довнары давно входили в число семей, с которыми наш поверенный считал возможным родство. Мне не пришлось искать их за одну ночь. Я только запросил документы, которые позволили бы понять, стоит ли вообще рассматривать эту возможность. Я не собирался принимать решение сегодня и не давал Довнарам никаких обещаний.

— Давно? — переспросила я.

Бельтран нахмурился, словно только сейчас понял, что именно я услышала.

— Наш поверенный ведёт сведения о родах, с которыми возможны брачные союзы. Это обычная часть дел дома, — произнес он спокойно, словно это само собой разумеется.

— Даже когда герцог уже женат? — произнесла я, делая паузу, чтобы проглотить ком слез обиды.

Он не ответил сразу.

Надежда, которую я так старательно прятала даже от себя, оказалась достаточно живой, чтобы от этих слов стало больно.

— Значит, ты всё-таки искал мне замену, — прошептала я, чувствуя, как слезы наворачиваются на глаза. — Что ж...

— Я проверял, существует ли эта возможность вообще, — жёстче поправил Бельтран и тут же взглянул на Довнаров, словно их присутствие наконец начало причинять ему такое же неудобство, какое мне причиняло с самого начала. — Возможность, которую эта семья, как выяснилось, решила обеспечить себе поддельными документами.

Глава 43

Вот теперь он увидел подделку по-настоящему. Не как улику Анхальта и не как странность на бумаге, а как ложь, предназначенную лично для него.

Бельтран повернулся к господину Довнару, и тот невольно попятился.

— Вы знали, зачем я запросил родословную. Знали, какие сведения для меня важны. И принесли изменённый документ.

— Ваша светлость, я уже сказал, что получил его заверенным, — начал оправдываться господин Довнар, но Бельтран не позволил ему договорить.

— Тогда вам особенно повезло, что Хейс здесь. Вы сможете объяснить ему, кто именно так заботливо подготовил для меня нужное происхождение вашей дочери.

Дора закрыла глаза. Мне снова стало её жалко, и одновременно я испытала почти стыдное облегчение: подлинным оказалось совсем не то, что мне показывали. Не её безупречное лицо, не сияние рода, не уверенность родителей и даже не бумага с печатями. За всей этой идеальной картиной пряталась обыкновенная девушка, которую, возможно, использовали точно так же, как пытались использовать меня.

Бельтран заметил, куда я смотрю, и ошибся в причине моего молчания.

— Ты довольна? — спросил он вполголоса, приблизившись настолько, чтобы разговор снова стал почти личным. — Они опозорены перед всеми. Дора не имеет отношения к тому, что сделали с родословной, но именно ты сняла с неё чары посреди комнаты. Считай, что ты ее раздела.

— Я не уверена, что это сделала я, — произнесла я.

— Ты говоришь, что я от тебя что-то скрываю, в то время как ты скрываешь вот это вот умение! — в голосе Бельтрана появились резкие ноты. — Я вычислил источник силы по тому, как менялась комната. И он ведет к тебе.

Я повернулась к нему. Серебряная боль почти исчезла, зато после неё осталась тяжесть в руке, и мне пришлось прижать ладонь к краю стола, чтобы пальцы не дрожали.

— Я не знала, что могу это сделать. И если бы могла выбирать, не стала бы снимать с неё косметику перед гостями. Но не притворяйся, будто несколько прыщей на лице — главный обман этого вечера, — произнесла я, чувствуя горечь во рту.

Бельтран проследил за моим взглядом до папки в руках Флинга.

— Я не притворяюсь. Я пытаюсь понять, что произошло с тобой и почему рядом с тобой исчезли чары, которые не должны были исчезнуть.

— Вчера ты тоже пытался понять, что со мной происходит, — напомнила я, и собственный голос показался мне удивительно спокойным. — Только сначала решил, что я лгу.

Его лицо изменилось. Совсем немного, но мне этого хватило: Бельтран помнил, как держал меня в том платье, пока я просила позволить его снять.

Он не извинился.

Зато впервые не стал спорить.

Анхальт всё это время оставался у стола. Мне хотелось забыть о нём хотя бы на несколько минут, но это было невозможно: он наблюдал за мной уже не как за больной женщиной, которую вчера пришлось ловить на глазах у гостей. Его интерес стал точным и неприятно сосредоточенным.

Мне всё чаще мешала не только его должность. Анхальт был слишком заметным мужчиной, чтобы перестать видеть его просто потому, что мне этого хотелось: высокий, широкоплечий, с длинными светлыми волосами на чёрном воротнике и лицом, на котором почти никогда не появлялось лишнего выражения. Даже неподвижность у него выглядела не спокойствием, а

сдерживаемым действием — словно он мог в любой момент подойти ближе, но пока не видел необходимости.

— Ваша светлость, — обратился он к Бельтрану, когда Флинг закончил убирать документы, — я забираю оригинал и копию. Довнары останутся здесь до первого разговора с моими людьми. И мне понадобится ваша жена.

Глава 44

Бельтран мгновенно развернулся к нему.

— Зачем? Она больна! Ей нужно вернуться в комнату! На все вопросы вместо нее могу ответить я.

— Если я сказал, что она мне нужна, значит нужна, — повторил глава тайной канцелярии.

— Нет! — резко произнес Бельтран.

В одном коротком слове было больше жизни, чем во всех его объяснениях про предварительный разговор. Муж даже сместился так, что оказался между мной и Анхальтом, хотя до этого сам несколько раз требовал, чтобы я ушла.

Анхальт посмотрел сначала на него, потом на меня за его плечом.

— Она только что сняла защитное вмешательство с документа, которое не заметили при обычной проверке. Эта женщина за секунды сделала то, за что государство платит огромные деньги и тратит несколько месяцев экспертиз.

— Она только что пережила приступ, — отрезал Бельтран. Его плечи напряглись, когда Анхальт сделал шаг в нашу сторону. — И сама не понимает, что произошло. Вы не получите её!

Слово «получите» неприятно царапнуло сильнее, чем должно было.

Бельтран говорил так, будто защищал меня, и какая-то часть меня всё ещё отзывалась на эту защиту старой привычной благодарностью. Только сегодня вечером он уже рассматривал возможность заменить меня другой женщиной, а теперь стоило Анхальту заинтересоваться моей силой, как я снова мгновенно стала тем, что принадлежало ему.

Анхальт, кажется, услышал в его словах то же самое.

— Любопытно, — заметил он, и в его голосе появилась та сухая насмешка, от которой господин Довнар возле стола побледнел ещё сильнее. — Вчера ваша жена говорила, что ей больно, а вы предпочли довериться собственной проверке. Сегодня вы оставили её наверху, пока выясняли, не найдётся ли женщина с более подходящей родословной. **Ваша жена за один приступ сняла с документа то, что мои специалисты могли месяцами принимать за подлинное. У меня есть специалисты, которые занимаются подобными вещами годами. Ни один из них не умеет делать то, что сейчас сделала она. Я пока не знаю, сможет ли она повторить это. Зато очень хочу выяснить.** И стоило мне этим заинтересоваться, как вы внезапно вспомнили, что она ваша.

Бельтран не повысил голоса. Он лишь повернул голову так, чтобы видеть Анхальта прямо, и воздух между ними будто стал теснее.

— Следующее слово о моей жене выбирайте осторожно.

Мне следовало испугаться. Я слишком хорошо знала мужа, чтобы не понимать: это была не светская угроза и не попытка произвести впечатление. Но гораздо сильнее меня задело другое — они оба говорили обо мне, стоявшей в двух шагах от них, так, словно решали, кто получит право распоряжаться обнаруженной способностью.

Анхальт первым посмотрел на меня, однако вопрос задал Бельтрану.

— Вы действительно собирались оставить её, если родословная Доры вас устроит?

Муж молчал всего несколько секунд, но после нашего разговора мне уже не требовался ответ. Анхальт тоже, видимо, его получил.

Он медленно перевёл взгляд с Бельтрана на меня, потом снова на мужа. В его лице не было ни сочувствия, ни возмущения, которыми можно было бы утешиться. Только холодный интерес человека, который увидел возможность и уже прикидывал, как ею воспользоваться.

— Тогда всё значительно проще, ваша светлость, — произнёс Анхальт спокойно. — Уступите мне жену, которую всё равно собирались оставить. Я готов ее купить у вас. Любая сумма.

Глава 45

Несколько секунд я была уверена, что ослышалась. Наверное, потому что Анхальт произнёс это слишком спокойно, без улыбки, оскорбительной небрежности или хотя бы той интонации, с которой мужчины иногда говорили заведомую мерзость, заранее рассчитывая объявить её шуткой.

Тем же голосом несколько минут назад он распоряжался убрать родословную Доры и сохранить поддельную королевскую печать.

Я готов её купить у вас. Любая сумма.

Бельтран не сразу ответил. Его спина передо мной стала совершенно неподвижной, а пальцы медленно сжались вдоль бедра. Только после этого он повернул голову к Анхальту и потребовал негромко, отчего несколько человек возле дальнего края стола поспешили заняться бумагами:

— Повторите.

— Не вижу необходимости. Вы прекрасно меня услышали, — отозвался Анхальт, не меняя позы и даже не убирая руки со спинки соседнего кресла.

Бельтран развернулся к нему всем корпусом. Между ними оставалось несколько шагов, но впервые за весь этот странный приём мне показалось, что расстояния недостаточно.

— Моя жена не продаётся, — отчеканил муж.

От этих слов должно было стать легче. Ещё вчера я, наверное, услышала бы только «моя жена» и ухватилась за это так же жадно, как утром хваталась за каждое проявление его заботы: за снятые с кровати чары, за проверенную еду, за его вопросы о моём самочувствии. Сейчас первым услышалось другое. Бельтран не сказал, что Анхальт не имеет права решать мою судьбу, и даже не спросил, чего хочу я. Он всего лишь отказался продавать.

— Какое счастье, — произнесла я, прежде чем успела решить, стоит ли вообще вмешиваться в торг собственной персоной.

Оба мужчины повернулись ко мне. Я вышла из-за плеча Бельтрана, пока он снова не решил, что удобнее разговаривать обо мне, заслонив меня собой, и остановилась рядом с креслом. Меня трясло мелкой поганой дрожью волнения. И я никак не могла это контролировать. Еще бы! Услышать такое! Меня хотят купить у мужа.

— А я уже начала беспокоиться, что вы договоритесь, — в голосе проскользнула нервная нотка, которую я попыталась скрыть усмешкой.

— Лотесса, сейчас не время, — остановил меня Бельтран, и по тому, как быстро он это сказал, я поняла: мой голос задел его сильнее предложения Анхальта. — Прошу тебя, вернись в свою комнату. Я позже к тебе зайду.

— Для чего именно не время? — удивилась я и посмотрела мужу в лицо. — Узнать, сколько я стою? Судя по тому, что было на вчерашнем балу и сегодня в гостиной я и ломаного гроша не стою. Почему я должна уходить, если речь идет обо мне? Или мне как товару нужно полежать на прилавке молча, пока продавец и покупатель торгуются?

Он поморщился и сделал движение ко мне, но я отступила ровно настолько, чтобы его рука, уже приподнявшаяся к моему локтю, снова опустилась.

— Я не это имел в виду.

— Зато господин Хейс, кажется, имел в виду именно это, — заметила я и повернулась к Анхальту, ожидая хотя бы теперь увидеть на его лице неловкость.

Её не было. Он встретил мой взгляд с тем же холодным вниманием, с каким недавно рассматривал изменившуюся родословную, и подтвердил:

— Именно это, герцогиня.

Я на мгновение растерялась. Прямота оказалась неприятнее оправдания, зато не оставляла возможности убедить себя, что я опять неправильно поняла происходящее.

Бельтран шагнул к нему и тихо произнёс:

— Хейс, вы сейчас в моём доме. И вы еще смее пытаться купить у меня жену? Вы в своем уме?

И по тому, как Анхальт посмотрел на него, я поняла: предложение купить меня было только началом.

Глава 46

Несколько гостей, всё ещё остававшихся в комнате, начали проявлять удивительную заинтересованность в чём угодно, кроме нас.

Даже Флинг, державший папку с изъятými документами, отошёл к столу и занялся застёжкой, которая до этого прекрасно его устраивала. Анхальт заметил это, скользнул взглядом по свидетелям и ответил мужу с почти ленивым любопытством:

— Что именно вас оскорбило, герцог? Слово «купить» или напоминание, что ещё час назад вы сами выясняли, кем сможете заменить жену в кратчайшие сроки?

Лицо Бельтрана изменилось. Я слишком хорошо знала это выражение: так он смотрел на человека, который допустил ошибку и ещё не понял, насколько дорого она ему обойдётся.

— Я никого не собирался заменять, — возразил он уже жёстче.

Боль пришла совсем не от Доры. После всего, что я услышала сегодня за дверью, было поздно убеждать себя, будто её родословная оказалась в нашем доме случайно. Гораздо хуже было другое: Бельтран произнёс эти слова так легко, словно достаточно назвать случившееся иначе — и место Доры за моим столом, разговор о её происхождении и его собственное «я проверял возможность» тоже станут чем-то другим.

Я прикрыла глаза и попросила, пока ещё могла говорить спокойно:

— Не надо пытаться убедить меня, что все услышанное и увиденное мне просто показалось! Что я больна, и поэтому все не так понимаю.

Бельтран тут же повернулся ко мне. Раздражение на его лице сменилось тревогой, и он заговорил уже совсем иначе:

— Лотесса, ты действительно не понимаешь, что происходило. Я объясню, только не здесь.

— А почему не здесь и не сейчас? — спросила я. — Или ты просто не успел придумать удобную правду?

Последние слова дались труднее первых. Серебряная боль в пальцах почти ушла, но оставила после себя слабость, словно я долго держала на вытянутой руке что-то непосильно тяжёлое. Колени начали мелко дрожать. Я ухватила за резную спинку ближайшего кресла, надеясь, что широкая юбка скроет ноги.

Бельтран заметил движение сразу. Он оказался рядом прежде, чем я успела сесть, и протянул руку к моему локтю.

— Тебе нужно наверх, — произнёс он, уже не споря, а явно собираясь закончить разговор за меня.

Но его ладонь до меня не дошла.

Анхальт стоял ближе к креслу и просто придержал его за спинку, когда я опустилась на сиденье. Ничего больше он не сделал, однако взгляд Бельтрана остановился на его пальцах так, словно глава тайной канцелярии положил руку не на дерево, а мне на голое колено.

— Уберите от неё руки, — с рычанием в голосе потребовал муж.

Анхальт медленно поднял на него глаза и чуть сильнее прижал кресло к полу, когда я невольно откинулась на спинку.

Пальцы Бельтрана сжались. Ещё одно движение Анхальта — и они сцепятся прямо над моим креслом.

Глава 47

— Я держу кресло, герцог. Ваша жена едва стоит, — ответил он спокойно.

— Я вижу, что вы делаете, — отрезал Бельтран и приблизился ещё на шаг.

— Тогда ваша просьба становится ещё более странной, — заметил Анхальт, но руку всё-таки не убрал.

Я положила ладони на колени, прижав дрожащие пальцы к ткани. Их спор начинал напоминать происходившее вокруг родословной: оба были настолько заняты друг другом, что предмет обсуждения снова мог бы спокойно исчезнуть из комнаты.

— Сейчас я хочу выслушать господина Хейса. Итак, вы хотели меня купить, господин Хейс, — напомнила я, заставив Анхальта посмотреть на меня. — Зачем?

На этот раз он не обратился к Бельтрану, словно именно муж должен был решать, какое объяснение мне позволено услышать. Его внимание осталось на мне.

— Потому что сегодня вы сделали то, чего не умеет ни один человек в моём ведомстве.

— Случайно, — напомнила я, разжимая пальцы и рассматривая оставшиеся на ладони красные полумесяцы от ногтей. — И только один раз. Вы сами не знаете, смогу ли я это повторить.

— Не знаю, — согласился Анхальт без попытки приукрасить ответ. — Именно поэтому я и хочу выяснить, как это произошло.

Мне снова вспомнилось его «любая сумма». Даже для человека, распорядившегося государственными деньгами и людьми с такой же лёгкостью, с какой Бельтран распорядился собственным домом, эти слова звучали слишком щедро.

— Тогда почему любая?

Анхальт слегка склонил голову. В его взгляде впервые появилось что-то помимо холодного интереса — не теплота, а скорее удовлетворение от того, что я наконец добралась до вопроса, который занимал его самого.

— Вот теперь мы говорим о полезных вещах. Подделки такого уровня стоят дорого, герцогиня. Их обнаружение обходится ещё дороже. У меня есть люди, которые годами учатся замечать вмешательство в документы, но им нужны оборудование, сравнение плетений, время и несколько проверок. Флинг рассматривал эту печать под лампой, прежде чем понял, чем она отличается от королевской. Вы за несколько секунд уничтожили то, что скрывало подделку.

— И едва не потеряла сознание, — напомнила я. Слабость после приступа была достаточно убедительной ценой, чтобы не дать его словам превратить случившееся в приятный талант.

— Поэтому я не собираюсь просить вас повторить это сейчас, — ответил Анхальт, и его взгляд на мгновение опустился к моим рукам. — Более того, до заключения доктора Хескета я вообще не позволю вам экспериментировать с этой способностью. А теперь представьте, как этот ваш возможный дар может оказаться полезен королевству?

Бельтран коротко усмехнулся, но в звуке не было ничего весёлого.

— Как предусмотрительно. Правда, вы всё ещё говорите так, будто уже получили право что-то ей позволять! — бросил он.

Анхальт наконец оторвался от меня и посмотрел на мужа.

— Я предложил вам деньги и получил очень полезную реакцию, герцог. Я смотрю на вас и понимаю. Вы всегда были в погоне за какой-то особой магией. Даже знакомых выбирали из расчета на магический потенциал. И когда впервые в жизни вам досталось нечто ценное, вы посмотрели на это как обычный крестьянин на камень и бросили его на дорогу, не зная, что это — бриллиант.

Глава 48

Это заставило Бельтрана замолчать. Он прищурился, будто заново перебирал весь разговор и только теперь увидел в нём что-то, что прежде пропустил.

— Вы немного путаете, господин Хейс. Я не бросил бриллиант на дорогу. Я все еще держу его в руке.

— Разумеется, — подтвердил Анхальт. Его спокойствие рядом с побелевшим от злости Бельтраном выглядело почти издевательством. — Я хотел понять, станете ли вы обсуждать цену женщины, которую ещё недавно были готовы заменить, и позволит ли сама женщина продолжать этот разговор в её присутствии.

У меня пальцы снова впились в юбку.

— Значит, это была проверка? Очень благородно.

— Я не претендовал на благородство, герцогиня, — ответил он, и на этот раз в его голосе мелькнула сухая насмешка. — Для моей должности качество вообще довольно бесполезное. Иногда, я бы даже сказал, вредное.

Мне всё ещё было противно. Но теперь хотя бы по другой причине.

Анхальт не нравился мне больше Бельтрана. Муж только что пытался убедить меня, что возможная новая жена не была заменой, а глава тайной канцелярии намеренно назвал меня товаром, чтобы посмотреть, кто и как отреагирует. Разница заключалась лишь в том, что один из них отчаянно хотел выглядеть правым, а второй, похоже, вообще не нуждался в хорошем мнении о себе.

Анхальт немного наклонился к креслу. Он не приблизился настолько, чтобы коснуться меня, но Бельтран сразу проследил за движением и переместился следом.

— А теперь, если говорить не о вашем муже, а о вас, предложение будет другим, — продолжил Анхальт, понизив голос. — Я вижу, что вы не из тех женщин, которые ждут, когда вашу участь решат другие. Это очень приятное качество для женщины.

— Никаких предложений, — вмешался Бельтран и встал так, что мне пришлось чуть отклониться, чтобы видеть Анхальта из-за его плеча.

Глава тайной канцелярии даже не попытался обойти его. Он лишь посмотрел на меня поверх плеча мужа и произнёс:

— Если Хескет подтвердит, что проверки не опасны, а ваша способность окажется воспроизводимой, я предложу вам службу.

Слово показалось настолько неуместным, что сначала я решила, будто опять что-то поняла неправильно.

— Мне? — переспросила я.

— Именно вам. Боюсь, ваш муж не продемонстрировал сегодня ничего, за что моё ведомство согласилось бы ему платить. Хотя, я рассчитывал на его помощь. Поэтому привел несколько документов на проверку.

Несмотря на слабость, у меня едва не вырвался смешок. Бельтрану замечание понравилось гораздо меньше.

— Она герцогиня, Хейс, — напомнил он с таким выражением, словно Анхальт упустил основное препятствие исключительно по недосмотру. — Моей жене не требуется работать.

Глава 49

И в этот момент смысл предложения впервые изменился.

Бельтран был прав: мне никогда не требовалось работать. Я могла попросить новое платье, экипаж, украшение или любую вещь, которую считала необходимой, и до вчерашнего дня даже не воспринимала это как зависимость. Дом принадлежал мужу, земли принадлежали мужу, управляющий распоряжался его средствами. Даже простую ткань без чар, из которой сегодня пришлось срочно искать мне одежду, покупали не на мои деньги.

У меня не было моих денег. Насколько мне известно, мое приданое было символическим. Все решили моя красота и выгодные связи отца, который умер через три месяца после свадьбы.

От осознания стало неприятно пусто под рёбрами. Я могла сердиться на Бельтрана, могла не разговаривать с ним, могла даже потребовать развода. Но впервые я заставила себя подумывать не о самом слове, а о следующем утре после него. Где я буду жить? На что? Кто оплатит комнату, еду, врача и одежду, если теперь даже обычное платье для меня приходится искать отдельно?

Анхальт смотрел достаточно внимательно, чтобы заметить, как изменилось моё лицо.

— Жалованье будет перечисляться на ваше имя, герцогиня, — сообщил он, и сухая деловая формулировка неожиданно ударила сильнее предыдущего «купить».

Бельтран резко повернул к нему голову.

— Хватит. Вы уже достаточно воспользовались её состоянием! — раздраженно произнес муж. — Вы что? Не видите, что она плохо себя чувствует и не способна принимать решения!

Но я почти не слышала мужа. «На ваше имя» означало что-то совершенно новое, чего прежде в моей жизни просто не существовало.

— Эти деньги будут моими? — осторожно спросила я, не отводя взгляда от Анхальта.

Он понял вопрос без уточнений.

— Полностью. Ведомство платит человеку, который выполняет работу, а не его супругу. Распоряжаться жалованьем будете вы. И только вы.

Я медленно провела большим пальцем по складке юбки. Собственные деньги. Не содержание герцогини, не счёт, который управляющий потом передаст Бельтрану, и не сумма, которую муж разрешит потратить. Я даже не знала, сколько должна получать женщина за работу, которой, возможно, не существовало до сегодняшнего дня.

И тут же в голове появились мысли о том, что меня сегодня готовы были обменять на Дору. А что если бы это случилось? Я бы получила какое-нибудь скромное поместье и единовременную сумму. А деньги всегда имели свойство быстро заканчиваться. А может быть не получила бы ничего. Так или иначе иметь в этом мире что-то свое вдруг показалось очень заманчивой перспективой.

— Сколько? — едва слышно спросила я.

— Лотесса, — предупреждающе произнёс Бельтран, но я впервые не повернула голову на его голос.

Анхальт назвал сумму.

Наверное, моё лицо всё-таки выдало меня, потому что уголок его рта чуть дрогнул. Я пересчитала услышанное ещё раз и не нашла ошибки.

— Это за месяц? — уточнила я, уже понимая, почему Бельтран так хотел прекратить разговор.

— За месяц, — подтвердил Анхальт и добавил, прежде чем я успела решить, что именно должна делать за такие деньги: — На первом этапе вам будут платить за обследование способности и участие только в тех проверках, которые Хескет признает допустимыми. Если выяс-

нится, что сегодняшний результат можно воспроизвести без вреда для вас, условия придётся пересмотреть.

Я подняла глаза.

— В какую сторону?

Теперь Анхальт всё-таки улыбнулся, и эта короткая улыбка совсем не сделала его добрее.

— Вы начинаете мне нравиться, герцогиня. Разумеется, в большую.

Глава 50

— Не начинайте, — попросила я. После предложения купить меня мне совершенно не хотелось выяснять, какие ещё формы может принимать его интерес.

Улыбка исчезла, но в глазах осталась едва заметная насмешка.

— Постараюсь. Ничего не обещаю.

Бельтран шагнул между нами окончательно, отрезая Анхальта от кресла и вынуждая меня смотреть теперь в спину собственного мужа.

— Разговор окончен. Лотесса больна, Хескет запретил любые эксперименты с магией, а мы даже не знаем, что эта способность делает с её организмом. Вы предлагаете ей принимать решения в тот момент, когда она едва держится на ногах и злится на меня. Я не позволю вам этим воспользоваться.

Последняя фраза задела именно потому, что была справедливой. Я действительно злилась. Ещё сильнее мне хотелось ухватиться за первое предложение, которое давало хотя бы воображаемую возможность не зависеть от решения Бельтрана. И собственная готовность сразу поверить в этот выход пугала почти так же, как мысль о возвращении наверх.

Анхальт не стал спорить с мужем. Он посмотрел на меня из-за его плеча и неожиданно поддержал:

— В одном герцог совершенно прав: сегодня вам не следует ничего решать. И пока Хескет не скажет, что именно произошло во время приступа, никаких проверок не будет.

Мне пришлось немного податься в сторону, чтобы видеть его лицо.

— А если я решу развестись?

За спиной Бельтрана напряглись плечи. Вопрос вырвался раньше, чем я успела испугаться его, но теперь я уже не хотела брать слова назад. До разговора о жалованье развод был угрозой.. Собственный доход впервые превращал его в действие, после которого жизнь не обязательно заканчивалась у ворот этого дома с протянутой от нужды рукой.

Анхальт ответил после короткой паузы, в течение которой успел посмотреть на Бельтрана и снова на меня.

— Если вы сами решите расторгнуть брак, служба и собственное жалованье позволят вам не принимать следующее решение из-за того, кто согласится вас содержать.

— Хватит, — произнёс Бельтран настолько тихо, что я услышала угрозу раньше, чем увидела движение.

Он схватил Анхальта за запястье. Всё произошло быстро, но без суеты: пальцы мужа сомкнулись на руке, которая всё ещё лежала на спинке моего кресла, и в комнате окончательно стихли даже те разговоры, которыми гости до этого старательно прикрывали любопытство.

Анхальт опустил взгляд на захват. Он не попытался освободиться, и от этого спокойствия рука Бельтрана на его запястье выглядела ещё опаснее.

— Уберите руку от моей жены, — потребовал муж, приблизившись к нему почти вплотную.

Только теперь я поняла, что его ярость была направлена не на захват: ладонь Анхальта всё ещё касалась деревянной спинки в нескольких сантиметрах от моего плеча.

Анхальт тоже это понял. Его взгляд скользнул к креслу, потом вернулся к Бельтрану.

— Вот теперь ваша просьба хотя бы стала честной, — заметил он и медленно убрал ладонь со спинки. — Речь всё-таки была не о кресле. Я бы удивился, если бы вы так ревновали кресло.

Пальцы Бельтрана разжались не сразу, а глава тайной канцелярии рассмеялся.

— Сегодня вы не получите от неё никакого ответа, — произнёс он, отступив только после того, как между мной и Анхальтом снова появилось свободное пространство.

Анхальт поправил манжету на запястье, где остались красные следы пальцев, и посмотрел не на мужа, а на меня.

— Я и не собирался спрашивать сегодня. Завтра задам вопрос тому человеку, которого он касается.

От этого Бельтран побледнел сильнее, чем от предложения купить меня.

Глава 51

Анхальт откланялся и вышел. Следом за ним поспешил Флинг. Оставшиеся гости тоже решили, что задерживаться не стоит, и тут же засобились по домам, отказавшись от ужина. Бельтран, как и подобает хозяину дома, вышел их проводить.

Две служанки помогли мне подняться наверх в свою комнату.

Через двадцать минут я сидела перед незачарованным зеркалом в спальне и медленно проводила расчёской по распущенным волосам.

Служанка помогла мне переодеться в простое платье, принесла воду и несколько раз предлагала позвать доктора Хескета, пока я не убедила её, что мне действительно лучше.

Слабость после приступа всё ещё ощущалась в кистях, поэтому тяжёлая расчёска время от времени цеплялась за пряди, но мне хотелось закончить самой хотя бы это.

Когда дверь открылась, я увидела Бельтрана в зеркале раньше, чем услышала его шаги. Он остановился позади меня, и его взгляд медленно прошёл по простому платью, распущенным волосам и лицу, на котором теперь не было ни одного привычного «улучшения».

Утром он отвёл глаза.

Сейчас продолжал внимательно смотреть.

От этого стало только тяжелее.

— Никаких смотрин не было, — произнёс Бельтран вместо приветствия. Он остался возле двери, словно понимал, что приближаться ко мне после сцены внизу сейчас опаснее, чем спорить с Анхальтом.

Я положила расчёску на туалетный столик, чтобы больше не бороться с застрявшей прядью.

— Дора сидела на моём месте. Я видела рассадку гостей за столом. По правилам этикета, если хозяйка болеет, то её место может занять её родственница. Дора мне никто, — усмехнулась я, ведя рукой по волосам и цепляясь пальцами за спутанный локон.

— Мне были нужны документы её семьи, — ответил муж и всё-таки вошёл глубже в комнату. — Я хотел проверить сведения до того, как вообще решать, существует ли такая возможность.

— Возможность жениться на ней, — уточнила я, наблюдая за ним через зеркало. — Именно это обычно проверяют на смотре, Бельтран.

Его челюсть напряглась.

— Смотрины означали бы, что я уже принял решение искать другую жену. Я его не принимал, — произнес муж.

— Тогда какое решение ты собирался принять после проверки её родословной?

Он замолчал, и эта пауза оказалась неприятнее очередного объяснения. Бельтран отвёл взгляд к столу, где лежала моя расчёска, и произнёс после нескольких секунд:

— Хескет сказал, что не может предсказать, сможешь ли ты родить здорового дракона. Я должен был понимать, какие варианты вообще существуют.

Пальцы на коленях сами сжали ткань платья. Со вчерашнего разговора с врачом не прошло и суток, а Бельтран уже успел получить родословную другой женщины, посадить её за мой стол и проверить, годится ли её кровь для его наследников.

— А я что должна была делать, пока ты выяснял свои варианты? — спросила я. — Лежать наверху и радоваться, что ты велел проверить мой ужин?

Он вздрогнул от напоминания о заботе, которой ещё утром почти сумел вернуть мою надежду.

— Я не собирался разводиться с тобой сегодня, Лотесса.

У меня вырвался тихий смешок, хотя смешного в его ответе не было.

— Какое облегчение. Значит, сегодня я всё ещё подходила на роль жены.

— Не передёргивай, — попросил он, но раздражение прозвучало устало и тут же исчезло. Бельтран сделал несколько шагов ко мне и остановился, не дойдя до кресла. — Я не отдам тебя Хейсу.

Знакомая часть меня всё-таки откликнулась. Ещё вчера этих слов хватило бы, чтобы я простила слишком многое.

Мне хотелось услышать от него, что он не хочет другой жены, что испугался моего приступа, что Дора появилась здесь из-за ошибки, а не потому, что я за одну ночь перестала соответствовать его представлению о будущем.

Но Бельтран снова говорил о том, кому я достанусь.

Глава 52

— Ты опять отвечаешь не на тот вопрос, — сказала я, глядя на его отражение. — Анхальт хочет использовать мою способность. Я это понимаю. Но ты ведь тоже хотел использовать то, что от меня требовалось тебе.

Муж нахмурился.

— Ты моя жена.

— Это не ответ, — покачала я головой.

— Для меня — ответ, — произнёс он упрямо и подошёл ещё ближе. Теперь в зеркале его фигура почти полностью заполняла пространство за моим плечом. — И именно поэтому никакого развода не будет. После сегодняшнего тем более.

Мне потребовалось несколько секунд, чтобы понять, почему последние слова испугали сильнее всего остального. Совсем недавно я боялась, что он разведётся со мной. Теперь Бельтран впервые сказал, что не разведётся, и я услышала в этом не обещание сохранить наш брак, а закрывающуюся дверь.

— После сегодняшнего? — переспросила я, повернувшись к нему уже не через зеркало. — Потому что оказалось, что я могу быть полезна?

На его лице мелькнула злость, но направлена она была скорее на сам вопрос.

— Потому что Хейс решил, что может прийти в мой дом, назвать цену моей жене и увести её, как вещь, которую я плохо оценил.

— А Дору ты оценивал лучше?

Бельтран резко выдохнул и провёл ладонью по волосам.

— Я проверил её документы. И, как выяснилось, правильно сделал: родословная оказалась поддельной.

Я смотрела ему в лицо, чувствуя, как внутри возвращается тот же вопрос, который мучил меня с момента разговора за дверью.

— А если бы она оказалась настоящей?

На этот раз Бельтран не попытался убедить меня, что я всё поняла неправильно. Не напомнил о долге перед родом, не заговорил о наследниках и не сказал, что никогда не выбрал бы другую женщину.

Он просто смотрел.

Ответа не было достаточно долго, чтобы мне больше не требовались слова.

Я повернулась к зеркалу и снова взяла расчёску. Руки уже почти не дрожали, но расчёсывать волосы расхотелось.

— Я устала, Бельтран.

Он понял просьбу, однако к двери не пошёл. Несколько секунд я видела его отражение за своей спиной и чувствовала знакомый запах его одежды, который столько лет означал для меня дом гораздо надёжнее стен этой спальни.

Сегодня тот же запах не успокаивал. Мне слишком хорошо помнилось, как утром он стоял почти на том же месте и не мог долго смотреть на моё лицо без привычной магии.

Бельтран первым нарушил молчание:

— Если тебе нужны собственные деньги, скажи мне.

Глава 53

Я медленно опустила расчёску.

— Что?

Он приблизился к туалетному столику, но остановился сбоку, не касаясь ни меня, ни кресла.

— Я не знал, что для тебя это важно. Назови сумму, которая должна находиться только в твоём распоряжении. Я велю переводить её на отдельный счёт, если именно этого ты хочешь.

Ещё несколько часов назад предложение показалось бы щедрым. Сейчас я уже знала, почему оно ничего не решает.

— Мне не нужна сумма от тебя.

Бельтран нахмурился, и на его лице появилось искреннее непонимание.

— Почему? Если вопрос в том, чтобы не обращаться к управляющему, это можно решить сегодня же.

Он всё ещё пытался решить проблему так, как привык решать всё в своём доме: найти неудобство, распорядиться, заплатить, убрать его с дороги. Я провела пальцами по деревянной ручке расчёски, подбирая слова.

— Потому что тогда это всё равно будут твои деньги, Бельтран. Ты можешь дать их мне, увеличить сумму или завтра решить иначе. Мне всё равно придётся оставаться человеком, которому ты их даёшь.

Он покачал головой, словно я намеренно усложняла очевидное.

— Ты моя жена. Всё, что у меня есть, принадлежит и тебе.

Я посмотрела на него и наконец поняла, как проверить эту красивую фразу.

— Тогда я могу взять половину и уйти?

Бельтран замер. Не надолго — всего на несколько ударов сердца, — но я слишком внимательно смотрела на него, чтобы пропустить паузу.

— Ты никуда не уйдёшь, — произнёс он наконец.

Вот теперь всё встало на место.

Я опустила взгляд к расчёске.

— Поэтому деньги Анхальта и отличаются от твоих. Твои деньги — это обязанность. Ты даешь мне деньги, и это дает тебе право распоряжаться моей жизнью. А он предложил мне другие деньги. Мои. Личные.

Бельтран шагнул ближе, и в зеркале его рука оказалась возле моего плеча. Он не прикоснулся. Несколько секунд пальцы оставались на краю столика, будто удерживать себя ему приходилось сознательно.

— Ты всерьёз думаешь пойти к нему на службу только потому, что злишься на меня?

Я могла бы сказать «нет» и закончить разговор. Ещё вчера именно так и поступила бы, лишь бы он не решил, что я выбираю другого мужчину. Но дело уже было не в Анхальте.

— Я думаю о том, что впервые в жизни могу получить деньги, которые никто не выдаёт мне потому, что я чья-то жена.

Бельтран отвёл глаза. Я не знала, что именно он услышал в этой фразе, но рука с края столика исчезла.

— Хейс не делает подарков, Лотесса. Если он готов столько платить, значит, рассчитывает получить больше.

— Я знаю, — вздохнула я, вспоминая тот мир, в котором мне приходилось долго и неистово работать, чтобы не умереть с голоду.

— И всё равно рассматриваешь его предложение? — впервые в его голосе скользнула ревность.

— Именно поэтому и рассматриваю как работу, а не как спасение, — ответила я.

Муж снова посмотрел на меня. В его лице было столько невысказанного, что раньше я обязательно помогла бы ему: придумала объяснение, нашла оправдание, сделала первый шаг, лишь бы вернуть привычную близость.

Сегодня сил на это не осталось.

Бельтран постоял рядом ещё немного и всё-таки направился к двери. Уже взявшись за ручку, он обернулся и сказал с той спокойной уверенностью, которой обычно заканчивал разговоры со слугами и управляющим:

— Ничего не подписывай, пока мы не разберёмся, чего Хейс от тебя хочет.

Я посмотрела на него через комнату.

— Мы?

Вопрос остановил его на пороге.

— Ты моя жена, — повторил Бельтран, словно это по-прежнему отвечало на всё.

Глава 54

Он вышел, оставив дверь закрываться медленно и почти бесшумно.

Я ещё долго сидела перед зеркалом, но больше не расчёсывала волосы. Сумма, названная Анхальтом, не выходила из головы, хотя я старательно не думала о самом Анхальте, о его предложении купить меня или о том, что вчера именно он первым заметил, как мне плохо.

Меня занимали деньги.

Всю жизнь они означали вещи, которые можно было получить: новое платье, украшение, поездку, более дорогую ткань. Я никогда не считала их дверью, потому что не собиралась уходить.

Теперь впервые подумала о них именно так.

Собственное жалование не заставляло меня разводиться с Бельтраном и не обязывало уходить из этого дома. Оно просто означало, что если однажды я всё-таки решусь, между решением и дверью не будет стоять вопрос, кто заплатит за мою следующую ночь и тарелку еды.

Этой мысли оказалось достаточно, чтобы я долго не могла уснуть.

Утром меня разбудил осторожный стук. После вчерашнего приступа голова оставалась тяжёлой, и я не сразу поняла, почему служанка, вошедшая в спальню, держит перед собой тёмную папку так бережно, словно та могла взорваться.

— Ваша светлость, господин Хейс приехал, — сообщила она, остановившись возле кровати. По её лицу было видно, что приезд главы тайной канцелярии с утра пораньше уже успел взволновать половину дома. — Он передал это лично для вас.

Я села, поправила сбившуюся сорочку и только тогда протянула руку. Папка оказалась тяжёлой, внутри лежало несколько листов плотной бумаги. На первой странице крупно стояло: **«Проект договора о службе»**, а ниже было указано моё имя.

Я провела пальцем по буквам.

Вчера за этим же столом двое мужчин спорили, кому принадлежит право решать моё будущее. Сегодня документ впервые обращался не к герцогу Мантейфелю, а ко мне.

Служанка всё ещё не уходила. Она переступила с ноги на ногу и добавила, явно не понимая, почему передача нескольких слов заставляет её нервничать сильнее самого визита:

— Господин Хейс велел сказать, что будет ждать внизу. И просил передать дословно: сегодня он не станет спрашивать разрешения вашего мужа.

Я подняла голову.

Служанка сглотнула и закончила:

— Он хочет услышать от вас только одно слово: «да» или «нет».

Глава 55

Папку с проектом договора я так и не открыла.

Сначала пришлось одеться, и даже это теперь занимало больше времени, чем раньше. Служанка принесла два платья, которые успели проверить после распоряжения доктора Хескетта, и я выбрала самое простое, серо-голубое, без вышивки и украшений.

Ещё несколько дней назад я бы отказалась спускаться к гостю в таком виде. Сегодня меня гораздо сильнее беспокоило другое: внизу сидел мужчина, который вчера предложил купить меня у собственного мужа, а сегодня требовал от меня лично ответить ему «да» или «нет».

От мысли о предстоящем разговоре неприятно тянуло под рёбрами. Я всё ещё не знала, соглашусь ли. Жалованье означало возможность однажды уйти, но для этого сначала требовалось позволить Анхальту выяснить, на что способна моя странная болезнь.

Доктор Хескетт вчера запретил любые эксперименты, и воспоминание о серебряных нитях, уходящих под кожу, делало предложение главы тайной канцелярии гораздо менее привлекательным, чем сумма в договоре.

Я взяла папку и вышла в коридор.

Голос Бельтрана слышала, не дойдя до лестницы.

Он говорил негромко, однако в утренней тишине дома слова поднимались из холла почти до второго этажа. Слуги, попадавшие мне навстречу, двигались непривычно быстро и старательно смотрели куда угодно, только не вниз. Видимо, разговор хозяина дома с главой тайной канцелярии уже успел стать главным событием утра.

— Вы можете привозить сюда хоть десять договоров, Хейс, — отчётливо произнёс Бельтран. — Это ничего не изменит. Вчера Хескетт запретил любые эксперименты с магией. Я не позволю вам использовать мою жену в качестве инструмента для проверки документов.

Я остановилась у верхней ступени.

Первым желанием было вернуться в спальню и предоставить мужчинам решать мою судьбу. Вторым — спуститься немедленно, хотя бы потому, что речь снова шла обо мне, и моё присутствие, судя по всему, никому не требовалось.

Второе желание победило. Я больше не хотела отдавать свою судьбу в распоряжение другим. Хватит! Надоело!

Я начала спускаться медленно, придерживая одной рукой папку, а другой перила. После вчерашнего приступа слабость ещё оставалась, и ноги неприятно дрожали, если я двигалась слишком быстро.

Чем ниже я спускалась, тем лучше видела мужчин.

Бельтран стоял посреди холла, спиной к лестнице. Анхальт устроился возле небольшого столика так спокойно, словно находился не в чужом доме после предложения купить хозяйку, а в собственном кабинете. Перед ним лежала ещё одна тёмная папка, значительно тоньше той, которую я держала в руках.

Рядом они особенно плохо сочетались. Тёмноволосый Бельтран, высокий и широкоплечий, стоял напряжённо, и знакомые мне линии его тела выдавали раздражение раньше лица. Анхальт был светлее почти во всём — длинные волосы, кожа, холодный блеск отделки мундира, — но мягче от этого не казался. Один занимал холл так, будто защищал своё. Второй сидел в нём так, будто чужое пространство вообще не являлось препятствием.

— Доктор запретил эксперименты до следующего осмотра, — напомнил Анхальт, разглаживая большим пальцем край лежавшего перед ним документа. — Поэтому сегодня я не собираюсь проводить ни одного. Мне требуется согласие вашей супруги на службу. Удивительным образом эти две вещи можно не путать.

Бельтран опёрся ладонью о стол, и по тому, как напряглись его пальцы, я поняла, что спокойствие собеседника раздражало его гораздо сильнее открытого спора.

— Моего согласия вы не получили, — проговорил муж.

Анхальт наконец поднял на него глаза.

— Я это заметил. Вы знаете, я очень наблюдательный, — усмехнулся он.

— Тогда на этом разговор закончен. Лотесса моя жена. Я отвечаю за её безопасность и имею полное право запретить всё, что способно причинить ей вред, — в голосе мужа слышалась твердость.

На слове «запретить» я невольно крепче сжала папку. Ещё позавчера мне, наверное, стало бы тепло от самой мысли, что Бельтран защищает меня от главы тайной канцелярии. После вчерашнего это звучало иначе. Муж не спрашивал, хочу ли я работать. Он снова решал, только теперь был уверен, что делает это ради моего блага.

Анхальт некоторое время рассматривал его с тем холодным терпением, которое я уже успела узнать. Потом открыл тонкую папку.

— Именно на этот случай я привёз ещё один документ, — сообщил он и положил на стол плотный лист.

Даже с лестницы я увидела печать.

Вчера я долго смотрела на её почти безупречную подделку. На маленькую ошибку, которую Флинг заметил только после внимательного изучения, на линии, слишком старательно повторявшие королевский знак. Теперь перед Бельтраном лежала настоящая королевская печать, и от этого совпадения мне стало не по себе.

Муж тоже её узнал.

Его ладонь медленно оторвалась от столешницы.

— Что это?

Глава 56

— Распоряжение Его Величества, — объяснил Анхальт и подвинул документ ближе к нему. — После моего вчерашнего доклада король счёл произошедшее достаточно интересным, чтобы не ждать окончания расследования.

Бельтран не притронулся к бумаге. Я видела только его спину, но по тому, как выпрямились плечи, поняла: содержание документа ему уже не нравилось.

— Вы успели доложить королю о моей жене за одну ночь? — спросил он с такой холодной вежливостью, что двое слуг возле дверей предпочли исчезнуть в соседнем коридоре.

Анхальт проводил их коротким взглядом и снова посмотрел на мужа.

— Вы меня обижаете. Ночь, ночь. Я был у него уже через полчаса после случившегося. Я доложил о подделке королевской печати, обнаруженной в вашем доме. Было бы странно умолчать о женщине, благодаря которой подделка обнаружилась. Его Величество лично заинтересован в способности вашей супруги и распорядился предоставить моему ведомству возможность её исследовать, если сама герцогиня согласится.

Последние слова заставили меня спуститься ещё на одну ступень.

Если сама герцогиня согласится.

Бельтран, похоже, услышал совсем другое. Он наконец взял документ, быстро прочитал несколько строк и резко положил обратно.

— Королевское распоряжение не отменяет брачного права!

— Не отменяет, — подтвердил Анхальт, не пытаясь забрать бумагу. — Я нигде не обнаружил требования развестись с вами до первого рабочего дня.

У Бельтрана дёрнулась щека.

Мне пришлось прикусить губу. Совсем не потому, что замечание было особенно смешным. Просто лицо мужа в эту секунду слишком ясно показывало, как сильно ему хотелось выставить главу тайной канцелярии из собственного дома и насколько мешала это сделать настоящая королевская печать.

— Не испытывайте моё терпение, Хейс, — предупредил он, придвинув документ обратно к Анхальту двумя пальцами. — Вы прекрасно понимаете, о чём я говорю. Она носит моё имя. Живёт в моём доме. Она моя жена, и до тех пор, пока это так, я имею право участвовать в любом решении, которое касается её здоровья, безопасности и положения.

Анхальт уже собирался ответить, но его взгляд вдруг переместился поверх плеча Бельтрана.

На меня.

Я стояла примерно на середине лестницы с договором, прижатым к животу, и поняла, что обнаружена.

Никакого удивления на лице Анхальта не появилось. Он лишь чуть откинулся назад, будто моё присутствие неожиданно сделало разговор интереснее.

— Доброе утро, герцогиня, — поприветствовал он меня, и в голосе впервые за всё утро появилась почти незаметная насмешка. — Вы очень вовремя. Ваш супруг как раз объясняет мне объём своих прав на вас.

Бельтран обернулся настолько резко, что полы домашнего сюртука ударили по ногам.

Его взгляд сначала остановился на моём лице, затем опустился к папке в моих руках.

— Ты уже встала? — спросил он, и раздражение на мгновение уступило тревоге. — Тебе не следовало спускаться одной. Ты должна была попросить, чтобы тебя поддерживали служанки.

— Я пришла ответить господину Хейсу, — напомнила я и продолжила спускаться, осторожно ставя ноги на ступени.

Бельтран сразу двинулся мне навстречу. Я ещё не дошла до конца лестницы, когда он оказался рядом и протянул руку, готовый поддержать. После вчерашнего мне следовало отстраниться, но последние ступени вдруг показались выше, чем обычно, а слабость никуда не делась. Я положила пальцы на его ладонь.

Это было почти больно именно потому, что прикосновение оставалось знакомым.

Бельтран сомкнул пальцы вокруг моей руки и помог сойти на пол, после чего не отпустил сразу. Его ладонь была тёплой, надёжной, и часть меня с привычной готовностью попыталась увидеть в этом того мужа, которого я ждала вчера на балу. Того, кто должен был заметить, поверить и увести меня наверх.

Только теперь он защищал меня от решения, которое я ещё даже не приняла.

— Ты могла дать ответ из спальни, — произнёс Бельтран уже тише, осматривая моё лицо.
— Для этого не обязательно спускаться.

— Зато обязательно присутствовать, когда вы решаете, кто имеет на меня больше прав,
— ответила я и осторожно высвободила пальцы.

Муж не стал удерживать, словно вчерашнее лишило его этого права.

Глава 57

Анхальт всё это время наблюдал за нами. Я почувствовала его внимание ещё до того, как повернулась. Оно было неприятно точным: взгляд задержался на руке, которую только что отпустил Бельтран, потом поднялся к моему лицу.

Когда Анхальт смотрел так, его внешность почему-то становилась особенно неудобной. Светлая прядь упала ему на плечо, тёмная бровь едва заметно поднялась, а красивое лицо осталось почти бесстрастным. Я уже начинала понимать, что именно эта неподвижность и заставляла следить за ним внимательнее: у Бельтрана раздражение можно было прочесть по челюсти и плечам, у Анхальта приходилось ловить изменения в полувзгляде.

— Боюсь, герцогиня, вопрос несколько сложнее, — заметил он. — Ваш супруг уверен, что преимущество даёт брак. У меня на руках распоряжение короля. Начинаю подозревать, что мне следовало подготовиться лучше.

Я нахмурилась.

— К чему?

Анхальт взял со стола королевский документ и задумчиво постучал его краем по ладони.

— К конкуренции, — рассмеялся он.

Его длинные светлые волосы красиво рассыпались по плечам. Я посмотрела на его лицо. Драконов красотой природа не обделила. И все без магических ухищрений!

Бельтран медленно повернул к нему голову.

Вот теперь мне захотелось отойти подальше от обоих.

— Хейс, — произнёс муж негромко. Одного имени хватило, чтобы служанка, появившаяся было в дальнем проходе, бесшумно исчезла обратно.

Анхальт заметил её бегство, но выражение его лица не изменилось.

— Не сердитесь, герцог. Я всего лишь пытаюсь понять правила, — объяснил он с совершенно серьёзным видом, от которого издевательство стало только очевиднее.

— Именно поэтому стараюсь быть предельно корректным, — заверил его Анхальт. Он выдержал взгляд мужа, а потом перевёл его на меня. — Хотя должен признать, герцогиня, едва ли я первый мужчина, которому приходилось добиваться вашего согласия.

Уголок его губ едва заметно дрогнул. Я почувствовала, как начинают гореть щёки, и по лицу Бельтрана поняла, что двусмысленность он тоже слышал.

— Хейс, — произнёс муж так тихо, что предупреждение прозвучало хуже окрика.

— А вот с такой поддержкой, полагаю, вас ещё не добивался никто, — продолжил Анхальт, словно не заметил угрозы, и поднял между двумя пальцами распоряжение с королевской печатью. — Его Величество лично заинтересован в том, чтобы я получил ваше согласие.

Бельтран шагнул к нему.

— Вы сейчас говорите о моей жене.

— И исключительно о службе вашей жены, — уточнил Анхальт с той безупречной серьёзностью, которая делала всё только хуже. — Всё остальное вы слышали сами.

Вот теперь уголок его рта всё-таки дрогнул.

Бельтран это увидел.

И мне внезапно стало совершенно ясно, что Анхальт произнёс последнюю фразу именно ради него.

Глава 58

Они успели поспорить о правах мужа, короля и главы тайной канцелярии. Но не спросили только человека, чьё согласие было написано в королевском распоряжении.

Я всё ещё держала принесённую мне папку, и её жёсткий край давил в живот. Несколько минут назад мне казалось, что достаточно спуститься и произнести одно слово — «да» или «нет». Теперь на столе лежал приказ короля, Бельтран стоял между мной и Анхальтом, а моё решение каким-то образом снова оказалось самой незначительной частью разговора.

— Подождите, — потребовала я, прежде чем муж успел ответить на очередную насмешку. Оба посмотрели на меня, и от этого одновременного внимания захотелось стиснуть папку сильнее, но я заставила пальцы разжаться. — Здесь действительно написано, что я должна согласиться?

Анхальт сразу перестал улыбаться. Он взял распоряжение со стола, развернул ко мне и указал пальцем на несколько строк внизу, не пытаясь придвинуть документ ближе.

— Его Величество поручает моему ведомству исследовать вашу способность и определить, можно ли использовать её на службе короны, — пояснил он уже без прежней двусмысленности. — При вашем согласии, герцогиня. Я обратил ваше внимание на эти слова ещё до того, как ваш супруг решил, что король покушается на его брачные права.

Бельтран дёрнул уголком рта, однако на этот раз промолчал.

Я подошла к столу и перечитала указанную строку сама. Слова никуда не исчезли: «при согласии герцогини». Королевская печать под ними выглядела слишком внушительно для документа, который будто бы оставлял мне возможность отказаться.

Я провела пальцем по краю бумаги, не касаясь самой печати.

— А если я не соглашусь? — спросила я, подняв глаза на Анхальта. — Что тогда?

Он не ответил сразу. Вчера эта пауза заставила бы меня заподозрить угрозу; сегодня я уже начинала понимать, что Анхальт просто не торопился говорить, пока не решил, сколько именно собирается сказать.

— Тогда я сообщу Его Величеству, что герцогиня Мантейфель отказалась от предложения тайной канцелярии, — произнёс он наконец, внимательно наблюдая за моим лицом. — Королю это, вероятно, не понравится. Он может пожелать узнать причину. Возможно, вам придётся её объяснить. Но тащить вас в канцелярию и заставлять участвовать в опытах никто не станет. Мне нужен результат, а не женщина, которую приходится привязывать к стулу.

Последние слова прозвучали настолько буднично, что я невольно представила этот стул и тут же отогнала картинку. С Анхальтом было трудно понять, где заканчивалось сухое объяснение и начинался его способ напомнить, что тайная канцелярия вообще-то вполне умеет привязывать людей к мебели.

Бельтран, похоже, услышал то же самое. Он переместился ближе ко мне, почти незаметно перекрыв собой часть стола, и холодно предупредил:

— Очень надеюсь, Хейс, что необходимость уточнять это вам больше не понадобится.

— Мне тоже, — отозвался Анхальт, и его взгляд скользнул по плечу мужа ко мне. — Поэтому решение всё ещё за герцогиней.

Вот теперь стало страшнее.

Глава 59

Пока мужчины спорили, я могла злиться на обоих.

На Бельтрана — за то, что снова распоряжался моей жизнью из лучших побуждений.

На Анхальта — за то, что появился в ней с деньгами, королевской печатью и предложением сунуться туда, где даже Хескет пока не понимал, что со мной происходит.

Но стоило им замолчать, и выбирать пришлось самой.

Я опустила глаза на папку в руках. Там лежал проект договора, а вместе с ним — первое предложение получать деньги, которые не приходили от мужа. Не отдельный счёт, открытый Бельтраном и наполненный его деньгами, а жалованье за то, что сделала я сама.

Вчера одной этой мысли хватило, чтобы впервые представить будущее, в котором мне не придётся спрашивать, сколько я могу потратить и что останется у меня, если наш брак всё-таки закончится.

Но деньги были только половиной ответа.

Вторая половина лежала передо мной под королевской печатью. Моя болезнь уже уничтожила чары на чужом документе и показала то, чего не заметили люди Анхальта. Я могла отказаться от его предложения, закрыться в спальне и надеяться, что больше ничего подобного не случится.

Только прежняя надежда на то, что достаточно избегать зачарованных платьев и украшений, уже однажды закончилась на полу балного зала. Я по-прежнему не знала, что именно со мной происходит. Теперь хотя бы появился человек, которому было выгодно это выяснить.

Я боялась соглашаться. Ещё сильнее мне не нравилось, что отказ оставлял всё как прежде.

— Я согласна рассмотреть службу, — произнесла я, положив свою папку рядом с королевским распоряжением. Слова дались тяжелее, чем я ожидала, поэтому я сразу уточнила, пока ни один из мужчин не успел превратить их в окончательную подпись: — Рассмотреть, господин Хейс. Сначала мы обсудим договор и условия. До этого я ни на какие опыты не соглашалась.

Анхальт не потянулся ни к папке, ни ко мне. Только перевёл взгляд на документ, который я сама положила перед ним, и спокойно кивнул.

— Именно такой ответ мне и требовался, герцогиня. Условия можно обсуждать.

Облегчение оказалось коротким. Бельтран положил ладонь на край стола возле королевского распоряжения и произнёс с той сдержанной твёрдостью, которую обычно оставлял для решений, уже принятых за всех присутствующих:

— Условия мы действительно обсудим. И начнём с того, что моя жена никуда с вами не поедет.

Глава 60

Анхальт медленно повернул к нему голову. После нескольких минут, потраченных на получение моего согласия, вмешательство мужа его не удивило, но в лице появилась знакомая холодная внимательность.

— Простите, герцог, — произнёс он, откинувшись от стола. — Мне показалось, что на этот вопрос только что ответила ваша жена.

— Она ответила, будет ли рассматривать ваше предложение. Я говорю о том, где вы собираетесь его осуществлять, — возразил Бельтран и передвинул королевское распоряжение обратно к Анхальту, словно вместе с листом возвращал ему и пределы чужой власти. — Его Величество может заинтересоваться способностью Лотессы, поручить вам её исследование и предложить ей службу. Но я не вижу здесь ни слова о том, что для этого моя жена должна отправляться в тайную канцелярию.

Анхальт опустил взгляд на документ и сухо заметил:

— Я пока не предлагал герцогине там поселиться у меня на работе.

— Вы прекрасно поняли, о чём я, — отрезал Бельтран, и его ладонь легла мне на спину чуть выше талии, будто спор о месте работы уже требовал физически обозначить, к какому дому я принадлежу. — Если вы рассчитывали увезти её в своё ведомство или поместье для ваших проверок, я вас разочарую. Пока она остается моей женой, все исследования будут проходить здесь, в моём доме и под моим присмотром.

Тепло его ладони проникало сквозь платье. Бельтран много раз так касался меня при посторонних — придерживал на лестнице, направлял к экипажу, незаметно подталкивал вперёд на приёмах, если я останавливалась поговорить. Раньше в этом жесте было привычное «мы». Сейчас рука на моей спине впервые ощущалась ещё и границей, которую муж проводил перед другим мужчиной.

Анхальт посмотрел именно туда.

Его внимание задержалось на пальцах Бельтрана ровно на мгновение, после чего он поднял глаза на меня, будто хозяин дома только что перечислил множество условий, но последнее всё равно требовало подтверждения другого человека.

— Вас устраивает работать здесь, герцогиня? — спросил он спокойно.

Ладонь на моей спине не двинулась. От вопроса Анхальта я вдруг слишком отчётливо почувствовала её вес и поняла, что Бельтран ждёт ответа не меньше него.

— Пока доктор не уверен, что со мной происходит, я тоже не хочу ездить в канцелярию, — ответила я, не отстраняясь от мужа только потому, что не собиралась превращать собственное решение в демонстрацию для Анхальта. — Поэтому да. Здесь меня устраивает.

Напряжение в пальцах Бельтрана ослабло. Анхальт заметил и это, но вместо нового замечания взял со стола королевское распоряжение и аккуратно вложил его в свою папку.

— Тогда с местом мы договорились, — подвёл он итог и, защёлкнув замок папки, добавил уже Бельтрану: — При условии, что помещение для работы выберу я.

Муж убрал руку с моей спины.

— Вы слишком быстро превращаете уступку в право распоряжаться моим домом, Хейс, — проговорил он, и прежнее удовлетворение исчезло из голоса.

— Я собираюсь распоряжаться только рабочим помещением, — возразил Анхальт. Он окинул взглядом холл, задержался на открытых дверях гостиной и на слуге, который старательно делал вид, что не слышит разговор. — Мне нужен тихий кабинет, который можно закрыть на время работы. Без постоянного движения слуг, без посетителей и без зачарованных предметов, пока их не проверит Хескет. И прежде чем туда попадут документы моего ведомства, мои люди проверят само помещение.

Бельтран проследил за его взглядом и спросил уже с явным недоверием:

— Что именно вы собираетесь искать в стенах?

— Прослушивающие чары, — пояснил Анхальт таким тоном, будто в чужом доме это было первым, что следовало проверить.

Плечи мужа стали жёстче.

— В моём доме?

— Особенно в вашем, — уточнил Анхальт, и сухая серьёзность на его лице не позволяла понять, насколько ему нравилось происходящее. — Вчера здесь обнаружилась подделка королевской печати. Простите, герцог, если после этого я не готов считать вашу гостиную самым безопасным местом королевства только потому, что она принадлежит вам.

Глава 61

Я отвернулась к столу, пряча улыбку. Судя по тому, как Бельтран втянул воздух, спорить с этой логикой ему хотелось гораздо сильнее, чем позволяли обстоятельства.

— Проверяйте кабинет, — разрешил он наконец, убирая со стола руку. — Но во время работы я буду присутствовать.

Анхальт застегнул папку и впервые за весь разговор посмотрел на мужа почти сочувственно.

— Если вам нечем заняться, я не стану запрещать вам сидеть в собственном доме. Но присутствовать будете не только вы. Мне понадобится Флинг, а в зависимости от документов — другие сотрудники и люди.

— Нет, — возразил Бельтран сразу, и на этот раз в голосе прозвучало не раздражение, а власть хозяина, привыкшего решать, кто переступает порог его дома. — Вы получили кабинет и возможность работать здесь. Это не означает, что тайная канцелярия будет водить ко мне кого пожелает.

Анхальт не повысил голоса. Он просто положил ладонь на закрытую папку, и жест неожиданно напомнил, что всё находящееся внутри неё принадлежит уже не Бельтрану.

— Вы вправе решать, кого принимать за ужином, герцог. Я решаю, кто необходим для работы моего ведомства. Флинг будет присутствовать хотя бы потому, что он уже занимается поддельной печатью. Если мне потребуются другой специалист, я приведу другого специалиста. Разумеется, заранее сообщу вам его имя, но просить разрешения на каждого сотрудника не собираюсь.

Бельтран шагнул ближе к столу, и между мужчинами снова осталось расстояние, которое в обычном разговоре показалось бы неприлично маленьким. Я невольно переместилась в сторону, чтобы видеть обоих.

Королевское распоряжение решило только один вопрос — заставило мужа признать, что запретить мне саму работу он не может. Всё остальное они теперь делили с таким усердием, будто вместе с моим согласием получили право разобрать будущую службу на куски и подписать каждый своим именем.

Я положила ладонь на папку с договором, которую они опять забыли рядом со мной.

— Может быть, пока вы не распределили между собой весь дом и тайную канцелярию, мы всё-таки оставим несколько условий для меня? — спросила я, и оба мужчины повернулись одновременно. — Я согласилась рассмотреть работу. Не передала одному из вас себя, а второму — право определять, кто будет стоять рядом.

Анхальт первым отступил от стола. Не извинился и не попытался убедить меня, что я неправильно поняла происходящее; просто освободил пространство, которого мне неожиданно стало не хватать между ними.

— Именно поэтому договор ещё не подписан, герцогиня, — произнёс он, скользнув взглядом по папке под моей ладонью. — Свои условия вы сможете назвать до подписи. А мои касаются только возможности выполнить работу, на которую вы сейчас согласились.

Бельтран посмотрел на меня дольше. Я ожидала нового напоминания о безопасности, брачных правах или вчерашнем приступе, однако он лишь медленно убрал руку от стола.

— Хорошо, — произнёс муж с явным усилием оставить последнее слово за мной. — Сначала выберем помещение. Потом обсудим договор.

Глава 62

Это уже напоминало соглашение, хотя ни один из нас, кажется, не получил именно того, чего хотел. Я согласилась работать, но ещё не знала, на каких условиях.

Бельтран оставил меня дома, но вынужден был впустить сюда людей Анхальта. Глава тайной канцелярии получил доступ к моей способности, зато вместе со мной приобрёл мужа, врача и целый дом ограничений.

Анхальта результат, похоже, устраивал. Он взял папку и направился следом за Бельтраном, который уже собирался показать ему подходящие комнаты, но возле меня остановился. Расстояние осталось вполне приличным, и всё же после его предыдущих шуток я слишком хорошо заметила, что он заговорил тише, предназначая следующие слова только нам троим:

— И ещё одно условие лучше обсудить до того, как мы выберем кабинет. — Анхальт дождался, пока Бельтран обернётся, и с той же деловой невозмутимостью продолжил: — Во время работы я не собираюсь каждый раз спрашивать вашего разрешения, прежде чем остаться с вашей женой наедине. В отличие от вас она подписывает договор о неразглашении. А вас в свои дела я посвящать не хочу.

Бельтран остановился посреди холла и очень медленно повернулся к нему всем корпусом.

— Наедине? — переспросил муж, а его глаза опасно сощурились.

— Иногда этого требует работа, — спокойно ответил Анхальт, словно не обращая внимания на явную угрозу в голосе Бельтрана.

Бельтран несколько секунд смотрел на него, и выражение его лица мне не понравилось.

— Я знаю вас, Хейс, — произнес муж, а уголок его губ дрогнул. — И именно поэтому не оставляю вас наедине с моей супругой ни на минуту.

Анхальт чуть приподнял бровь.

— Какая неожиданная откровенность. Был бы дамой, упал бы в обморок.

— И знаю о вас куда больше, чем моя жена, — все с той же усмешкой продолжал Бельтран. — Поэтому наедине вы с ней не останетесь.

На этот раз Анхальт не ответил сразу. Его взгляд скользнул ко мне, задержался на мгновение и вернулся к Бельтрану.

— Боюсь даже спросить, какую именно часть моей биографии вы считаете наиболее опасной для вашей жены, — поинтересовался Анхальт, а его губы дрогнули в улыбке.

— Не бойтесь. Я вам её напомню, если понадобится, — усмешка померкла, а я увидела в глазах мужа что-то, чего не видела раньше.

— Так, я не поняла, — прокашлялась я, видя, как мужчины смотрят друг на друга. — О чем вы сейчас?

— Ни о чем, — почти одновременно произнесли оба дракона.

— Не думаю, что вам, мадам, стоит об этом беспокоиться, — вежливо произнес Анхальт, а его глаза на мгновение перестали быть человеческими. Секунду назад я могла поклясться, что это были глаза дракона с узким и тонким зрачком. — Ну что ж, давайте выбирать кабинет. Свои требования я озвучил. Осталось посмотреть возможности гостеприимства.

Глава 63

Кабинет для моей государственной службы мужчины выбрали без меня.

Я обнаружила это, когда Бельтран после завтрака привёл нас в небольшую комнату рядом с библиотекой. Ещё вчера здесь стояли диван, ломберный столик и два шкафа, которыми никто не пользовался. За утро слуги успели вынести почти всё, оставить большой письменный стол и расставить вокруг него мебель, удивительно точно отражавшую положение каждого из нас.

У Бельтрана было привычное кресло из библиотеки. Анхальт, видимо не доверяя нашему дому после знакомства с моей болезнью, распорядился привезти своё — широкое, тёмное, с высокой спинкой и совершенно точно без чар.

Мне достался стул из столовой.

Я остановилась возле него, не снимая пальцев со спинки. Жёсткое дерево неприятно упиралось в ладонь. До сих пор мне казалось, что главное сегодня — не испугаться суммы в договоре, не позволить Бельтрану решить за меня и не согласиться на опыт, который снова закончится болью. Теперь к этому списку неожиданно добавился стул.

Анхальт уже собирался сесть, но проследил за моим взглядом. Еще несколько часов назад он смеялся над ревностью моего мужа, сегодня же выражение его лица оставалось совершенно деловым.

— Вас что-то не устраивает, герцогиня? — спросил он, задержав ладонь на подлокотнике.

— Меня не устраивает мое место.

Бельтран нахмурился и подошёл ближе, словно только теперь увидел разницу.

— Стул проверили. На нём нет чар, Лотесса.

— Я не сомневаюсь. — Я провела пальцем по жёсткому краю спинки и посмотрела на два кресла по другую сторону стола. — Но если мы собираемся работать несколько часов, почему оба мужчины сидят в креслах, а женщина, чья способность вам понадобилась, — на стуле?

Анхальт опустил взгляд на своё кресло. Несколько секунд он молчал, и я приготовилась услышать, что обсуждать мебель при королевском распоряжении несколько несвоевременно.

Вместо этого он снова посмотрел на меня.

Взгляд задержался чуть дольше, чем требовал вопрос. Ничего в нём не изменилось: ни выражение, ни холодное внимание, с которым он обычно изучал документы и людей. И всё же я вдруг слишком остро почувствовала пальцы на спинке стула и ворот платья возле шеи. Захотелось поправить его, хотя он лежал совершенно ровно.

Я первой отвела глаза и разозлилась на себя за это.

— Справедливое замечание, — произнёс Анхальт, наконец опускаясь в кресло. — Завтра привезут такое же.

— Сегодня она может взять моё, — сразу предложил Бельтран и потянул кресло из-за стола.

Вчера подобная забота обрадовала бы меня. Сегодня я слышала в ней то же, что слышала с самого утра: если мне что-нибудь понадобится, муж даст это сам.

Я удержала его за спинку прежде, чем он успел подвинуть кресло ко мне.

— Нет. Я хочу своё. Не хочу привыкать к благам, которые дает мне мой пока еще супруг. Ведь в любой момент найдется девушка с идеальной биографией. И мне придется отвыкать.

Анхальт прокашлялся, а мне показалось, что своим кашлем он скрыл смехок.

Пальцы Бельтрана остались на дереве с другой стороны от моей руки. Нас разделяло меньше ладони. Он посмотрел сначала на них, потом мне в лицо и отпустил кресло.

— Хорошо, — согласился он без спора, но отошёл не сразу.

От его близости всё ещё становилось спокойнее, и это раздражало почти так же сильно, как собственная слабость. Я слишком хорошо знала запах его одежды, движение руки, которой

он привык отодвигать для меня кресло за ужином, и то, как он всегда становился со стороны лестницы, если мы спускались вместе. Эти маленькие привычки пережили вчерашнее унижение и теперь мешали ненавидеть его с удобной, правильной последовательностью.

Я села на жёсткий стул и раскрыла проект договора.

Глава 64

Анхальт оказался подготовлен лучше, чем я ожидала. В документе уже были прописаны участие доктора Хескета, запрет на работу во время приступа и проверка всех предметов до того, как они окажутся рядом со мной. Самых опытов договор касался осторожно. Никто пока не знал, смогу ли я повторить то, что произошло с поддельной родословной, поэтому тайная канцелярия собиралась сначала наблюдать и только потом решать, как использовать мою способность.

Слово «использовать» мне не понравилось.

Я дошла до раздела об оплате и положила на строку палец.

— Жалованье перечисляется мне лично, — произнесла я, не спрашивая, а ставя первое настоящее условие. — Не мужу, не управляющему и не на семейный счёт. Деньги должны принадлежать только мне.

Бельтран стоял у окна, но после этих слов повернулся. Я заметила движение краем глаза и заставила себя не смотреть на него.

Анхальт, наоборот, смотрел прямо на меня. На этот раз в его внимании не было вчерашней насмешки.

— Вчера я именно это вам и предложил, — напомнил он, придвигая договор к себе.

— Вчера вы это сказали. Сегодня я хочу, чтобы вы за это расписались.

Его пальцы остановились на бумаге. Мне показалось, что сейчас он усмехнётся, но Анхальт только взял перо.

— Вы быстро учитесь, герцогиня, — заметил он, и по спокойствию голоса невозможно было понять, одобряет он это или уже представляет, сколько неприятностей принесёт ему моя новая привычка.

Перо заскользило по бумаге.

Я смотрела на появляющиеся строки и впервые почувствовала не облегчение, а странную тяжесть. Собственные деньги существовали теперь не в обещании Анхальта и не в предложении Бельтрана открыть мне счёт. Они появлялись на бумаге как моё право, которое невозможно будет отобрать только потому, что муж рассердился или передумал.

Бельтран подошёл к столу.

— Я предлагал тебе отдельный счёт, — напомнил он, остановившись возле моего плеча.

Его голос прозвучал совсем близко. Мне не пришлось поворачивать голову, чтобы представить выражение лица: я слишком много раз слышала эту сдержанность, когда Бельтран уже злился, но ещё считал злость недостойной разговора со мной.

— Это был бы твой счёт с моими деньгами, — ответила я и всё-таки посмотрела на него. — Я хочу свой счёт и свои деньги. А знаешь почему? Потому что по закону ты сможешь отнять его в любой момент. А на деньгах не написано, что они мои.

Что-то изменилось в его лице. Не злость — скорее неприятное понимание того, зачем именно они мне понадобились.

Анхальт не вмешался. Он промокнул чернила, вернул договор ко мне и терпеливо ждал, пока я прочитаю новую формулировку.

Глава 65

Мне понравилось, что он не попытался помочь.

Следующий пункт оказался важнее денег.

— Если мне станет плохо, я прекращаю работу, — произнесла я, перечитав раздел об обязательном наблюдении врача. — Даже если Хескет решит, что опасности нет.

Анхальт положил перо рядом с чернильницей.

— Если речь идёт о лёгком недомогании, которое не связано с магией, мне потребуется возможность отличить одно от другого. Иначе любой неприятный документ будет способен вызвать у вас внезапную головную боль. Или обморок. Не всегда документы тайной канцелярии бывают скучными.

Слова были разумными. Именно поэтому они мне не понравились.

— Я два года мучилась и пыталась объяснить странные симптомы. А последние два месяца объясняла окружающим, что мне плохо, — напомнила я, сильнее прижав палец к строке. — Они тоже хотели сначала убедиться, достаточно ли мне плохо.

Бельтран резко втянул воздух.

Я не собиралась смотреть на него, но всё равно посмотрела.

Он стоял так близко, что мог бы коснуться моего плеча, если бы протянул руку. Раньше Бельтран именно так и сделал бы: положил ладонь, погладил большим пальцем ткань, попытался успокоить. Теперь его рука осталась на краю стола.

— Этого больше не будет, — произнёс он, и впервые за весь разговор в его голосе не было ни власти мужа, ни раздражения хозяина дома. Только слишком поздно понятое. — Если Лотесса говорит, что ей больно, вы останавливаетесь. Никто не будет решать за неё, достаточно ли сильно она это чувствует.

От этих слов заболело сильнее, чем я ожидала.

Я снова увидела зал, серебряное платье и его лицо над собой. «Ты дышишь». Тогда Бельтран тоже был уверен, что знает о моём состоянии больше меня. Теперь он требовал от другого мужчины никогда не повторять его ошибку.

Анхальт перевёл взгляд с него на меня. Ни вопроса, ни любопытства на лице не появилось, хотя я была уверена: он понял, откуда взялось это условие.

— В таком случае формулировка будет простой, — решил он, снова взяв перо. — Любая проверка прекращается по первому требованию герцогини независимо от мнения присутствующих специалистов. Возобновляется только с её согласия.

Я прочитала написанное дважды.

— И перерывы определяю я. Мы пока не знаем, сколько времени я вообще выдержу рядом с магией.

— Это придётся ограничить ещё и заключением Хескета, — возразил Анхальт, зачеркнув несколько слов и вписывая новые. — Даже если вы решите, что способны продолжать, врач может решить иначе. В данном случае я предпочту потерять рабочий день, а не единственного человека, который умеет делать с чарами то, что сделали вы.

Последняя фраза заставила меня поднять глаза.

Он уже смотрел на меня.

Не как вчера, когда видел полезную способность и пытался определить её цену. Сейчас его внимание было неприятнее именно своей полнотой. Анхальт заметил, что я устала стоять ещё утром. Запомнил, что мне требуется безопасная мебель. Не спорил о деньгах. А теперь говорил о моей жизни так буднично, словно возможность потерять меня уже была внесена им в список недопустимых расходов.

Я поспешила найти этому более безопасное объяснение. Тайная канцелярия берегла редкий инструмент. Только и всего.

— Тогда это тоже запишите, — попросила я и опустила взгляд к договору.

— Уже, — отозвался Анхальт.

Перо действительно двигалось по бумаге.

Почему-то именно это смутило сильнее взгляда.

Глава 66

Основные условия заняли ещё несколько страниц. Когда мы добрались до места работы, Бельтран снова перестал быть мужчиной, который минуту назад признал собственную ошибку, и превратился в герцога, привыкшего устанавливать правила в своём доме.

Он подошёл к столу и развернул договор к себе.

— Она работает здесь, — заявил Бельтран, проведя пальцем по строке о месте службы. — Не в канцелярии, не в архивах и не во дворце. Если вам нужны её способности, привозите документы сюда.

Анхальт откинулся в кресле и несколько секунд изучал мужа. Теперь, когда я сидела между ними сбоку, особенно хорошо ощущалась разница.

Бельтран занимал пространство движением: подходил, заслонял часть стола, забирал бумагу, заставлял учитывать себя. Анхальту для того же не требовалось даже вставать. Он просто оставался в своём кресле, и почему-то от этого казалось, что именно ему принадлежит право закончить спор.

— Часть материалов тайной канцелярии запрещено выносить из ведомства, — напомнил он наконец.

— Значит, с ними будет работать кто-нибудь другой, — отрезал Бельтран. Его палец так и остался на договоре. — Лотесса никуда не ездит ради ваших проверок.

На этот раз я не возразила. После приступа путь до лестницы всё ещё иногда казался длиннее обычного, и мысль о поездках в канцелярию не вызывала желания доказывать независимость ценой собственного обморока.

Анхальт это заметил.

Его взгляд коснулся моего лица, задержался на пальцах, которыми я бессознательно растирала запястье, и вернулся к Бельтрану.

— На первое время принимается, — согласился он. — Но не как право супруга определять место её службы. Как медицинское ограничение.

Челюсть Бельтрана напряглась.

— Я её законный муж. Моё право беспокоиться о жене не нуждается в вашей формулировке.

На этот раз пауза Анхальта была слишком долгой, чтобы оказаться случайной.

Я уже знала это выражение. Оно появлялось у него перед тем, как он произносил что-нибудь формально безупречное и совершенно невыносимое для Бельтрана.

— Тогда, кажется, мы наконец распределили обязанности, — сообщил Анхальт и повернулся ко мне. В его лице ничего не изменилось, однако взгляд задержался на мне с тем же неприятным вниманием, которое я уже заметила раньше. — В часы службы герцогиня находится в распоряжении моего ведомства. После окончания работы вы снова можете пользоваться всеми преимуществами законного супруга. Если титул так важен, будем считать меня дневным мужем, а вас — ночным.

Несколько мгновений я не могла решить, что возмутило меня сильнее: сама формулировка или то, насколько спокойно он её произнёс.

Бельтран решил быстрее.

Он наклонился к столу, опираясь на него обеими руками, и расстояние между мужчинами сразу стало неприятно маленьким.

— У вас нет никаких супружеских прав на мою жену, Хейс, — проговорил он тихо.

Анхальт даже не изменил позы. Только поднял на него глаза.

— Поэтому мне и досталась дневная смена, — усмехнулся он.

Глава 67

Я почувствовала, как тепло поползло от воротника к щекам. Анхальт, конечно, говорил о службе. Именно так он объяснил бы каждое слово, если бы Бельтран потребовал объяснений. Но после утренней шутки о мужчинах, добивающихся моего согласия, поверить в случайность новой формулировки было невозможно.

Хуже оказалось другое: Анхальт посмотрел не на разозлённого мужа.

Сейчас глава тайной канцелярии смотрел на меня.

Взгляд скользнул по моему лицу и остановился, будто он заметил краску на щеках и теперь спокойно устанавливал, чем именно она вызвана. Мне захотелось отодвинуть стул, хотя между нами оставался целый стол.

Я не отодвинула.

— Прекратите, — потребовала я, положив ладонь на договор, и оба мужчины одновременно перевели внимание на мои пальцы. Это окончательно вывело меня из себя. — Я не вещь, которую можно передавать по часам. Ни один из вас не получает меня вместе с договором.

Улыбка так и не появилась на лице Анхальта, но в глазах мелькнуло что-то слишком похожее на удовольствие.

Не от шутки, а от моего сопротивления.

— Справедливо, — произнёс он, потянувшись за пером.

Я не позволила ему забрать бумагу и удержала ладонью.

— Нет. Не «справедливо». Запишите.

Теперь он посмотрел на мою руку.

Его пальцы остановились в нескольких сантиметрах от моих. Он мог просто потянуть договор на себя — сил спорить из-за листа у меня было гораздо меньше, чем у него. Вместо этого Анхальт убрал руку и подождал, пока я сама придвину бумагу.

Я успела рассмотреть его руку слишком подробно: широкая ладонь, сильные пальцы, светлая кожа у края тёмного рукава. Ничего особенного, если забыть, что ещё мгновение назад этой рукой он мог без труда забрать договор. Анхальт не забрал. И именно поэтому я ещё несколько секунд смотрела на пальцы, которые уже лежали далеко от моих.

Этот маленький жест почему-то оказался опаснее предыдущей шутки.

— Формулируйте, герцогиня, — предложил он, и в его голосе снова осталась только сухая деловитость.

Я заставила себя сосредоточиться на строках.

— Договор определяет только мои служебные обязанности. Рабочее время принадлежит не вам, а мне. Я продаю государству работу, а не себя. И после окончания работы мои часы... или лучше мои ночи тоже остаются моими.

Бельтран ничего не сказал, но его молчание ощутимо изменилось. Я знала, какая часть ему не понравилась. Не «дневной муж». Не Анхальт.

Ему не понравилось «мои ночи».

Ещё неделю назад я сама считала их принадлежащими нам обоим.

Анхальт взял перо только после того, как я убрала ладонь с бумаги. Он не стал превращать мои слова в шутку и довольно долго переписывал пункт, несколько раз возвращаясь к началу строки. Я наблюдала, как появляются буквы, и впервые за сегодняшний день почувствовала не страх перед тем, что подписываю, а странное облегчение.

Мои деньги. Моё право остановиться. Моё согласие на продолжение. Даже моё неудобное кресло, которое завтра заменят только потому, что я потребовала.

Всё это было до смешного мало для женщины, которая ещё недавно не задумывалась, кому принадлежат её деньги и время. Но, когда Анхальт закончил и повернул ко мне договор,

эти несколько страниц впервые описывали не то, что со мной можно делать, а то, что я решаю.

Я прочитала новый пункт.

Бельтран стоял рядом. Анхальт сидел напротив. Один всё ещё считал, что брак даёт ему право защитить меня даже от моего решения. Второй уступал каждому моему требованию слишком спокойно, словно границы интересовали его не меньше самой способности.

Я не доверяла ни одному, но всё-таки взяла перо.

Глава 68

Мой первый рабочий день начался странно.

За это время кабинет успел измениться. Хескет проверил комнату, письменные принадлежности и мебель, а возле стола появилось третье кресло — почти такое же, как у Анхальта.

Я провела ладонью по высокой спинке и только потом заметила, что даже высоту сиденья подобрали так, чтобы мне не приходилось тянуться к столу.

Вчера я потребовала своё кресло почти из упрямства, потому что слишком многое вокруг снова решали мужчины. Сегодня оно стояло на моём месте и радовало сильнее, чем следовало радоваться обычной мебели.

Мне хотелось хотя бы в первый рабочий день прийти раньше главы тайной канцелярии, но доктор Хескет задержал меня на осмотре. Он проверил пульс, осмотрел руки и совершенно не заинтересовался моими нервными взглядами на часы. Когда я наконец спустилась, лестница уже не заставляла останавливаться на середине, пальцы не дрожали на дверной ручке, зато Анхальт ждал меня ровно пятнадцать минут.

Я поняла это ещё в дверях.

На столе перед ним лежали раскрытая папка, три одинаковых листа и часы, вынутые из кармана и положенные рядом с чернильницей. Бельтран расположился у окна в своём библиотечном кресле с чашкой кофе. После моего появления оба мужчины посмотрели на меня, но только Анхальт перевёл взгляд на циферблат.

— Доброе утро, мадам. Ваш рабочий день начался пятнадцать минут назад, поэтому сегодня закончится на пятнадцать минут позже, — сообщил он с такой деловой невозмутимостью, словно это условие уже стояло в договоре мелким шрифтом.

Я села в новое кресло, которое ещё несколько секунд назад казалось маленьким доказательством моей победы, и положила ладони на подлокотники.

— Доктор Хескет задержал меня на осмотре. Насколько я помню, именно вы настояли, чтобы его заключение имело преимущество перед моим желанием работать.

Анхальт даже не попытался спорить. Он придвинул ко мне один из листов и спокойно предложил:

— В следующий раз предупредите меня. Я умею ждать, когда понимаю, чего именно жду. Сегодня же эти пятнадцать минут принадлежат тайной канцелярии.

Чашка Бельтрана опустилась на блюдце чуть резче, чем требовалось. Вчера муж спорил с Анхальтом о правах на мою работу, сегодня глава тайной канцелярии уже распоряжался четвертью часа моей жизни, и собственное кресло неожиданно перестало казаться такой большой победой.

Анхальт снял с документа тонкую защитную ткань.

Передо мной оказалась самая обычная бумага: ровные строки, подпись, печать. После родословной Доры эта безупречная обыкновенность заставляла волноваться.

— Здесь магически изменён один фрагмент.

Его рука медленно прошла по краю документа, разглаживая защитную ткань. Совершенно обычное движение, но я почему-то проследила за пальцами до самого края листа и только тогда заметила, что сильнее сжала подлокотник.

Анхальт тоже это заметил. Его взгляд на мгновение задержался на моей руке, после чего он убрал ладонь от документа и продолжил тем же будничным голосом:

— Документ изготовлен специально для проверки, никаких воздействующих на человека плетений в нём нет. Мне нужно понять, сможете ли вы снять подмену намеренно. Если вам вдруг станет плохо — не молчите. Говорите, как есть. Мне в отличие от вашего супруга не надо повторять по несколько раз.

Глава 69

Именно такого условия я добивалась день назад. Никто не должен был решать за меня, сколько боли достаточно и можно ли потерпеть ещё немного ради результата.

Но теперь бумага лежала на расстоянии вытянутой руки, а пальцы всё равно не спешили покидать подлокотники.

До сих пор серебряные нити появлялись вместе с болью, которую я не звала и не контролировала. Сейчас мне предлагали пригласить их самой и заодно поверить, что одного моего слова действительно хватит, чтобы всё прекратилось.

Я всё-таки положила ладонь рядом с листом и спросила:

— Что мне нужно делать?

Анхальт опёрся пальцами о край раскрытой папки. Его взгляд прошёл от моей руки к документу и задержался там, словно ответ мог находиться между ровными строками.

— Если бы я знал, вы были бы мне значительно менее интересны как объект исследования. С родословной госпожи Довнар что-то заставило способность сработать. Начнём с простого: попробуйте убрать чужую магию, — предложил он.

Я сосредоточилась на листе. Вспомнила серебро, которое выползло из пальцев, представила, как оно касается бумаги, как исчезает чужое плетение.

Потом перестала представлять и просто приказала ему исчезнуть.

Бумага не ответила ничем. Я попробовала снова, уже злясь на собственную беспомощность, и через несколько минут обнаружила, что ладонь вспотела, пальцы сильнее прижались к столешнице, а документ оставался таким же безупречно скучным.

Тиканье часов постепенно стало громче шороха пера Анхальта.

Бельтран поставил чашку и подался вперёд. В его голосе прозвучала та спокойная уверенность, с которой он привык говорить о магии, потому что обычно действительно знал о ней больше остальных:

— Хейс, достаточно. Она понятия не имеет, как этим управлять. Вы слишком большие надежды возлагаете на мою супругу. К тому же это мог быть случайный выброс магии... Такое тоже бывает...

Ещё совсем недавно такое вмешательство успокоило бы меня. Бельтран разбирался в магии лучше большинства придворных магов и сейчас действительно беспокоился. Только тот же человек когда-то с полной уверенностью объяснял мне, что платье не может причинять боль. Забота осталась прежней, но теперь рядом с ней всегда стояло воспоминание о том, чего стоила мне его уверенность.

Анхальт сделал короткую запись, положил перо поперёк страницы и только после этого обратился ко мне:

— А теперь вспомните несколько секунд перед тем, как изменилась родословная госпожи Довнар. Что вы чувствовали непосредственно перед этим?

Я опустила взгляд на собственную ладонь. Никакого серебра возле ногтей не было.

— Мне было плохо, — глухим голосом ответила я. И мои губы дрогнули.

— Вам бывало плохо и раньше, но документы при этом не менялись, — заметил Анхальт, не позволяя мне спрятаться за самым очевидным ответом. — Значит, одной боли недостаточно. Вы боялись?

Я кивнула и заставила себя вспомнить тот момент точнее.

— Ещё одного приступа, — ответила я, понимая, что это — неправда. Я боялась не приступа. Я боялась другого. Что моя самая страшная догадка вдруг окажется правдой. И меня просто выбросят на помойку, как испорченную вещь, а в моих комнатах будет хозяйничать Дора Довнар, новая герцогиня Мантейфель

Анхальт едва заметно качнул головой, будто мысленно вычеркнул ещё одну неподходящую причину.

Бельтран больше не пил кофе. Он сидел с чашкой в руке и следил за разговором, а мне всё сильнее хотелось, чтобы хотя бы его здесь не было.

— Страх тоже не был новым, — продолжил Анхальт. — Что отличалось в тот раз?

Я знала ответ. Именно поэтому не хотела произносить его вслух.

Бельтран находился всего в нескольких шагах за моей спиной. Мне не требовалось обращаться, чтобы снова увидеть Дору возле стола с безупречной родословной в руках и услышать спокойное объяснение мужа: он всего лишь проверял возможность другого брака. Я тогда ещё пыталась убедить себя, что слово «проверял» делает произошедшее менее страшным.

Пальцы сильнее прижались к столешнице.

— Я разозлилась.

Глава 70

Анхальт снова взял перо, но прежде чем коснуться им бумаги, уточнил:

— На госпожу Довнар?

Бельтран потянулся к блюдцу и остановил руку на полпути. Я увидела это краем глаза и неожиданно потеряла всякое желание смягчать ответ ради него.

— На мужа.

Перо царапнуло бумагу. Анхальт записал несколько слов, а потом посмотрел не на моё лицо, а на пальцы, всё ещё лежавшие рядом с пробным документом.

— Из-за того, что он проверял родословную другой женщины?

— Хейс, — предупредил Бельтран, и чашка в его руке перестала двигаться.

Анхальт не повернул головы. Предупреждение мужа словно вообще не относилось к нему.

— Я задаю вопрос герцогине. Она может не отвечать, если не хочет.

Формально он оставил мне выбор. От этого стало только неприятнее. Анхальт уже понял, где искать, и теперь не тащил меня туда силой, не требовал ответа и даже не приближался. Он просто сидел напротив и терпеливо ждал, позволю ли я ему нажать сильнее.

Я посмотрела на лист.

— Не из-за самой родословной. Из-за того, что она вообще понадобилась.

Анхальт задержал перо над бумагой. Его голос остался таким же спокойным, когда он спросил:

— Потому что ваш муж рассматривал госпожу Довнар как возможную жену, пока вы ещё оставались его женой?

Чашка Бельтрана ударилась о блюдец. Звук оказался неожиданно резким в тихом кабинете, и мои пальцы дрогнули на столе.

— Я проверял возможность, — произнёс муж, сдерживая раздражение так старательно, что оно проступило в каждом слове. — Мы уже говорили об этом.

— Да, говорили, — ответила я, не поворачиваясь к нему.

В тот раз разговор закончился не ответом. Я задала другой вопрос: что было бы, окажись родословная Доры настоящей? Бельтран промолчал. Тогда я сама заполнила его молчание всеми ответами, которых боялась, а теперь Анхальт сидел напротив и, судя по его внимательному взгляду, уже заметил, что именно изменилось.

Он выдержал паузу, продолжая следить за моей рукой.

— И если бы её родословная оказалась настоящей? — спросил Анхальт тише, чем прежде.

Бельтран поднялся так резко, что кресло сдвинулось по полу.

— Достаточно, Хейс.

Приказ предназначался Анхальту, но ударил по мне. Я уже задавала мужу этот вопрос и знала, что последовало после него. Ничего. Ни «я всё равно выбрал бы тебя», ни даже жестокого ответа, с которым можно было бы спорить.

Только молчание человека, который действительно проверял возможность втайне от жены, чтобы воспользоваться ею.

Анхальт не посмотрел на вставшего Бельтрана. Его внимание осталось на мне, и от этой сосредоточенности становилось неуютнее, чем от прямого давления.

— Герцогиня сама скажет, когда достаточно, — напомнил он спокойно. — Я пытаюсь понять, чего именно вы хотели в тот момент. Наказать мужа? Госпожу Довнар? Уничтожить документ?

Каждый предложенный им ответ был проще правды. Я могла бы согласиться с любым и закончить этот разговор, но пальцы уже впились в край стола, а лежавший передо мной лист начал раздражать своей гладкой, безукоризненной поверхностью.

— Нет.

Анхальт чуть подался вперёд. Между его рукой и моей всё ещё лежал документ, к которому я несколько минут безуспешно пыталась потянуться собственной волей.

— Тогда чего? — спросил он, глядя на мои пальцы.

Глава 71

Мне захотелось отдернуть ладонь от бумаги. Вместо этого я заставила себя оставить её на месте. И тут внутри прорезалась злость.

— Я хотела, чтобы он ошибся. Чтобы с этой родословной оказалось что-то не так, — произнесла я, вспоминая идеально красивую Дору и себя возле зеркала. — Нельзя просто взять несколько строк о происхождении, здоровье и магической совместимости и решить по ним, что одна жена подходит лучше другой.

Под кожей указательного пальца кольнуло. Я едва заметно дернула им, но Анхальт заметил движение раньше меня. Его взгляд скользнул к моей руке и снова поднялся к лицу.

— Вы хотели найти ошибку в родословной или в Доре? — спросил он, и голос вдруг стал мягче.

Я вспомнила, как отчаянно искала хоть один изъян в бумагах Доры, потому что рядом с ней сама казалась бледной, больной и неудобной. Женщиной, которую можно заменить более подходящей.

— Нет. Просто я увидела ошибку в себе, — выдавила я, сжимая подлокотники до боли. — Потому что всё вокруг ненастоящее. Все идеальны. Её мать выглядит так, словно ей вчера исполнилось двадцать пять. Сама Дора выглядит потрясающе. Они все в той гостинной выглядели потрясающе. И мой муж...

Я осеклась. Можно было остановиться, но злость уже поднялась слишком высоко. Я подавалась вперёд, сильнее стиснув пальцами дерево.

— Мой муж уже забыл, как выглядит настоящая женщина без магии! Он даже не знает, что скрывается под этой идеальной маской. Да она... она такая же, как все остальные. Куда ни посмотри — одинаковые губы, носы, волосы, подбородки. Даже скулы! Потому что сегодня красивыми считаются именно такие скулы, и половина женщин тут же делает себе такие же. И Бельтран смотрел на неё. На её лицо. И оно ему нравилось.

Последние слова заставили меня наконец повернуться к мужу.

— Что тебе там могло понравиться? Что? Возьми эти же чары, наложи их на старую горничную — и любуйся. Ты даже не узнаешь, кто перед тобой!

Бельтран открыл рот, но я уже не дала ему заговорить. Глаза защипало, и от этого я разозлилась ещё сильнее. Мне не хотелось плакать перед ним. Тем более перед Анхальтом. Но остановиться теперь означало проглотить всё то, что я не сказала мужу в тот день.

— А ты ведёшься. Тебе важно, чтобы рядом стояла ослепительная женщина. Чтобы герцогу Мантейфелю не было стыдно представить жену гостям. А что там под этим слоем магии — какая разница? Главное, чтобы все смотрели и видели идеальную герцогиню.

Я судорожно втянула воздух и почувствовала ещё один укол в пальцах.

— А я больше не могу пользоваться этой магией. Не могу сделать идеальной кожу. Лицо. Волосы. Не могу надеть половину платьев, которые тебе нравятся. Я больше не могу быть такой женщиной, которую тебе хочется поставить рядом с собой и показать всем остальным.

Голос всё-таки дрогнул, но последнее я заставила себя произнести отчётливо:

— Я больше не соответствую твоим высоким идеалам. За один вечер я превратилась в женщину, которой ты стыдишься! Не потому, что я совершила что-то ужасное. Потому что у меня в отличие от них есть поры на коже, морщинки, прыщик. То, что есть у каждого человека! Но у меня это видно, а у них нет! И поэтому тебе стыдно быть рядом со мной!

Глава 72

Голос подвёл меня окончательно. Я замолчала и опустила глаза, злясь уже на себя за то, что позволила этому разговору зайти так далеко. Мне не хотелось показывать ни слёзы, ни боль, но злость уже вытолкнула наружу всё, что я так долго прятала от Бельтрана, и теперь это услышал ещё и Анхальт.

Анхальт некоторое время молчал. Когда он заговорил, деловой тон исчез не полностью, но в нём появилось что-то лишнее для эксперимента.

— Вы зря решили, что проигрываете ей в этом сравнении. Вы правы: половина красоты в нашем мире держится на чарах. Сегодня в моде одни скулы — завтра будут другие. Можно изменить нос, губы, разрез глаз, убрать возраст. В итогеходишь в зал и через пять минут перестаёшь различать лица.

Я подняла на него взгляд, чувствуя, как мне становится стыдно за прорвавшиеся чувства.

— Вы сейчас о чём? — прошептала я, уже жалея, что вообще позволила ему услышать всё сказанное.

Уголок его рта едва заметно дрогнул, но взгляд остался на моём лице.

— О редкости. Когда слишком долго имеешь дело с подделками, настоящее становится бесценным, — ответил Анхальт так спокойно, словно по-прежнему рассуждал исключительно о документах.

Чашка Бельтрана с резким звоном ударилась о блюдо.

— Мне кажется, вы отошли от эксперимента, Хейс. Compliments моей супруге в ваш договор не входят, — холодно заметил муж, и по тому, как отчётливо он выделил последнее слово, я поняла: речь уже не о договоре.

Анхальт наконец отвёл от меня взгляд и посмотрел на Бельтрана.

— Это не комплимент, герцог. Просто вы, кажется, слишком привыкли к одинаковой красоте, — спокойно возразил Анхальт. — Я на неё уже насмотрелся.

На этом он вполне мог остановиться и вернуться к лежавшему между нами документу. Вместо этого Анхальт снова посмотрел на меня, задержавшись на моём лице чуть дольше, чем требовалось для наблюдения за ходом эксперимента.

— Особенно когда оно красиво без всякой помощи, — добавил он тише.

Я почувствовала, как жар от ещё не высохших слёз перебрался на щёки. Несколько минут назад я почти кричала перед этим мужчиной о том, что больше не соответствую представлениям собственного мужа о красоте, а теперь не понимала, куда деть глаза.

Бельтран больше не звенел чашкой. Он поставил её на стол и произнёс с той подчеркнутой сдержанностью, которая появлялась у него перед настоящей ссорой:

— Хейс.

Одного имени оказалось достаточно. Анхальт прекрасно понял предупреждение, но никакой неловкости на его лице не появилось.

— Профессиональная деформация, — пояснил он, вновь переводя внимание на лежавший передо мной документ. — Я слишком часто имею дело с подделками и слишком хорошо замечаю настоящее.

Анхальт опустил взгляд к моей руке, и эта перемена показалась почти оскорбительной. Несколько секунд назад он смотрел мне в лицо и говорил о настоящем так, что я не знала, куда девать глаза, а теперь его внимание снова принадлежало моим пальцам, лежавшему передо мной документу и едва заметному покалыванию под кожей.

Я ещё пыталась справиться со стыдом после собственных слёз, а он уже превращал всё, что я наговорила, в материал для работы.

— Значит, дело было не в госпоже Довнар. Она всего лишь оказалась рядом в подходящий момент, — задумчиво произнёс Анхальт, следя за моей рукой.

За спиной тихо скрипнула обивка кресла. Я обернулась и увидела, что Бельтран подался вперёд, положив ладонь на подлокотник.

В его лице почти ничего не изменилось, но пальцы медленно сжались на резном дереве. Я слишком хорошо знала это движение: так он удерживал себя от вмешательства, когда уже решил, что вмешаться необходимо.

— Хейс, — негромко предупредил муж, и одного имени ему хватило, чтобы дать понять, насколько не нравится направление разговора.

Анхальт поднял на него глаза, однако спорить не стал. Насмешка, которой он ещё недавно с удовольствием задевал Бельтрана, исчезла; сейчас глава тайной канцелярии действительно работал, и от этой сосредоточенности мне стало неуютнее.

— Именно этим я сейчас и занимаюсь, герцог. — Анхальт снова перевёл внимание на меня и, выдержав короткую паузу, добавил: — Госпожа Довнар была не первой вашей невестой, не так ли?

Глава 73

Под кожей указательного пальца кольнуло сильнее. Я машинально прижала его к бумаге и посмотрела на Анхальта, пытаясь понять, куда он ведёт меня теперь.

— В каком смысле не первой? — спросила я, уже жалея, что дала ему разрешение продолжать этот разговор.

Он не ответил сразу. Его взгляд опустился к моей руке, и я проследила за ним как раз вовремя, чтобы увидеть возле ногтя серебристую искру.

Она вспыхнула и погасла так быстро, что я могла бы принять её за ответ от окна, если бы лицо Анхальта в тот же миг не стало внимательнее.

Он нашёл то, что искал. Больше не перебирал страх, боль или случайный выброс, не задавал вопросы в надежде нащупать нужную эмоцию. Он уже понял, на что откликается моя странная магия, и теперь проверял, насколько глубоко сможет зайти, прежде чем я его остановлю.

— Вы сравнивали себя с такими женщинами задолго до появления Доры Довнар, — продолжил Анхальт, и его спокойствие теперь действовало на меня хуже прежних провокаций. — Они могли быть моложе, красивее, эффектнее, могли с легкостью, с которой не могли это делать вы, менять лица вслед за модой, и это вас раздражало или задевало, но ничего у вас не отнимало. С госпожой Довнар всё изменилось. Она могла получить ваше место.

Серебро мелькнуло снова. На этот раз тонкая полоска проступила под кожей указательного пальца и потянулась к ладони, оставляя за собой холодное покалывание.

Бельтран увидел её одновременно со мной. Он резко поднялся, кресло глухо сдвинулось по ковру, и через мгновение муж уже стоял за моим плечом.

— Достаточно, Хейс. Вы получили реакцию, — произнёс он с той сдержанной жёсткостью, которая всегда означала, что спорить с ним дальше он никому не советует.

Анхальт даже не повернул головы. Он смотрел на серебристую полоску под моей кожей, но продолжать без меня тоже не стал. Откинувшись чуть назад, он оставил между нами прежнее расстояние и спросил:

— Герцогиня, мне остановиться?

От вопроса стало не легче. Анхальт мог воспользоваться тем, что уже нашёл, продолжить давить на боль, пока серебро не сделает то, ради чего на стол положили испытательный документ, но вместо этого остановился именно там, где следующий шаг должен был сделать меня соучастницей собственного мучения.

Бельтран стоял так близко, что я слышала его дыхание над своим плечом, и от знакомого присутствия хотелось согласиться с ним, убрать руку, закончить опыт и больше никогда не обсуждать Дору при постороннем мужчине. Но тогда я опять ушла бы отсюда, не понимая, что со мной происходит.

— Продолжайте, — разрешила я Анхальту, заставив пальцы остаться на бумаге.

Глава 74

Бельтран ничего не сказал. Его молчание давило сзади сильнее возражения, а Анхальт положил ладонь на стол возле испытательного листа, не касаясь ни его, ни меня. От его пальцев до моих оставалось достаточно места, чтобы я не могла принять эту близость за случайное прикосновение.

— Вы сказали, что вашему мужу важно, какая женщина стоит рядом с ним, — напомнил Анхальт, наблюдая уже не за моим лицом, а за серебром под кожей. — Но госпожа Довнар сделала кое-что хуже, чем просто оказалась красивой. Она доказала, что ваше место рядом с ним может занять другая женщина.

Пальцы дёрнулись так сильно, что ноготь царапнул бумагу. Серебро вспыхнуло по всей ладони, тонкими нитями пробежало под кожей и собралось возле указательного пальца.

Я втянула воздух, испугавшись уже не боли, а того, насколько быстро моё тело отреагировало на несколько слов, и Анхальт тут же наклонился к столу. Вся лишняя мягкость исчезла из его голоса.

— Не сопротивляйтесь и не пытайтесь сейчас заставить серебро что-нибудь сделать, — быстро велел он, следя за моей рукой. — Вспомните, чего вы хотели в тот момент, когда держали родословную Довнар.

— Чтобы она оказалась подделкой, — ответила я и почувствовала, как серебряная полоска возле пальца дрогнула, но дальше не пошла.

Анхальт едва заметно покачал головой.

— Подделка дала бы вам доказательство, но вы не могли заранее знать, что найдёте именно её. Что вы хотели узнать?

Мне снова представился тот лист: имя Доры, безупречные ветви рода, печать, цифры, подтверждавшие здоровье и магическую совместимость.

Бельтран запросил всё это, потому что хотел проверить, существует ли для него другая возможность, а я смотрела на чужую родословную и отчаянно искала хоть что-нибудь, способное отменить саму необходимость этого выбора.

Тогда мне было уже мало его объяснений. Я хотела знать, что скрывается под красивыми словами, печатями и чарами, потому что один раз уже поверила человеку, который уверял меня, что знает лучше, может ли мне быть больно.

— Правду, — задыхающимся шепотом произнесла я, не отрывая взгляда от документа. — Я хотела знать правду.

Серебряная нить выскользнула из пальца и легла на бумагу.

— Нет... Не это... Вам не нужна была правда. Вам нужно было другое, — слышался голос Анхальта.

Я отшатнулась бы, если бы Анхальт не поднял ладонь между мной и документом, не касаясь меня, но преграждая самое естественное движение назад.

— Смотрите на бумагу, Лотесса, — приказал он негромко, и моё имя в его голосе заставило меня всё-таки поднять глаза. — Вам не нужно было увидеть правду. Вы хотели чего-то другого. Будьте искренни с самой собой. Чего вы хотели?

До этого он называл меня герцогиней или госпожой Мантейфель даже тогда, когда намеренно выводил Бельтрана из себя. Сейчас имя прозвучало так просто, словно Анхальт забыл о формальностях, потому что всё его внимание было занято серебряной нитью.

Он уже снова смотрел на неё, и я могла бы решить, что ничего особенного не произошло, если бы пальцы Бельтрана не легли на спинку моего кресла возле плеча.

Он не прикоснулся ко мне, хотя раньше в такой близости рука мужа почти неизбежно оказалась бы на моём плече или затылке. Теперь между его ладонью и мной оставалось

несколько сантиметров дерева и воздуха, но я всё равно слишком ясно ощущала, где именно он стоит.

— Вы забываетесь, Хейс, — произнёс Бельтран почти без интонации, и от этой тихой сдержанности моё внимание на мгновение перескочило с серебра на него.

— Чего в тот момент вы хотели больше всего на свете? — слышался голос Анхальта. Чего я хотела? В тот момент чего я хотела?

— Я хотела, чтобы он увидел правду, — прошептала я, испугавшись самой мысли. — Чтобы он понял, что под маской такая же женщина как и я... Чтобы... лишить ее красивого обмана магии...

Я чувствовала, как начинаю задыхаться. Эта мысль была чудовищной.

— Чтобы он посмотрел на нее без магии. И понял, что она не лучше меня. Что она тоже обыкновенная, если... если убрать всю магию. Вот чего я хотела! Документ я зацепила случайно... Я хотела снять с нее маску... С нее...

Глава 75

Анхальт не оторвался от документа. Серебряная нить уже расплзалась по бумаге, касаясь защитного плетения, и только угол его рта едва заметно изменился.

— Возможно. Но если хотите выяснить насколько, герцог, придётся подождать, пока ваша жена закончит, — отозвался он и сразу заговорил со мной прежним сосредоточенным тоном: — Не думайте о магии. Думайте о том, как показать правду всем. Снять красивую маску с документа. Красивые слова, красивую печать. Чтобы ваш муж убедился в том, что вы были правы. Вы говорили ему правду.

Я заставила себя снова посмотреть на лист. Под серебром чернила едва заметно дрожали, и от пальца к запястью тянулось странное сопротивление, словно я ухватила тонкую нить, за другой конец которой кто-то держался.

Мне хотелось ослабить пальцы и прекратить это неприятное натяжение, но я вспомнила не способ разрушить чары, а то отчаянное желание, с которым рассматривала бумаги Доры.

Тогда я не собиралась управлять неизвестной силой и не знала, что вообще способна на неё повлиять. Мне нужно было только добраться до правды, спрятанной под безупречной поверхностью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.